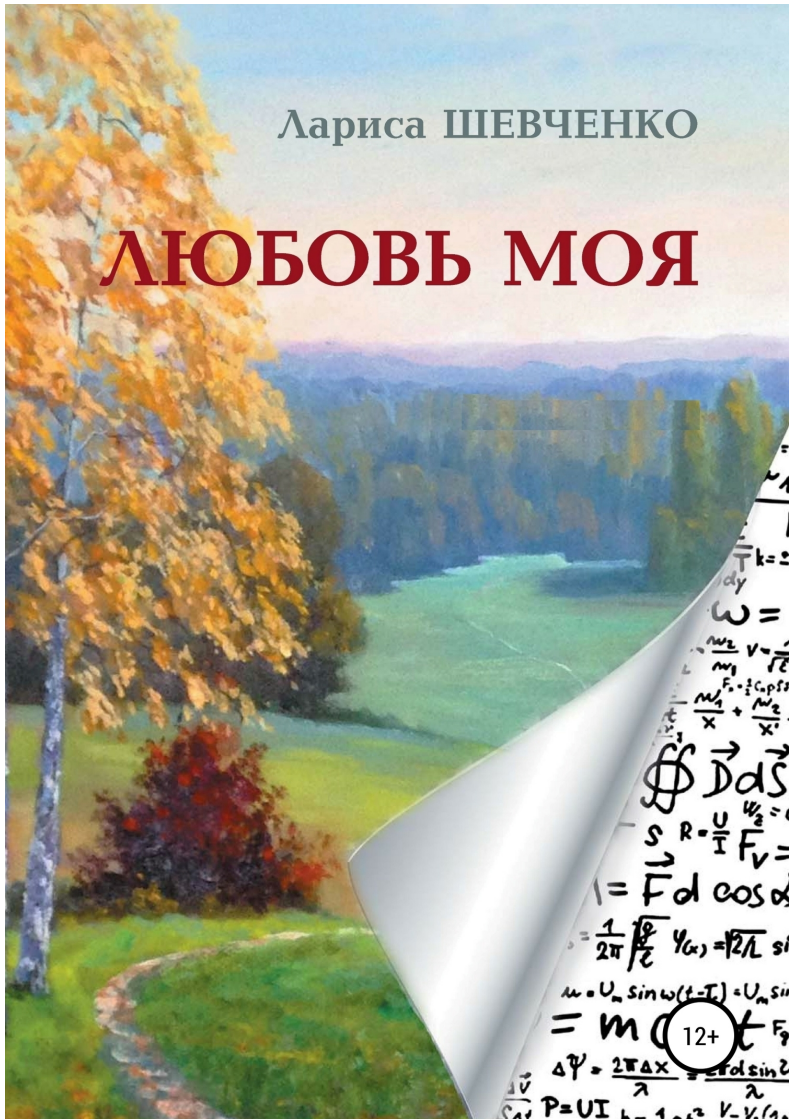

Лариса ШЕВЧЕНКО

ЛЮБОВЬ МОЯ

$\vec{T} = k \cdot \frac{dy}{dy}$
 $\omega =$
 $\frac{m_1 v_1}{m_1} + \frac{m_2 v_2}{m_2}$
 $\frac{m_1}{x} + \frac{m_2}{x}$
 $\oint \vec{D} d\vec{S}$
 $\vec{S} = R \cdot \frac{U}{I} \cdot \frac{W_2}{F_V} =$
 $W = F d \cos \alpha$
 $= \frac{1}{2\pi} \sqrt{\frac{P}{L}} \varphi(\alpha) = \sqrt{2L} \sin$
 $u = U_m \sin \omega(t - T) = U_m \sin$
 $= m \left(12 + t \right) F_9$
 $\Delta \Psi = \frac{2\pi \Delta x}{\lambda} = \frac{e \phi \sin \alpha}{\lambda}$
 $P = UI$

Лариса Яковлевна Шевченко

ЛЮБОВЬ МОЯ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51882132

SelfPub; 2020

Аннотация

Пятая книга серии «Вкус жизни» – «Любовь моя» – о писательском труде и об оценке творчества сокурсниц их подругами с точки зрения житейского опыта простого обывателя. Любовь к людям, природе и желание писать жизненную правду составляет основу, базу этих людей, делает их жизнь богато наполненной, интересной. Автор попутно затрагивает массу сложных вопросов. Например, нужна ли современному человеку религия? Что есть счастье? Что делает человека Человеком? Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

Содержание

От автора	5
1	6
2	76
3	105
4	115
5	151
6	216
7	242
8	258
Конец ознакомительного фрагмента.	269

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

От автора

В юности у меня было непрекращающееся состояние вдохновения. Возьму в любой момент ручку и бумагу – и не остановить восторженных или грустных строк. Теперь на творчество меня способна спровоцировать только музыка родной природы.

Боже мой! Как мила и умиротворяюще спокойна природа средней полосы России! Она не способствует и не потворствует агрессии, раздорам, войнам. Как тепло и радостно она ложится на сердце русскому человеку! Ее ширь вызывает к доброте, благодушию и мечтательности. Может, поэтому «душа моего народа всегда улыбается», хотя за улыбками часто стоит беспокойство и боль за свою страну. Невозможно из нас вытравить чувство любви к Родине. Оно с детства глубоко прорастает в наши души.

И мои запросы и эмоции таковы, что я могла состояться только в России. Родина – первопричина всего, что есть во мне. Она – моя любовь, моя вера, моя религия.

Любовь моя

1

– Лена, я читала твои книги, но мы слишком мало говорили о твоём увлечении, – прошептала Инна на ухо подруге.

Та вздрогнула и ответила сильным спросонья голосом:

– Я же начала писать в тот год, когда ты вернулась от меня в родной город, так сказать, на место своей постоянной дислокации, а по телефону диспута не устроишь. Мне важно твоё прочтение, твоё понимание моего творчества, но сейчас далеко за полночь и я физически не способна к полемике, устала. Я уже никакая. Давай серьезно побеседуем дня через два. Завтра нашему курсу предстоит торжественный форум с преподавателями в стенах родного университета, а потом ещё застолье допоздна на базе отдыха. Нам надо быть в хорошей «спортивной» форме, чтобы выдержать такой марафон. Я у Киры задержусь в гостях на целую неделю. Но ты же знаешь, что мое время в основном будет посвящено тебе. К тому же своим разговором мы Аню с Жанной можем разбудить.

– Ну что тебе стоит! Я совсем чуть-чуть тебя побеспокою. Понимаешь, наши девчонки в литературе дилетанты. Я с тобой как с профи хотела бы поговорить. Удели мне пять минут, ответь на несколько вопросов. Черти меня изнутри раздрают. Вот скажи мне, пожалуйста: когда ты про себя стала понимать, что ты писатель?

– В четырнадцать лет.

– Ты по причине обостренного чувства ответственности за учебу, работу и за детей поздно начала писать и, по сути дела, отложила любимое дело почти на сорок лет, упустив для созидания юность и молодость – периоды особой восприимчивости и творческого подъема? Ты слишком долго стояла на низком старте, прежде чем решилась одолеть стайерскую дистанцию. Помнишь Заболоцкого, «нет на свете печальней измены, чем измена себе самому». Разве все эти годы нереализованный талант не тяготел над тобой, не давил на мозги? Что-то мне подсказывает, что я не ошибаюсь.

Зная характер Инны, Лена прекрасно понимала, что пятью минутами она не обойдется, но отказать не смогла. «Все равно ведь не оставит в покое», – подумала она, поворачиваясь лицом к подруге.

– Прямо-таки талант, никак не меньше? А что такое талант?

– Сия тайна велика есть, – тихонько рассмеялась Инна.

– Я только начинаю поднимать голову и заявлять о себе. Я где-то еще на полпути... Тебе не хватает критического подхода конкретно к моим книгам. Ты пристрастна, потому что видишь мои способности через увеличительное стекло нашей дружбы, – сказала Лена со свойственной ей мягкой интонацией. – Конечно, мысли требовали выхода. Ведь глубинное желание получать удовольствие от хорошо сложенных строчек зародилось во мне еще в раннем детстве. Помню, в

дошкольном детдоме, воспитательница объяснила, что звуки нашей речи – это колебания воздуха, волны. Я тогда сразу догадалась, что и музыка – это волны, непосредственно связанные с нашим организмом и Природой. И что стихи, и даже проза, тоже таинственный способ организации звуков и знаков, возникающий под влиянием неожиданных движений души человека. В зависимости от порядка слов предложение может зазвучать и засиять, а может и погаснуть. Этому пониманию я всецело обязана стихам Некрасова и музыке текстов русских народных сказок. А в школе я узнала о частоте колебаний, и что музыка – по Пифагору – это различное соотношение частот...

Но ты права, жизнь, к сожалению, так сложилась, что я не могла позволить себе начать писать раньше. Чувство ответственности тормозило развитие во мне творческого литературного процесса. Я хорошо помню, лет так с четырех, яркое восторженное состояние, возникающее в душе при появлении в голове стихотворных строчек. Тогда я еще не знала, что это называется вдохновением. А то, что оно на самом деле существует, я поняла лет в шесть. Как-то стала перерисовывать из газеты портрет Ленина. И он очень похожий получился с первого раза. Я обрадовалась – буду художником! На другой день опять попробовала рисовать, но как ни старалась – ничего хорошего не вышло.

– И как же ты все-таки решилась взяться за исполнение мечты? Собиралась с духом всю жизнь, а ушла в писатели

одним днем? «Летать, так летать!»

– Одной счастливой минутой. Спасибо случаю. Новый начальник оставил меня без подработок, на одну ставку «посадила», чем сам того не желая, поспособствовал осуществлению моей мечты. У меня появилось свободное время.

– Ты, «мягко говоря, но грубо выражаясь», никому не подражаешь? Мне кажется, твои книги не похожи на перепевы, пусть даже классиков. И в процессе взаимного опыления с современными писателями не участвуешь? – с подчеркнuto серьезным видом задала Инна следующие вопросы.

– Прекрасные встречи с великими произведениями прошлого, с биографиями незабвенных творцов – это как рукопожатия через века! Берешь в руки старинную книгу и будто чувствуешь некую сопричастность. – Лена будто впала в мечтательный анабиоз. Даже глаза прикрыла. – ...Но важно то, что мы в себе сохранили от великих людей, задающих нам высокую планку.

А через несколько секунд Лена сказала с улыбкой:

– С «пионерской» прямоотой отвечу, даже скажу крамольную вещь: в стихах – было дело, подражала. Разве не помнишь? В школе мне нравилось сочинять «под кого-то» и при этом чувствовать себя умной, хотя на самом деле уже понимала примитивность своих виршей. Но в прозе – никогда не пыталась. В ней я всегда выражаю себя и слушаю только свой собственный голос. Сначала гонялась за выразительностью текста, а не за полнотой смысла, потом предпочте-

ния поменялись. Наугад шла за своим сердцем. Жаль, что почти ничего в памяти не сохранилось от тех восторженных лет. Да и все, что записывалось на бумаге, утрачено, бесследно исчезло в деревне за годы моей учебы в университете. – Лена вздохнула. – Из детства вспомнилось. Читала я «Дон Жуана» Байрона. И неожиданно меня обидно поразило его сходство со стихами Пушкина в «Каменном госте». Меня как трехметровой морской волной окатило: «Он подражал Байрону?!» В первый момент была потрясена неожиданным «открытием». Кровь отлила от лица. В недоумении застыла. Я была придавлена тяжестью невероятно неприятной мысли. «Такое невозможно, это какая-то ошибка!» – молотком бухало в моем мозгу. Масса совершенно новых мыслей больно распирала мою голову, а в онемевшей груди метался сумасшедший ураган не находивших выхода горьких чувств. Мне хотелось, чтобы этой книги не существовало: «Я ее не видела, не читала. Ее нет и не было!» И я заплакала. Долго приходила в себя, лежа на своем любимом черном дерматиновом диване.

Когда нервная вспышка погасла, я смогла здраво рассуждать. Мне было десять лет, и я уже понимала, что это перевод с английского похож на стихи нашего великого поэта, и что переводчик мог подражать Александру Сергеевичу, тем более что у Пушкина была своя, отличная от Байроновской, версия поэмы. Мелькнула мысль: «А вдруг он сам переводил «Дон Жуана», ведь Байрон жил раньше». И закрутилось, за-

вертелось в голове...

Я искала оправдания своему ревнивому испугу. И, конечно же, нашла. Дуреха. Но все равно некоторое время переживала: «Как я могла даже подумать такое?! Я, глупая, позволила себе покуситься на святое?» Собственно, я не думала нападать. Сознание подкинуло мне эту загадку, а разум ее разгадал. Каких только глупых и умных задач мы не решали в детстве!

– Ты испытываешь в той или иной степени влияние на свое творчество каких-нибудь конкретных писателей? Из-за них ты не теряешь собственную природную стилистическую независимость?

– Влияние неизбежно. Человек живет не в вакууме. Ты, когда разговариваешь, разве не замечаешь в своей речи каких-либо строк из литературных произведений? Ты произвольно являешь новые, неожиданные мысли, синтезируемые мозгом, сформированные общим состоянием твоего культурного уровня, фактически тем, что соизволила впитать твоя память, твоя личность. А она много чего хорошего получила. Ведь художественных книг в детстве ты прочитала на порядок больше, чем смогла позволить себе я. Меня нельзя было назвать не по возрасту начитанной. Работа по хозяйству занимала почти все мое свободное время. И из школьных уроков литературы я мало что вынесла, – усмехнулась Лена, вспомнив своего недобросовестного учителя.

– И это не аукнулось в твоём сочинительстве самым же-

сточайшим образом? Только у писателей, ознакомленных с шедеврами мировой литературы, возникают произведения с идеальным соотношением результатов наследия и новаторства. Разве тебе не требовалось восполнить пробелы? Так сказать, «привить классическую розу к дичку». Начать с древних фолиантов и расти, расти до уровня небес... Наверное, любое стоящее произведение прошлого расширяет границы интеллекта. Есть тут над чем призадуматься? И это при том, что ты у нас стихийно одаренная самоучка! – скорчив хитренькую рожицу, прошептала Инна. – Допустим, о любви написано много прекрасного. Это же вечная тема! Но любые истории о ней всегда будут интересными и особенными. Например, написать бы о том, что иногда сердце человека разрывается на части, а ему хорошо! Он на небе от счастья... И тем обогатить литературу. Можно ничего не читать о любви и создать что-то совсем уж гениальное. Но, наверное, лучше бы всё о ней знать, чтобы заново не изобрести велосипед?

Лену не тронула шпилька подруги. Она спокойно ответила:

– Ты права. Ощущаю недостаток знаний. Мне бы впитать весь серебряный век, познать истоки словесности. Но мой шеф в НИИ говорил: «Ваши книги для школьников не отягощены классическим наследием и не перегружены избитыми литературными ассоциациями. Но от этого они не стали хуже. Напротив, в них видна индивидуальность автора, потому что вы писали, полагаясь только на свое чутье и на свой

жизненный опыт. Они ниоткуда не слезаны и не перелицованы».

– И с тех пор всё твоё творчество подчинено...

– Я думаю, что качество моих произведений для детей мало зависело от количества прочитанного мною в детстве. Помню, первые книги как-то быстро «встали на ноги». Они шли не от ума, а от концентрации чувств. А вот для взрослых...

Инна не дала Лене окончить свою мысль.

– Та, первая – эмоционально насыщенная, сокровенная книга-исповедь, которой ты сдала экзамен на художественную зрелость, – полностью твоё детство, твоя судьба? Приоткрой карты. В ней простые и внятные трагедии детей. Она написана сердцем. Мелодрама – трудный жанр. Там всегда всё на грани.

– Это не мелодрама. У меня не было необходимости укрупнять характеры героев, делать их выпуклыми. Да, трагедии детей, но и просветы есть. Не надо бояться правды, закрываться от нее, рассматривать сквозь светофильтры, – сухо заметила Лена.

Инна мгновенно переключилась:

– Хорошо, что это исповедь, а не проповедь. Я читала и видела в главном персонаже только тебя – маленькую девочку с глазами взрослой несчастливой женщины. В этой книге через свой образ ты позволила себе провести мысль о том, что принесла детям война. Ты соединила в себе...

– Главный герой там мальчишка, – напомнила Лена, осторожно прервав бурные эмоции подруги.

– Печальный, но не депрессивный дебют. Вещь замечательная по своей искренности, правдивости и силе убеждения. Это не просто зарисовки жизненных ситуаций в подчеркнуто реалистической манере, это открытый вызов войне. Ты даже тонкие нити вымысла в нее не вплетала?

– Иначе я боялась бы сфальшивить.

– Твоя первая книга – манифест, твоё творческое кредо. Это мощное, этапное произведение! Тебе удалось выйти из непревзойденной зоны его влияния, и за ним покатился «марафон» новых книг. Полные обоймы... Материал требовал выхода. Ты не могла остановиться. Они не вторят, а углубляют и расширяют тему. В них дети идут по жизни с широко открытыми глазами и распахнутыми к добру сердцами. А от зла они прячутся «во внутреннюю эмиграцию» своих мечтаний, скрываются за скорлупой безразличия. Вся композиция твоих книг построена на воззвании к любви в Мире и в семьях. Ошеломительное, непередаваемое впечатление! Как пришлись по душе! Они мне бесконечно дороги. Твое визуальное Слово ждет человечество! Познавая себя, ты открываешь других? Правильно говорят, что если дано, с неба все равно упадет... И не надо ломиться в закрытую дверь, биться головой о стену, рыдать в подушку.

Лена усмехнулась и спокойно ответила:

– Ты чересчур восторженная. Самопознание важно. Пом-

нишь дневники Толстого? В них откровенная беспощадная оценка своих поступков и, главное, своих чувств. Без глубочайшего погружения в себя не было бы его литературных шедевров.

– «Великие исключения всегда остаются великими исключениями?» – засомневалась Инна. – А что сама создала шедевр, так и не поняла? Неосознание масштаба своей личности – это неправильно. Понимаю, ты человек мучающийся, мятущийся, рвущий себя. «Украшен разум скромностью обычно, и добротой украшено величье». Это о тебе. Ты не хочешь быть в центре «мироздания»?! Bravo! Снимаю шляпу.

– Шутишь? Я принадлежу только самой себе.

– Счастливая зависимость. Вся твоя психика направлена на творчество. Ты прекрасно пишешь, потому что у тебя достаточно широты, доброты и таланта, чтобы понять и принять людей на тебя не похожих. Тебе интересна внутренняя жизнь каждого человека.

– Ты права. Я выражаю чувства, а не события. Но это не просто поток настроений, а целенаправленное исследование.

– У тебя простые слова, но сложные мысли. Совершенство в простоте.

– Это качество желательно иметь каждому писателю, особенно детскому. Я его только-только начинаю в себе развивать.

– Но как же: «Талант зависит от личности самого автора»?

А я бы хотела создать произведение радости и счастья! Написать нечто такое, что затмило бы всё ранее об этом написанное. Но не дано. Чего-то во мне для этого не хватает. Да и личная жизнь приносит одни разочарования. Какое уж там счастье? Правда, существуют разные виды счастья, и по качеству они отличаются...

Мне кажется, чтобы видеть дальше и глубже, надо убрать в себе все лишнее, наносное: шаблоны, стереотипы; освободить себя от архаичных форм и слов. Мне по душе высокопарная фраза Родена: «Выжечь искру и сгореть в пламени своих творений». И ты горишь. Предназначение писателя – извлечь заключенную в словах истину и красоту. У тебя это получается. Остается разрешить вопрос: «Как далеко можно заходить в поисках правды, чтобы не подавить читателей своей откровенностью?» «Не надо полностью обнажаться там, где достаточно снять шляпу?» (Инна всерьез мечтала о писательстве?)

– Глядя на тебя, я думаю: «Кто есть для писателей хороший читатель? В кого мы его превращаем? В соавтора своих впечатлений? Он тоже сочиняет в голове свой сюжет, а не только идет за волей автора?» Степень читательской свободы намного выше, потому что не только писатель, но и он сам под впечатлением прочитанного вызывает себя на откровенность. И в этом проявляется уже его собственный художественный вкус, интуиция и выбор, и он, часто не замечая того за собой, находит свой голос. И тогда ему требуется по-

нимающий его собеседник – умный, интересный. И читатель целенаправленно ищет такого.

Инна не поняла: шутит Лена или всерьез говорит, но согласилась:

– И я себя так позиционирую. В твоих книгах для детей запах, вкус и цвет жизни – согласны и едины.

– Согласованы. Мне важно и приятно менять восприятие читателя по множеству причин не готового к этому.

– Наверное, у некоторых читателей бывает пассивное восприятие чужих эмоций? – Своим вопросом Инна наталкивала Лену на ей интересную проблему.

– Да, уровень погруженности в произведение у всех разный, – ответила та, но не пожелала отвлекаться от выбранного направления разговора.

Но Инна остановила ее и упрямо повела свою линию.

– Не всем дано считывать замыслы, которые авторы закладывают в сюжеты. Каждый читатель снимает с полки ту книгу, до которой «дотягивается», – пошутила она. – Лично у меня при чтении включаются все чувства восприятия.

– Запахи ощущаешь? Это так редко бывает! Запахи оказывают сильнейшее влияние на пробуждение чувств и мыслей, если автору удастся перевести их на вербальный язык, облечь в слова. Но несовершенство языка в основном позволяет их описывать только методом сравнения с общепринятыми эталонами.

– Эпитетов не хватает? Смеёшься? Во мне при чтении хо-

рошей книги возникают не открытые эмоции, а что-то типа внутреннего напряжения, когда работают самые низкие потаенные басы души, когда перестаешь ориентироваться в пространстве настоящего. Я вся там... Я – сама персонаж, образ! Я переживаю за героя и одновременно за что-то своё. Я участвую в нем духовно, душевно и телесно и получаю невысказанное наслаждение. Именно в таком состоянии я нахожу собственный путь, свое мнение, в котором и радость, и печаль. И тогда сопереживаю уже не только главным персонажам, но и второстепенным, и даже себе самой. И все это идет в одну общую копилку моих чувств.

– Все судьбы в один котел. И они уже едины и не мимолетны. Ты сама для себя раздвигаешь пространство произведения и становишься рядом с его героями.

– И тогда для меня важны не только слова, но и пунктуация. Иногда я реально ощущаю энергию, идущую от твоих книг. Это что-то мистическое, выходящее за пределы нашего знания... Мне кажется, именно такое следование за мыслью автора, и есть главное его понимание. Предвосхищая твоё возражение, объясню...

– Я тебя хорошо понимаю. Ты до сих пор так читаешь? Счастливая! Я рада за тебя. Вот у кого надо учиться быть настоящим читателем! Писатель не существует без читателя, но путь к нему так непрост.

Конкуренцию книгам сейчас успешно создают телевидение и интернет, и сам ритм жизни отодвигает чтение на вто-

рой план. С другой стороны, современные технологии позволяют выразить себя абсолютно любому желающему. Для этого достаточно регулярно публиковать в интернет свои мысли или снимать видео. Подобных желающих находится очень много. В таком многообразии читателю трудно ориентироваться. Ему очень сложно понять, на чтение именно какой книги стоит потратить свое порой бесценное свободное время, – пожаловалась Лена, похоже, собираясь окончить беседу.

Но Аня, оказывается, не спала и попыталась вклиниться в разговор подруг со своим непониманием:

– Материальное тело – тут всё ясно. Душа – это психика, она, по Гегелю, есть «солнечная пылинка». В ней и свет, и тьма, и истина. А как ты думаешь, что есть нерукотворный дух пронизывающий все сознательные существа?

Но Инна, к немалому Аниному огорчению, напористо продолжила свой монолог:

– Из меня, например, тоже часто выскакивают интересные фразы, но я боюсь, что написанное мной не окажется настоящим открытием и не останется в веках... или хотя бы в памяти близких. Критики не захотят из моих «шедевров» выщипывать беспримерные перлы и отправлять их «в народ». Они не станут наполнять ими духовную сокровищницу нашей литературы. Ну, если только отдадут на откуп СМИ. А каждому человеку хочется чем-то проявить себя на земле, чтобы не исчезнуть бесследно.

– Тебе легче, – заметила Лена, отлично понимая иронию подруги и ее неуверенность в себе.

– В противном случае честные критики быстро вскружили бы мне голову. Только ведь люди всегда субъективны, поэтому и в этом деле не избежать несправедливости. Но критики формируют общественное мнение. Они – рупор! А иногда и цепи на галерах романов. Их одобрение фиксирует произведения, которые остаются в истории! Мне кажется, что мужчины – критики произведений для детей – должны включать не только голову, но и чувства, иначе они сердцем не попадут в пространство чувств ребенка и женщины. Я не совсем доверяю конкурсным комиссиям, состоящим из одних мужчин. На мой взгляд, это некий перекося. Женщины там более уместны. Они обладают и рациональностью, и иррациональностью, и чуткостью ума. Ты замечала, что мужчины и женщины читают одно и то же произведение по-разному? И выводы у них часто не совпадают. И к тому же мужчины лоббируют произведения мужчин. Я больше всего ценю свободное мнение специалистов, на которых никто не давит.

А вообще-то мои слова часто опережают мои мысли, – строго осудила себя Инна и тут же рассмеялась, вспомнив что-то веселое.

«То об одном, то о другом говорит. То творчество ее волнует, то премии. Ну и перепады. Борется со своим темпераментом или считает, что он добавляет ей шарма?» – подумала Жанна, выйдя из дремы и окунувшись в рассуждения

Инны.

– Ты многое подмечаешь, у тебя свой особенный взгляд на вещи. Я ценю твои замечания. Они очень хорошо ложатся на органику и фактуру некоторых моих не очень удачных героев, дополняя, исправляя мои огрехи, – серьезно сказала Лена. Ей не хотелось касаться вопроса критики.

– У меня зрение, а у тебя видение, – весело отреагировала Инна. Она с удовольствием сделала подруге комплимент.

– Твои фразы стоит записывать, они бывают очень даже интересные.

– Что ни слово, то «брильянт», концентрация невиданной силы радостей, страданий и осмыслений! Сама себе завидую. Мой мозг на самом деле иногда неплохо срабатывает! Он способен на прекрасные неожиданные решения, – с легкой усмешкой сказала Инна, тем не менее, просияв от Лениной и собственной похвалы.

– А писатель-наставник у тебя был? Тот, который прямо или косвенно влиял на твоё творчество? – продолжила «пытать» Лену теперь уже Аня.

– Хотелось бы сказать, что были учителя – подарки Бога. С детства я вынашивала мечту реально войти в круг прямого общения со знаменитыми писателями. Да и позже. Но не встретился «поэтический провокатор», способный раскрутить меня, ничего не умеющую, но сильно чувствующую, который научил бы вытаскивать меня «из себя же самой»; такой, чтобы подсказал, подправил, поддержал в моменты

горькой безнадежности, чем облегчил бы мне задачу вхождения в литературу. Да еще если бы он сделал это в годы моей юности.

– Мне кажется, таланты появляются непредсказуемо, независимо от места рождения и условий жизни. Они результат случайного генного сочетания, – сказала Аня.

– Пушкиных рожают не только гены, но и окружение. Лена, тебя бы с детства отправить в «высококультурную питательную» среду, а не в наш колхозный хлев. Ты бы, наверное, еще поэтичнее повествовала о родном крае, о хороших людях. Мне кажется, настоящее искусство может быть создано только в окружении прекрасного, а вовне оно окажется и проявится или внутри человека – это кому как повезет. Хотелось бы и того и другого. Ты еще в детстве понимала, что рождена нести людям доброту и красоту? – спросила Инна подругу.

– Похоже, что так. А несую грусть, – усмехнулась Лена.

– Но не тоску.

– Меня жизнь «приговорила» к написанию таких книг.

– Певец Николай Носков тоже поет только грустные, надрывающие сердце песни. И что из того?

Не представляю себе Лермонтова, пишущего что-то типа «Денискиных рассказов», – заметила Аня.

– В твоей жизни грустного материала было много больше, чем радостного. Чаше позволяй себе быть счастливой, тогда и появятся веселые произведения, – уверенно сказала Ин-

на. – Акцентируй свое внимание на красоту. Ты же талантливая.

– В следующий раз, – с улыбкой ответила Лена.

– В следующей жизни? – усмехнулась Инна.

– Писателю дается чувство слова. Он пишет на языке подсознания, – сказала Инна.

– Герои диктуют язык произведения, – не согласилась Аня.

– Писатель может услышать мелодию своей эпохи, предвидеть будущее и еще много-много чего хорошего, – после некоторой паузы, глядя в потолок, мечтательно произнесла Инна. – И все же он всегда продукт своего времени.

– Хорошие данные важны в любой профессии, – заметила Лена.

– Нет, писателю требуется особое покровительство небес! Кто-то свыше должен быть к нему расположен. Писатель обязан так кодировать свои мысли, чтобы его понимали другие, но не все, а только те, которые совпадают с ним ритмом сердца, – заявила Инна. – Твое творчество чем-то схоже с Ритиным?

– Где она и где я? У нее удивительная способность писать, не обнаруживая в произведении свое присутствие. Это говорит об ее уме и профессионализме. А я в книгах о подростках говорю от своего имени, от первого лица. Наверное, это была только первая ступень в моем творчестве. Но мне ка-

залось, что так произведение будет выглядеть достовернее.

– Толстой тоже себя преподносил.

– Но не напрямую же, – отвергла мнение Инны Аня.

– Его романы сплошь автобиографические, они – самопиар в лучшем виде. Богатая собственная жизнь – золотоносная жила для писателя, – сказала Инна.

– Но у Толстого был огромный люфт между его собственной жизнью и провозглашаемыми идеями. А Чехов себя не выставлял, а если и говорил о себе, то как-то иносказательно. И тогда значительность его героя возрастала. Он только выводы из своей жизни вносил в произведения. Они чувствуются и в подоплеках, и в подтексте, – опять вступила в разговор со своим мнением Аня. – То, как писатель трактует своего героя, о многом в нем самом говорит. Чехов-врач и в своих рассказах беспощадный диагност. Но он умел «закрываться», и мы не видим прямой связи с его биографией.

– В героях Чехова все равно многое от его психотипа. А как иначе? – заметила Жанна. – А еще он все письма сохранял для потомков и биографов. Вот они-то его четко характеризуют.

– Не комкал, не выбрасывал как ты, Лена. – Инна рассмеялась. – Читая переписку, представляешь писателя совершенно другим человеком. Там он в чистом виде. В письмах об авторе можно такое накопать!

– Не в ущерб вышесказанному добавлю: чтобы глубоко заглянуть в Чехова, надо быть прекрасным психологом. Неда-

ром о нем говорил Станиславский, его горячий поклонник: «Чехов неуловим для многих. Он неисчерпаем», – поделилась своей эрудицией Жанна.

– Не помню, кто так хорошо высказался о наших великих писателях: «Достоевский – Дон Кихот русской литературы, Чехов – ее Гамлет», – не уступила ей в познаниях Аня.

– Многие писатели были врачами. Они ставили диагнозы эпохе, обществу и отдельным людям. И среди инженеров случались талантливые провидцы, – напомнила Жанна.

Лена, поняв, что остановить беседу ей не удастся, вернулась к началу их с Инной разговора.

– Рита, по ее собственному признанию, напрямую не навязывает свое мнение, а транслирует его через своих героев, но не концентрированно, в пределах разумного, так как считает, что перебор во всем вреден. И наши с нею техники и стилистики не имеют ничего общего. Но то, что мы обе бывшие детдомовцы, дает о себе знать в наших книгах.

– Понятное дело: У вас боль проистекает из подобных источников и обостренное чувство лишенности заставляет фокусироваться на определенном типе героев, но каждая из вас по-своему доносит до читателей память тех трудных лет и судьбы друзей. У каждой свой свободный полет души. Всегда найдутся писатели, делящиеся радостью бытия и достижениями. А некоторые, и ты в их числе, пишут о боли, потому что свои и чужие детдомовские психологические трав-

мы держат вас в тисках всю жизнь. Потому-то не все детские книжки – сладкие витамины. Мне вспомнилась шутка сценариста-юмориста Иннина: «Если бы Лев Толстой жил в коммунальной квартире, он стал бы Салтыковым-Щедрым». Бытие определяет сознание. Вот поэтому марксизм за сто лет изменил мир сильнее, чем христианство за две тысячи, – усмехнулась Инна.

– Вы с Ритой повествуете о том, что тревожит сердца женщин всего мира. И это далеко не мелкотемье! Орлы не ловят мух. О себе – не волнуйтесь – мужчины сами возвестят. И все же почему ты сначала взялась писать о детях? – спросила Аня.

– Потому что самые крупные события в стране прошли до моего рождения: революция, гражданская и Великая Отечественная войны. День Победы я в младенчестве застала. И моя молодость пришлась на довольно спокойные годы. Нашему поколению достался не самый трудный период в жизни страны. Вот поэтому я сочла наиболее важным для себя – пытаться влиять на воспитание подрастающего поколения.

– Ты, как главный герой романа «Над пропастью во ржи» хочешь спасти детей, которые еще не испорчены этим миром, потому что в детстве тебе некому было помочь?

– Да.

– В книгах для подростков ты прекрасно и много описывала природу. Теперь, когда ты творишь для взрослых, она для тебя не актуальна? – спросила Инна.

– Сейчас я в большей мере направляю свой взгляд на человека, на его психологические проблемы.

– Язык автора, наверное, определяется природой его таланта и тем, к чему он призван свыше? – задала вопрос Жанна.

– Насчет «свыше» – не знаю. Но иногда краски сами ложатся не так, как ожидаю, более интересно. Я подхватываю эту новую манеру и использую дальше. Я будто работаю не одна, а по чьей-то подсказке. Но такое случается только в периоды вдохновения. В творчестве есть много чего мистического.

Своих читателей я беру правдой, у меня всё от первой до последней строчки – из жизни. Мне важен замысел, но без эмоционального оформления он притухает или совсем гаснет, вот я и вкладываю в него свою душу.

– А я читаю душою, сердцем, кожей, позвоночником! Во время чтения я плачу, смеюсь и чувствую, что душа моя еще жива! – радостно высказалась Инна.

– Я пишу по причине глубокой подлинной внутренней потребности и так, как сердце того просит. Но вот откуда она?..

– Говорят, делай то, что нравится, и будешь счастлив, – сказала Жанна.

– А Рита помимо таланта владеет серьезными знаниями в области теории литературы. Она много работает со словом.

– Ну как же! За каждым словом – целый лингвистический мир, – понимающе кивнула Инна.

– Рита, пожалуй, несравнимо превосходит меня в построении фразы. Но не в донесении смысла. Она не любит писать истинно реалистично, в ее рассказах много фантасмагории. Я бы сказала так: ее проза реальна, но не совсем реалистична. И это при том, что сама она не витает в облаках, твердо стоит на ногах. Ее повествование управляется не фантасмагорией, а ролью героев. Рита говорит, что роман по природе своей – выдумка, и что сочиненные ею люди, всегда интересней тех, которых она видит вокруг себя. Она исходит из своих умозрительных представлений, на самом деле не побывав ни в одной из описанных ситуаций. Наверное, это тоже ее плюс, тем более, что этим методом, она, как бы попала в струю современных литературных течений.

– А твое изображение действительности гораздо реальнее самой действительности, – пошутила Инна. – Помнится, твое мышление даже в рисунках не могло посягать на абстрактное искусство, когда мы в шестидесятых по собственной инициативе расписывали строительными масляными красками стены и крыши домиков в спортивном студенческом лагере. Свой домик ты погрузила в пучину морскую, населила акулами, дельфинами и прочей живностью, а я изощрялась в изображении немислимых абракадабр, предшественников граффити.

– Лена, вы притягиваете с Ритой, хотя говорите на разных языках? Вы обе видите внутренний абсурд каждой ситуации, но Рита уходит в проблему «кто?», а тебе важнее

«как?» и «почему»? В поддавки не играешь. Когда тебя что-то мучает, ты просто здорово переносишь это на бумагу. В твоих книгах конкретное писательское «свидетельство жизни». Ты – камертон реальности. Правда жизни, концепция боли и переживаний, чтобы найти отзвук в сердцах читателей – это хорошо, потому что события они твоими глазами будут видеть. Я с детства замечала, что в книжках часто всё не так, как в жизни на самом деле, многое приукрашено, особенно, когда описывалась сельская жизнь. И это мне не нравилось. Даже у Гайдара. Он погружал нас в будто бы счастливое советское сталинское детство. А ведь правда дает человеку свободу. Наверное, многое у него было скрыто между строк? – спросила Аня.

Она, оказывается, не заснула, а лишь слегка побарахталась на мелководье дремоты.

– Не придумывай того, чего не было, – возмутилась Жанна.

– Тебе принадлежит монополия на правду? Гайдара тоже притесняли, пытались отлучить от литературы, его книги из библиотек изымали. Забыла? – удивилась Аня. – И все же я не люблю читать про совсем уж темную, злую, неприглядную жизнь. Я устаю от нее. Читаю, чувствую, что не хочу больше... наступает переполнение... Нравится узнавать про добрую, в крайнем случае, про грустную.

– Чтобы эмоции не зашкаливали, чтобы помнила кто ты и где ты? Чтобы не «сдвинуться по фазе»? А то вдруг как ша-

рахнет по мозгам собственное открытие себя! – шуткой продолжила Жанна Анину мысль. – Советую: если чувствуешь, что содержание невыносимо травмирует – отложи книгу.

– Так ведь притягивает.

– А у Лены минорность одних рассказов перекрывается мажорностью других! – как спичка вспыхнула Инна. Ее раздражало вторжение подруг в их с Леной душевный разговор.

– Рисовать характеры героев черно-белыми красками, без полутонов не стоит. Излишняя откровенность и резкость убивают. Злоупотребив ими, можно такого натворить! Говорить правду – святая обязанность каждого художника. Но важно, как ее подаешь. Правду приходится дозировать. Особенно для детей. Литература не только сопереживанию должна учить, но и пробуждать в душе желание радоваться. Такая вот, казалось бы, противоречивая задача для моей грустной темы. Сначала в ребенке надо зародить любопытство к героям книги, затем сочувствие. Только после этого может возникнуть симпатия. И последовательность событий в детских книгах должна соблюдаться. Я рискую надоесть вам своими разъяснениями.

Хотела Лена того или нет, но тон ее слов прозвучал, как нежелание вовлекать в беседу новые лица. Может, она намеревалась поскорее ее завершить или просто боялась окончательно растормошить совсем уж было уснувших подруг?

– Я отпадаю! Ты же у нас поэт сострадания! Тебе важно, что и как ты доносишь людям. Тебя с Ритой роднит некото-

рая внутренняя похожесть, но мозги у вас по-разному структурированы. Ваши биополя, наверное, различаются размерами, поляризацией и степенью концентрации. Ты мне близка, а мистическая сторона Ритинового творчества для меня остается загадкой. Когда я ее читаю, многое как-то расплывается, уходит куда-то... – недоумевая, пожала плечами Инна.

– Настоящей прозу делает не только рациональное, но и иррациональное, – заметила Лена. – Второе я использую редко и точно, но полностью щель между ними не законопачиваю.

– А еще прозу выстраивает реальная сила воздействия слова, – добавила Жанна серьезно.

– И новизна, – подсказала Аня.

– Авангардом читателей пускай пичкают другие, – сказала Лена с улыбкой. И тут же уточнила:

– В основе любого авангарда тоже должно лежать классическое искусство.

– Авангард обычно начинается со скандала. Он, предлагая что-то новое, конструирует свою «вселенную». Потом, как и в любом искусстве, наступает кризис – это закон любого развития, – который открывает дорогу новым направлениям, иным взглядам. И они не всегда лучше ушедших «со сцены», вспомни современные инсталляции. А из всего уже созданного время выбирает шедевры. Они-то и остаются в культуре и передаются из поколения в поколение, – благодушно промурлыкала Инна. Ей нравилось, как разворачива-

лась их с Леной беседа.

– Знаешь, у меня все больше зарисовки, эссе. Люблю наблюдать, подмечать, изучать лица, характеры, ситуации. Это моя зона комфорта.

– Ты же физик. Для тебя собирание фактов и их оценка – привычное дело. И в этом особенность твоей прозы, – оценила Инна слова подруги.

– У меня иногда случаются маленькие печальные комедии-моменты. Ты же знаешь, мы – русские – в своей наивной доброте иногда доходим до глупости. Есть над чем посмеяться. Еще пишу об инфантилизме, о девальвации чувств и обесценивании семейных отношений. Беспокоит меня их деградация. Не позволяет совесть пройти мимо этой темы. Сейчас в мире дефицит доброты. Потрясает не только жестокость, но и бездушие, безразличие.

– Их причина – материальная и душевная сытость или отсутствие глубины души как результата плохого воспитания? – спросила Инна.

– У нас материальной сытости для основной массы народа пока вроде бы не из чего произрастать, – заметила Лена. – Я нащупываю доступные средства выражения своего отношения ко всему этому перестроечному безобразию. Проблем много, но они разрешимы. Материальное – не главное, меня духовное беспокоит. По сути дела каждое мое произведение, о чем бы я ни писала, – глава одного целого...

Инна прервала подругу:

– А я думала, что девяностые годы для современных писателей – любимая мишень. Свежий материал, не из затхлых полусгнивших залежей прошлого! Объяснить, почему путч не достиг своей цели и мог ли в принципе? Рассказать, как силовики, начиная с «верхов», «пирог» российский кромсали, деля этим общество на богатых и бедных. И чтобы не поэтизировали это жестокое время. Чем не тема?

– Важная, – согласилась Лена. – Но она для мужчин. А у меня размышления о природе человека, о трансформации его чувств, об исключении различных форм неравенства между полами. В эпицентре моих произведений всегда женщина, мужчина и ребенок. Семья. А в книгах для взрослых – женщины даже в большей степени. Они у меня на первых ролях, основные персонажи, а мужчины как бы «вписаны» между ними.

– Отводишь главное место? Какое же это семейное полотно, если родители в нем представлены не в равных долях? – возмутилась Жанна.

– Все как в жизни. Но если они соответствуют друг другу, я их не обижаю, – улыбнулась Лена.

– Вождеденный объект исследования! Кто решает мировые проблемы, а кто распутывает клубки человеческих судеб. Не есть ли это скатывание в малые дела? Может, и нам уделишь своего высочайшего внимания? – в своей обычной ироничной манере спросила Инна.

– Почему бы и нет. Я ищу своих героев, как выражают-

ся художники, на натуре. Простые люди составляют фактуру окружающей нас жизни, ее питательную среду, и я пытаюсь выявить наличие близости между ними или причины разрушения, непонимания, отчуждения и одиночества. Как говорится, всё то, что творится за моими окнами, мистически и творчески перемалываясь и преобразовываясь в голове, «переселяется» в произведения. И тут уж я отвечаю за устремления своих персонажей, прозреваю природу их зла, ненависти, никчемности, исследую причины бунта и агрессии или наоборот ищу в них что-то позитивное.

– Отстаиваешь немудреную «человечность» в среднестатистических российских семьях, в которых кипят шекспировские страсти? Ха! Редкое попадание в новую тему. И в этом есть поэтическое мужество? – пожала плечами Инна.

– Обыкновенный, «маленький» человек, как принято говорить в литературе, иной раз являет такой мощный характер! Изучая людей, я больше понимаю себя. Я как бы и на себя смотрю со стороны, сравниваю, оцениваю, делаю выводы. Да, у меня реализм, обыкновенность и обостренный интерес к личности человека. Сейчас в литературе больше фантазируют, придумывают, а люди живут, работают, страдают. Они создают жизнь на земле, посвящают себя науке, искусству, детям и стоят, чтобы о них писали. Кто-то должен противопоставить культу силы, денег и подлости силу духа простого современного гражданина.

– «Маленький» человек, «малый жанр». Волшебное ощу-

щение – дирижировать жизнью своих героев! Мне кажется, вы с Ритой впервые в литературе так жестко и резко обозначили проблемы семьи, неверности, неуважения к женщине, к ее домашнему труду. Вы заявили: «Посмотрите, с этим надо что-то делать!» Вроде бы об одном говорите, но как по-разному и многопланово. Я читала, что известный критик и философ Павел Басинский тоже размышляет на эту тему.

– Эти проблемы периодически всплывали в разные времена и в разных странах. Вспомни «Нору» Ибсена. Она о трагедии женщины в семье. Просто в период перестройки многие проблемы у нас несколько обострились, а некоторые вышли на первый план, – ответила Лена Инне и заговорила о другом:

– Для меня очень важно беседовать с читателями после прочтения ими моих книг, особенно детских. Чувствую, если всколыхнули, задели. Читая, люди меняются. Они сами об этом мне рассказывают, примеры приводят. И я вместе с ними выхожу на другой уровень художественного осмысления жизни. Во всяком случае, мне приятно так думать. Но я не знаю, надолго ли им хватает этого заряда?..

А в моих коротких заметках отдельные мысли, повседневные наблюдения, философствования на разные темы. Они тоже составляют часть моего мира.

– Ну как же, «проза, поэзия и философия находятся на трех соседних вершинах»! – привычно, чуть насмешливо хмыкнула Инна.

– Ты знаешь, мне требуются вдумчивые отзывчивые читатели. Они добавляют мне оптимизма.

Инна снова прервала Лену. Ей куда больше нравилось говорить самой, чем кого-то слушать. А в данном случае приоритет был на стороне Лены.

– Читатели типа меня? Которые способны открывать в твоих произведениях всё новые и новые оттенки чувств и истинную глубину? Только вот массового читателя философствованием не завоеешь.

– Я пробовала себя в разных жанрах. Не все мне подвластно. Персонажи мои менее романтические, чем у Риты. Наверное, такие они мне ближе и понятнее. Я не рву рубашку на груди, мягко, спокойно говорю о многом, не без «глобальных» обобщений, конечно. Душу выкладываю осторожно.

– Знаю, изображаешь деликатно, выразительно, не скатываясь в пошлость. Детское пишешь, чтобы заново пережить давно ушедшее детство или излечиться от него? Взрослое, – чтобы изгнать из себя тоску последних лет или поддержать интерес к своей личности? Без цели? Руководствуешься своими представлениями об удовольствии? Чтобы быть чем-то увлеченной или просто во что-то вовлеченной? Твои книги – место свободного обмена мнениями, где можно «найти» правду чуть-чуть разминувшись во времени? Какие пути в голове проходят впечатления, чтобы через десятилетия стать образами, чтобы всё написанное дышало детством, счастьем? И всего-то двумя-тремя штрихами... – забросала

Инна подругу откровенными, чуть ироничными вопросами.

– Писать для меня на самом деле прихоть, удовольствие, потребность и жизненная необходимость. Я потворствую своему желанию, позволяю сбыться моей мечте. И это совсем не похоже на работу. Книги для подростков не написаны старанием разума, они как бы случились... Они не результат труда, а данность. Наверное, потому, что родина детского писателя – его детство. Я писала словно в состоянии экстаза, на одном дыхании. У меня было нескончаемое вдохновение. Как когда-то, в далеком школьном детстве. А написанное под влиянием вдохновения, почти не требуется редактировать. Слова в это время являются самые верные и яркие. Мысли неудержимо рвались из меня с какой-то настоящей требовательностью. У меня, пока я их писала, было изумительное ощущение полета!

– И тебе казалось, что этот полет будет продолжаться вечно! И вдохновенье больше не покинет тебя.

– Я словно бы разговаривала сама с собой, с тем ребенком, который еще был жив внутри меня. Ты же знаешь, я очень рано повзрослела, намного опередив свой возраст. Может, поэтому мне так хотелось хотя бы в книгах еще немного побыть ребенком? – шутливо добавила Лена. – И еще был неожиданный, но очень важный итог написания мной детских книг: я будто отпустила все свои беды: детдомовские и школьного возраста. Они ушли далеко-далеко от меня и перестали преследовать.

– В школе ты училась с какой-то недетской сознательностью. А теперь чувствуешь себя Творцом?

– Ну... не так пафосно. Но без крыльев не полетишь.

– Понимаю, это не механическая работа. Чтобы написать, ты должна была... что-то услышать, чтобы тебе с неба... свалилось. Ты как бы перевоплощалась в своих маленьких героев? Стремилась идентифицировать себя с каждым? – спросила Аня.

– Это по большей части происходило подсознательно. Мои друзья детства, эти маленькие «военные осколочки», на всю жизнь остались в моем сердце со всеми своими «зазубринами и занозами» в характерах. Я с ними – единое целое. У нас общая боль, общие слезы. Я, когда о них писала, плакала.

– Чайковский тоже плакал, сочиняя музыку, и это чувствовалось в его произведениях, – отметилась сравнением Жанна.

– Сироты военных лет – беда, а брошенные современные дети при живых родителях – позор для общества. Они говорят о его нездоровье, – вздохнула Лена. – О них я еще напишу.

– Один мой товарищ считает, что всё в жизни желательно делать с удовольствием. Надо ставить перед собой вопрос: «Если это у тебя отнять, тебе станет лучше или хуже? И только потом делать вывод: продолжать этим заниматься или нет.

Надо прислушиваться к себе. Словами можно убедить, переубедить, а чувства не обманут». И ты тоже прислушиваешься?

– Я бы слово «всё» убрала из этого воззвания. «Надо» в нашей жизни обычно выступает на первый план. Но что касается творчества, то тут твой товарищ прав, – ответила Лена Жанне. – Детские книги я писала памятью своего сердца.

– Знаешь, что еще для меня важно в твоих книгах, помимо всего того хорошего, что мы уже обсудили? Сейчас мало пишут о взрослении подростков. А у тебя есть прелестные, нежные трогательные рассказы о первой любви, такой искренней, честной, чистой, доброй, без ревности, обманов и злости. Ты повествуешь про любовь безответную, но такую восторженную, первозданно радостную! В ней потрясение счастьем, понимание безграничности этого удивительного чувства.

Девочка ничего для себя не требовала, не ждала. Она просто наслаждалась своей любовью к юноше. По моему убеждению, такую любовь проносят через всю жизнь как что-то самое светлое и прекрасное! Через свои маленькие истории ты высвечиваешь большие детские и подростковые проблемы. Тебе интересны моменты взросления.

– Настоящая любовь как прекрасная музыка. Это когда и душа, и все тело поет мелодию любви, – сказала Аня.

– В юности поет только душа. У влюбленных девочек физическое и духовное так далеко разнесены, что не имеют то-

чек соприкосновения. А отсюда непонимание опасности, – подтвердила Жанна слова Инны.

– Лена, эти твои произведения – явление в литературе. В них «открытый цвет грусти и особая мелодия любви». Твои рассказы надо доносить до каждого подростка. Нет, все-таки детские писатели и поэты – особая каста! – восторженно сказала Инна.

– В этой связи мне Экзюпери вспомнился. Самым маленьким детям он прекрасно рассказал о любви и дружбе! – восхищенно отметила Жанна.

А Инна свою мысль закончила:

– Раннее влечение к половой жизни лишает подростков удивительных ощущений духовного развития и взросления своей личности. Я читала твои книги своим внучатым племянницам и внушала: «Не надо торопиться влюблять в себя мальчишек. Они еще глупые как слепые котята. Не ставьте их в условия выбора. Они пока не в состоянии его делать. Да и сами не спешите расставаться с детством». А над старшей внучкой подшучивала: «Воспринимай жениха не как подарок, а как хомут. И смотри, чтобы он тебе холку не натер».

– Правильно делала, что разъясняла. Девочки в своих красивых мечтах часто слишком далеко уходят от реальной жизни, – согласилась с ней Аня.

– Лена, твои книги для семейного чтения детям заняты, понятны и полезны, а взрослым приятны, – сказала Инна.

– Они же грустные, – напомнила Лена.

– И что с того? После них все равно чудное послевкусие. Они воздействуют на читателя всеми возможными писательскими способами. Этакое гигантское полотно...

– Панно, – попыталась смутить или усмирить подругу Лена.

Инна на какое-то время замолчала, погружившись в собственные, и судя по лицу, приятные мысли.

Потом добавила к сказанному:

– У тебя есть доступ к родникам детских душ. Достоинством твоих книг является мощная эмоциональность, полифония и высочайшая нравственность. В них все срослось: музыка слов, искренность, свежесть чувств и личностный, интимный подход к событиям. Предел мечтаний! Первая твоя книга для подростков – твой звездный час, последняя – вершина творчества. Я верю, что ты достигнешь такого же пика и в произведениях для взрослых, потому что уже в первых книгах для детей было заложено все самое прекрасное и важное, что может широко и основательно проявиться позже. Жаль, если оставишь этот проект недоовоплощенным.

– Твои излишние комплименты мне ни к чему. Хочешь ими сбить меня с толку? – тихо спросила Лена. – «Беги от славы, беги от лесты. Они – не слагаемые успеха». Многие хорошие люди, пройдя огонь и воды, медные трубы не преодолевают. Казалось бы, вот оно – счастье! А оно – мимо... Не достается выигрышный билет – успех.

– Мечтаешь отлучить его от себя? Не выйдет, – рассмея-

лась Инна.

– Современные дети другие, они живут фантазиями и воспринимают мир уже кем-то переработанный. На их рисунках в основном иноземные черепашки ниндзя, которые все время ссорятся и воюют, да еще Барби. Это плохо, – удрученно заметила Аня. – А еще дети теперь не верят в сказки, как верили мы.

– Мой пятилетний внучатый племянник Димочка писал письмо Деду Морозу, а сам мне на ухо «по секрету» шептал, что Деда на самом деле не существует, что его взрослые придумали для детей.

А черепашки – дурное поветрие. Ничего, Ленины книги со временем, когда малыши подрастут, вернут их в реальность, научат понимать добро, – сказала Инна.

Лена улыбнулась, и из ее глаз на миг будто исчезла усталость.

– Тебе интересно писать о стариках, которые имеют право рассуждать о пережитом, потому что уважение к минувшему отличает культурного человека от дикаря? Потому что старики – аккумуляторы всего лучшего в поколении? Оно и понятно, мудрость возраста не затеняется личными пристрастиями. Они уже выше их. Это результат твоего трепетного отношения к представителям старшего поколения? – Этими вопросами Аня-педагог выразила свое серьезное отношение к Лениным книгам.

– Я люблю людей, – коротко ответила Лена.

– Рита говорила, что в советское время легче было писать. Творческие люди знали, что ждет от них государство. Были рамки: это можно, это нельзя. Жизнь была проще, стабильнее, народ был более расслабленный. Люди чувствовали дыхание времени, больше радовались. Раньше писателей вели и подталкивали, а теперь они живут в постоянном напряжении, в состоянии преодоления, собственно как и вся страна. Было духовное и душевное здоровье народа, а сейчас каждому второму требуется психиатр. Государство отыскивало таланты, несло за них ответственность: учило, выращивало, направляло обращаться к вечным и социальным темам, обеспечивало редактуру, трудоустраивало, давало жилье, – «поведала» подругам Аня.

– Сначала казалось, что весь мир принадлежит им. Потом узнавали, что и это недостижимо, и это недосягаемо... – усмехнулась Инна.

– Теперь обо всем говорят открыто, нет повода для аллюзий. А хороший юмор должен строиться на намеках и тонких ситуациях. Поэтому и опускаются многие нынешние юмористы ниже пояса. Происходит общее снижение уровня произведений, – добавила Жанна в разговор подруг еще один отрицательный момент.

– Есть социальный юмор, но я люблю безадресный, независимый от географии, общечеловеческий, но тонкий и умный. А если ощущение черных крыльев над миром, осозна-

ние зла, которое проникает во все щели, и невозможность от него избавиться? Не до юмора, – загрустила Аня. – И достойная сатира почему-то отсутствует.

– Она, как правило, развивается и расцветает пышным цветом только в тоталитарном обществе. А у нас демократия.

– Не только, – упрямо не согласилась с Инной Аня. – Недостатков у нас сейчас, пока мы «перестраиваемся», много больше. Есть что покритиковать. Нам нужны таланты с врожденным чувством юмора и вкусом к самоиронии. Эти качества должны быть потребностью души, этакой горчичкой, шикарной приправой к серьезным «блюдам» в характерах юмористов. А сейчас иногда такую примитивную муру со сцены несут! И что самое обидное, считают себя талантами.

* * *

– Ты учиываешь потребности и желания читателей? – задала Лене наводящий вопрос Инна.

– В основном, свои. Я пытаюсь вести их за собой. – Во взгляде Лены, обращенном только к Инне, и в ее тоне содержалась мягкая ирония.

– Говоришь читателям: дышите и живите в одном ритме со мной и с моими героями? Заставляешь задуматься о том, что раньше им никогда не приходило в голову? Учишь?

– Ты всё слишком упрощаешь.

– Не хочешь написать роман о современных удачливых предпринимателях? А прообразом взять кого-то рядом живущего, с реальными фактами из его жизни, с конкретной манерой действовать и говорить, узнаваемого.

– Может и стоит. Успешность – важная составляющая современной жизни не только для мужчин, но и для женщин. Но я не готова об этом писать.

– У меня есть много достойных кандидатур из ближайшего окружения. Глаза разбегаются. Ну да ладно, – разочаровано протянула Инна. – Тебе прекрасно удаются книги для подростков, вот и пиши о них. Будь оригинальна, пролагай новые тропы. Окунайся туда, где «смирятся души твоей «моей» тревоги»! И как говорит один мой друг-художник: «Ищи жизнь даже в спящем куске мрамора». Когда я читала твои описания природы, мне казалось, что ты получила благословение на творчество от любимой малой родины – нашей деревни. Ты росла как деревце, питаешься благотворными соками ее земли. Я чувствую в твоих рассказах запах и вкус той нашей жизни, слышу музыку леса, поля, речки. Она – кратчайший путь донесения чувств и мыслей до сердца. И пока я жива, моя душа всегда будет рваться в места моего детства. Эта же музыка ослабляет и смягчает остроту восприятия боли твоих героев. Но тебе необходимо вербальное дополнять визуальным.

– Уже учла. Четвертое переиздание выпустила с рисунка-

ми.

– А что расскажешь о своих книгах для взрослых?

– Пишу я их также как детские. Когда накатывает вдохновение, я не могу остановиться, пока течет мысль. Лихорадочно записываю, боюсь что-то потерять, упустить. А тут другие мысли наваливаются, в сторону уводят, разветвляют сюжет... Поэтому случаются хромые и корявые строки с нелепым порядком слов. Вот и приходится впрягаться, терпеливо выправлять, шлифовать, углублять или «пропалывать» текст. Кропотливое редактирование – сложная и затратная по времени работа.

– Я наперед знаю, что ты скажешь. Мол, еще не факт, что с первого раза получается доводить текст до ума.

– Трудно расставаться с произведением в том смысле, что улучшать и дорабатывать его хочется до бесконечности, а времени нет. Неимоверное количество материала и радует, и раздражает одновременно. В нем можно утонуть. И о том хочется поведать, и о другом. Чему оказать предпочтение, что вычеркнуть? И название должно быть достойно замысла.

– Хочешь сказать, что не очень владеешь вопросом или стараешься писать лучше других?

– Лучше себя, – ответила Лена. – Эх! Мне бы хорошего редактора, чтобы он не только жестоко погромсал все мои уже вышедшие в свет тексты, но еще и поучил этому искусству. Пообщаться бы с современными гениями критики. Был у меня прекрасный педагог – Николай Калтыгин, под орех раз-

делал один мой рассказик в полстранички и тем основательно «вправил мне мозги». Я ему безмерно благодарна. Жаль, что он больше не находит для меня времени. Я понимаю, собственные счастливые семейные заботы и творческие труды положительно захватили его в плен. И этому тоже можно радостно завидовать. Но способности писателю и критику даются для того, чтобы ими пользоваться, делиться. Возродить бы институт редакторов! Я скромно пытаюсь без них обойтись, но у меня это плохо получается, – «навела» на себя критику Лена.

– Мне понятен вариант, когда впечатлительность и изображение составляют единое целое, – заметила Инна.

– Мне тоже. Но ведь увлекаешься. – Лена улыбнулась, давая этим понять, что одобряет подругу. Потом о другом заговорила:

– У меня нет супергероев. Я пытаюсь постичь непростые и подчас по-настоящему драматические судьбы обыкновенных людей. Мне важна атмосфера в семьях. Юмор я признаю только добрый, элегантный, чуть ироничный, не унижающий человека.

– По типу того, как шутит твой сынок? Как-то сижу я у тебя в гостях и смотрю наш с тобой любимый канал «Культура», а твой Андрюшка проходит мимо меня в свою комнату и, как бы между прочим, говорит, мол, с вами еще не здороваются дикторы телевидения? А другой раз ты зовешь его к столу, и я слышу: «Мамочка, мне некогда, пообедай с

президентом, он сейчас выступить по телевизору будет». Или еще: «Мама, ты следишь за временем? А то без тебя дикторы могут не начать твою любимую передачу». Прелесть!

– Есть в нем эта милая особенность, – подтвердила Лена. – Читая мои опусы, люди окунаются в чужую подлинную жизнь, но пребывая в ней, понимают, что все это относится и к ним, и глубоко постигают написанное. Мое дело – извлекать их чувства на поверхность, заставляя задуматься над причинами своих проблем, но не судить. Я не претендую на роль провидца, но все равно над всеми этими незамысловатыми сюжетами – социальная подоплека. Мне кажется, что мир моих героев не станет чуждым и для следующих поколений. Тема семьи и детей всегда будет волновать людей.

– В этом смысле твои книги – шаг в будущее, в вечность, – полушутливо обрадовалась Инна.

– Значит, ничего эдакого, скандального или слишком фривольного не доносишь, такого, которое не вписывается даже в очень смелые критерии и понятия? Только про жизнь, не пронизанную любовью, про мужчин и секс глазами женщин? Никого не берешь на испуг? Не работаешь в поле таких понятий как гениальность, но не застрахована от того, чтобы не попытаться осмыслить талант как отклонение от нормы. Поэтому ты не выступаешь от третьего лица, как бы рассматривая происходящее со стороны? – спросила Жанна. – Понимаю, это артистам приходится прятаться за псевдонимами, чтобы завистливые поклонники не узнали их адреса и не

изгадили подъезды всякой дрянью и пошлыми надписями.

– Мыслящему человеку неинтересно залезать под чужие одеяла и познавать альковные тайны... Лена тебе уступает это право. Может, когда пригодится, – фыркнула Инна.

Жанна не отреагировала на неприятную реплику и с «задорной кровожадностью» продолжила задавать вопросы Лене.

– То есть у тебя в рассказах обыкновенная сгущенная обывательская обыденность? Она может вдохновлять? Но где быт, там примитив. Или он у тебя срачивается с чем-то более острым и злободневным? Допустим, с революционными гендерными мотивами?

– Ого! Я жду обвинений в пошлости. Похоже, диспут обещает быть «веселым», – удивилась Лена. – Все зависит от того, как этот быт преподносить. В нем свои тонкости и глубины.

– В чем ты усматриваешь пошлость? – спросила Аня у Жанны.

Инна не дала ей высказаться, сама объяснила:

– Пошрое – это не только скабрзное, но еще когда не говорят о главном. Будто его нет. Это неумение оперировать высокими идеями и чувствами, желание восторгаться собой без особых на то оснований. Подчас что-то общепринятое, банальное...

– Писатель должен быть масштабен и в запахах обыденности? То есть, за сегодняшним бытом, за мелочами жизни

он обязан «услышать будущего зов», разглядеть вечное и выразить его всей силой своего мощного искреннего таланта. Да еще соблюсти баланс между простым и сложным, нравственным и пошлым. Он должен всматриваться в лицо Вселенной! А чтобы увидеть и изобразить это вечное, ему надо много чего иметь в себе: верную как у хирурга руку и точно направленную мысль технаря, – сказала Жанна. – И охват событий соответственно обязан быть...

Инна опять остановила Жанну и обратилась к Лене:

– Думаешь, это уровень Аллы, пишущей для избранных? Ты тоже не только изучаешь проблемы отдельных семей, но еще ищешь причины и общие закономерности. Но ты ни на что не претендуешь и далека от мысли о своей талантливости. Меня это напрягает. Ты, часом не прибедняешься? Не желаешь срывать аплодисменты? Они же характеризуют успех, а не полное согласие с автором! Не всем дано тяготение к глубине постижения того, чем ты занимаешься. Восхитительная скромность! Понимаю, в душе должно оставаться чувство постоянной неудовлетворенности, заставляющей стремиться к совершенствованию. На волне первого успеха нельзя долго плыть, тем более торопиться почивать на лаврах. Если только совсем чуть-чуть, чтобы упрочить свое материальное положение, или хотя бы почувствовать, что достигла определенной духовной и профессиональной зрелости. А может, стоит потеснить в себе излишнюю скромность? Ты боишься не соответствовать своему самолюбию?

– Какой яростный сарказм! Ты это о себе или Аллу пытаешься бойкотировать? – поддела подругу Лена. – Когда я стала писать, то почувствовала, что, наконец, достигла желаемого баланса в душе. Совмещать работу, писательство и семейные заботы трудно, но для меня необходимо. Я без всякого смущения признаю свою некомпетентность во многих вопросах. Всего знать невозможно, тем более что я только учусь. По сути дела я еще на середине пути. И если услышу от читателя: «О чем ваша книга?», это будет означать, что я не сумела донести главное.

– Критики объяснят, – рассмеялась Жана.

Инна на миг потяжелела глазами, потом спросила заинтересованно:

– Я читала, что реалистическое искусство бесконфликтно. Это верно?

– Конфликты есть всюду и будут всегда. Сама я пока что во многом не дотягиваю до желаемой вершины. Хотелось бы перейти на более высокий уровень, – довела до конца свою мысль Лена, ответив сразу на оба вопроса подруги.

– Каждый художник стремится постичь и воплотить в свои произведения космическую гармонию, которая разлита в воздухе, но неуловима как... хвост собаки. Если заниматься, то только вечностью! Если достигать, то только великих побед! Горизонт уже не волнует. Всевышний завещал поэтам завораживающий манящий Мир и прекрасную Любовь! Когда они творят, то управляют пространством, вре-

менем и людьми! Писать о любви – беспроектная тема.

– Острословие – не остроумие. Но это сравнение достойно тебя. Какой же русский без метафор и эпитетов!

– Ни йоты снобизма. – Инна постаралась не заметить укола подруги. – Даже у великих из того, что они оставили после себя, что-то шедевр, а что-то не совсем. И это нисколько не умаляет их таланта. Их тоже иногда заносит, – нашла она оправдание сразу всем и себе в том числе. – Ты пишешь для потомков? Сделай небольшое авторское предуведомление.

– Я на многое не претендую. Как получится.

– Ты без закидонов. И «да пребудут они в веках!» Это я о твоих книгах. Благословляю всё, что ты написала и еще напишешь.

– Спасибо на добром слове.

– Ах, сейчас прольются слезы благодарности!

– Я не отрекаюсь ни от одной написанной мной книги, даже если они неважно отредактированы. Я не предаю свои мысли и чувства.

– Обычно для «перемены обстановки» в душе я ухожу в новую любовь, а ты из своей трудной жизни сбегаешь в литературу?

– Это тоже любовь, – ответила Лена устало.

– Исчерпывающий ответ! Ты к какой школе, к какому литературному направлению себя причисляешь? Одного придерживаешься или по совокупности? – на ту же тему ввернула вопрос Инна. Ей хотелось продолжить разговор.

– Оно имеет место быть? – вопросом на вопрос ответила Лена. – Я сама по себе. Мне пока не удастся выстроить строгую систему литературных взаимоотношений и предпочтений. Не хочу злоупотреблять твоим вниманием и преподнести еще несформированные понятия.

Лена явно пыталась закончить разговор.

– Все-таки раньше писательские задачи были масштабнее, – сказала Аня.

– При свечах была другая степень концентрации мыслей, чем при электричестве и при наличии компьютера? – насмешливо спросила Жанна.

– И произведения были более теплые. Теперь же какую книгу ни откроешь – всюду одни и те же типы: милиция, бандюки, завистники, «заказывающие» своих конкурентов и т. п. Героями стали мужчины сексуальные и бессмысленно жестокие. Сюжеты, может, не очень соответствуют действительности, зато звучат эффектно и страшно. Кругом апокалиптические краски. Перефразирую Фаину Раневскую – она говорила о театре. К сожалению, «трепет из произведений ушел». Одни помои выплескивают писатели. А ведь они зачастую неравнодушные, целеустремленные, может даже мегаспособные. И творчество из них прямо-таки прет. Да видно не туда. И у Ритиных героев зачастую несостоявшиеся жизни, потерянные мечты. Время такое?

В кино, конечно, проще, там чувства можно глазами и же-

стами изобразить. Да только не монтируются великие герои прошлого с современными случайными артистами. Не веришь им. Их чувства по касательной скользят. А сериалы – творческое падение для хороших артистов. Иной раз смотришь, как режиссеры выстраивают отношения и удивляешься: «Ведь муж только дверь открывает, а жена уже знает, в каком тот настроении. А они чего-то там выдумывают, накручивают... И секс у супругов происходит иначе, совсем на другом уровне, чем у любовников. Это понимать надо. Одни и те же шаблонные блоки из сюжета в сюжет тасуют как колоду замусоленных карт. И кинокомедии теперь не смешные, примитивные, а я хочу светлые, радостные, искрометные. Надо стимулировать интерес к лучшим отечественным фильмам. У нас сейчас никудышные писатели, сценаристы или режиссеры?

– Как ты, Аня, права! Недавно мне долго не спалось, и я включила телевизор. Смотрела фильм и злилась: одни устаревшие штампы, да еще и не к месту! Деревенский житель не станет закапывать погибшую в поле дикую птицу. Нет в нем такой сентиментальности. Из земли вышло, в землю уйдет. А вот больной или раненой поможет.

Главная героиня в фильме спала на ходу. Бедный курсант стоял под дождем, от холода зуб на зуб не попадал, а она с зонтиком вышла к нему, как городская, а потом долго искала для него полотенце и сухую одежду. Еле клешнями шевелила. Сельская жизнь учит крутиться-вертеться, быстро на-

ходить выход из ситуаций. Я не видела таких сонных чучел в деревнях.

Почему девушка стеснялась в своем доме пить чай, будто сама была в гостях? Но выйти к парню в ночной рубашке и лечь с ним в постель не побоялась. А имя Мира откуда в этой глуши? А то, что будучи беременной в пустом автобусе сидела на заднем сидении, где ее нещадно трясло, – это чья глупость? А вы бы видели, как она двумя пальчиками брала грязные ботинки молодого человека! Автор, похоже, никогда не жил в деревне и не удосужился ее досконально изучить, – искренне возмутилась Жанна.

– Я недавно ночью смотрела спектакль-балет «Сон в летнюю ночь» и недоумевала: «Это новое слово и высочайшая вкусовая и нравственная планка в искусстве? Зрители полтора часа могут смотреть эту примитивную ахиною, фантазию воспаленного мозга режиссера? Я понимаю, он на максимум использовал условность и метафору. Только трудно вычленишь суть комедии великого Шекспира, если артисты всего лишь валяются в соломе и исполняют танцы, принадлежащие выдуманной эпохе. На третьем акте я выключила телевизор и не стала выяснять, кому принадлежит этот шедевр. Я слишком консервативна? Не доросла до понимания современного искусства? – на всякий случай отступила Аня, надеясь услышать мнение подруг. Но они молчали. «Значит, не видели», – решила Аня и продолжила:

– Где любовь, где жадность в постижении профессии? То-

ропятся, не желают образовываться? А в нас преподаватели огромный багаж знаний закладывали. И мы заглатывали его бесплатно. За что безмерно им благодарны.

– Им и Родине, – поддакнула Ане Жанна и спросила у Лены:

– Где ты «подкарауливаешь» свои сюжеты? Долго нащупываешь, потом, когда набредаешь, по уши окунаешься в него, обдумываешь, многократно перекраиваешь или все-таки пользуешься привычной добротной основой своих предшественников? Набила руку на собственных схемах? Жонглируешь ими? Идеи бродят в голове, ты мучаешься, вынашивая их, посвящая годы изучению структуры пространства героев, или они являются тебе как выплески подсознания «в пароксизме счастья-горя»?

– Схема сама выстраивается. Я пишу, как пишется, доверяя своему сердцу. Нет у меня времени для долгих раздумий, – бесцветным голосом ответила Лена, не желая «принародно» вдаваться в подробности своего писательского труда. – Но инкубационный период, конечно же, произведение обязательно проходит в голове. Иногда это вся предыдущая жизнь или ее отдельные, заслуживающие внимания периоды.

– Эх, были бы данные, я, чтоб ты знала, написала бы что-либо прекрасное, возвышенное, такое что... закачаешься! Ведь возвышенное – это как явление божества, как удар молнии или шаг в другое измерение! Ни идеологии тебе, ни политики. Подняла бы паруса фантазии и вперед! Не

покушаясь ни на чей писательский авторитет, я хотела бы одарить читателей чем-то несказанно, неосяземо ускользающим, утонченным, поразительно радостным, отрадным, светлым, но отвечающим всем требованиям литературного произведения. Чтобы оно прозвучало, нашло бы отклик в сердцах и помогало жить. Я застолбила бы за собой это «великое открытие», а потом с вежливым высокомерием отдала бы его людям – нате, пользуйтесь! Благородные помыслы?! Это была бы бомба! Или придумала бы образ космически одинокого человека, чтобы обо мне говорили: художник большого имени, огромного таланта. Не без оговорок, разумеется. Полное удовлетворение в творчестве невозможно.

А может, изобрела бы что-то фантастическое, еще не существующее, чтобы составить конкуренцию великим писателям. Допустим, придумала бы новый способ самовыражения. Искусство должно не повторять реальность, а создавать новую. Помнишь, Тарковский создал отстраненную реальность – образ зоны.

– Это сверхзадача для гениев, – тихо заметила Аня.

– И при всей нелюбви к себе, я бы даже похвалила себя, хотя посчитала бы это изобретение счастливым стечением обстоятельств. Меня всегда влекла жажда новых впечатлений, я мечтала пережить некий метафизический опыт.

– Ты думала: «Какую сказку с детства для себя выберу, ту и проживу», – насмешливо тронула Инну за живое Жанна. – Тут хотя бы понять, что такое быть человеком, что есть доля

человеческая? Зачем ему такая степень уязвимости?

– Мне казалось, что в моей внешности уже заложено что-то особенное, экстравагантное, гипнотический шарм что ли, придающий загадочность и добавляющий индивидуальности. Я тогда считала, что нужно доверять всему бессознательному, иррациональному в себе. И своей манерой экстравагантно одеваться я только подчеркивала эти качества. Может, зря разуверилась? И в результате неправильного выбора произошло внутреннее обрушение моей сути, апокалипсис души.

– Все мы изгнаны из рая. А из себя, из своего собственного эго мы уходим, когда делаем что-то плохое, недостойное нас, – заметила Жанна.

– И что выводит нас к истине? – спросила Аня.

– Любовь. Мы идем, идем и вдруг понимаем, что шли не туда. Но это вопрос целой жизни. Большинство только на пороге... начинают об этом догадываться.

– Это и есть жизнь. Она не в рецепте, а в пути. В поиске, в выборе. А если человек обнаруживает, что находился в состоянии иллюзии, что на самом деле не любил?

– Мы сами превращаем любовь в прах. У нее масса переливов, оттенков. Мы грешим избыточным употреблением слов «Любовь», «Бог». А их надо слышать через тишину и недосказанность. Мы затираем их, они мельчают. В голове надо прорабатывать свой и чужой опыт, продумывать увиденное, услышанное, прочувствованное, Проговаривать всё

это с близким человеком. А мы разучились мирно беседовать друг с другом. Ругаемся, ссоримся или уткнемся в телевизор, всё видим, слышим, но не вникаем. «Она взглянула на него». Как? Почему так? «Он ответил». Почему так? Какие ниточки их связывают, какие уже оборваны? Тонкость чувств и любовь ушли или во что-то преобразовались?

– Поступать так, как надо всегда очень трудно, даже когда понимаешь, что все упирается только в тебя. Иногда эта ясность возникает сразу, но удержать это понимание в себе тоже не всегда удается, – призналась Инна. – Да и близкие люди часто оказываются неблизкими. И самих себя мы не всегда принимаем, но уговариваем...

Внутренне и внешне встряхнувшись, Инна продолжила рассуждать:

– В своих книгах я бы не следовала за молвой успеха знаменитостей, а дальше всех пошла бы в своем откровении, в поисках собственного стиля и яркой манеры выражать свои мысли, нафантазировала бы себе что-то бессобытийное в привычном смысле и в то же время удивительно насыщенное, мощное. В своих фантазиях я бы на меньшее не согласилась. Это до известной степени...

Жанна вторглась в «излияния» Инны, еле слышно насмешливо пробурчав:

– И чтобы к тебе со всего света стекались писатели, а ты оказывала бы на них влияние, воздействуя силой своего та-

ланта... И все охотились бы за твоими новинками.

– Ведь главное – это то, что есть во мне. – Голос Инны звучал тише, но в нем чувствовалось напряжение тщательно скрываемого крика. Ане и Лене не хотелось над ней шутить и тем более иронизировать. – Я бы приняла свой талант – этот дар небес, этот сигнал свыше, – как знамение... Это скрасило бы мою жизнь. Но хотеть и иметь возможность реализовать мечты... – сказала она уже совсем другим тоном. – И всему этому должно предшествовать... Что, занесло меня? Ладно, знаю. Шучу я.

«Какая невероятная концентрация взглядов! Какая тонкость оттенков, побуждений и мотивов! А говорила, что мужчины присвоили себе способность к системности мышления. Но для тебя, Инна, она естественна. Ты невероятно умная женщина», – насмешливо подумала Жанна.

– Лена, сделаешь отсылку к классике? Может, скажешь, что придется повременить, вжиться в роль, чтобы не комкать хороший замысел и не пугать читателей своей категоричностью? А она у меня запредельная... Нет, я не в претензии к своей судьбе. Я шучу для обогащения своего «репертуара», – теперь уже с насмешливой ухмылкой добавила Инна. – Хоть скрипку Страдивари в руки дай, но если нет данных, не извлечь из нее ничего путного. Да еще если при пустой голове и холодном сердце... Я всю жизнь старалась, карабкалась, но так и не достигла неба. Не ту дорогу выбрала или не то хобби? Мне лет с четырнадцати нравилось замечать,

как связываются друг с другом слова в предложениях, как они интересно и разнообразно звучат. А если в них еще и глубокий смысл, и яркие чувства... Нет, все-таки писательство – не мое.

– Выпал случай удостовериться? – «мякнула» Жанна.

– Я – убежденный технарь, – жестко ответила Инна.

– К чему такая высокая степень самоуничижения? Какие пораженческие настроения! – недовольно заметила Лена. – Наш возраст справедливо называют порой мудрых размышлений. А ты в своей жизни всегда до всего была жадной: много знаешь, глубоко чувствуешь. Пиши, а почему бы и нет! Пока человек жив, он многое может изменить в своей жизни. Пропусти через себя мой совет и решишь. Способности и вкус к языку у тебя есть, это точно. В детстве на ровном месте, буквально из ничего ты мгновенно могла сочинить великолепную оправдательную историю своей шалости.

– Помнить это не работа, а свидетельство того, что ты еще жив, – философски заметила Инна. – Хвалишь? Неожиданно, но приятно. Какое великодушие! Щедра на добрые слова поддержки. Льстишь? Не отпирайся, лесть не бывает слишком грубой. Не скупись! Когда ты находишься в моем жизненном пространстве, я становлюсь умнее! О мощное обаяние волшебного-обворожительного таланта!

Лицо Инны расплылось в чуть насмешливой, но довольной улыбке.

– После стольких лет иронического настроения в тебе еще

пробиваются росточки юмора? Это говорит о твоём душевном здоровье, – улыбкой на улыбку ответила Лена.

– Наверное, я смогла бы писать. Обрисовать виртуальное поле моей деятельности и вкусовые пристрастия? Я бы вкалывала как зверь – ни больше, ни меньше – и выдала бы коктейль, круто замешанный на критике, грусти и философствовании. Какой диапазон возможностей! Со временем он приобрел бы некий особый лоск. Мои книги представляли бы единый, мощный драматургический цикл и составили бы приличный культурный багаж... Но не тянет, не хочу подавать себя как писателя, – рассмеялась Инна, заметив внимательные взгляды Ани и Жанны. – Пушкин из меня не вышел бы, а на меньшее я не согласна. И к тому же, чтобы удачно саморазвиваться, надо главную точку отсчета и внятную позицию выбирать смолоду.

– Бог тебе много дал, а ты плюешь на Него. Боишься отрезвления или, что звезда во лбу вообще не зажжется? Страх неудачи парализует? – спросила Жанна.

– Умения пока нет. Ну и что? Берись, у тебя могут получиться вполне симпатичные оригинальные персонажи. Я просто вижу их перед собой. Чуть-чуть прилежания – и дело в шляпе. Я с удовольствием выступлю в качестве скромного редактора. Кое-чему я уже научилась. Разумеется, я не претендую на роль цензора, но если доверишь, не откажусь. Набросай для пробы несколько абзацев. Еще не всё потеряно. Я тоже поздно потянулась к перу. Долго не позволяла себе да-

же мечтать, но с годами желание только крепло и терзало, – сказала Лена.

– И ты разродилась! Да ладно, шучу. Я страшно польщена, меня распирает от счастья, но не могу я принять твою сторону. У меня нос не дорос до писательства, не потяну. И девчонки засмеют. Скажут: «Надо же было еще и такому с ней случиться – в писатели подалась! За все хватается, но ни в чем не специалист. Фигаро». Мне кажется, нет ничего более разрушительного для личности, чем упорствовать в натужных попытках утвердиться в той области, в которой никогда не сможешь достигнуть максимума. И мечтать об этом можно только до той поры, пока эти фантазии не слишком тобой завладели.

На лице Инны появилась подходящее случаю выражение лица. Лена мгновенно отреагировала:

– Не зарекайся, прорицательница. На этом поприще ты еще не пробовалась. А вдруг из глубины души брильянт блеснет? Вопрос-то, наверное, возник не на пустом месте?

И она хитренько улыбнулась.

– Ну, если только для того, чтобы шокировать друзей, или снять с души налипшие за долгие годы жизни ракушки. Помнишь, как очищают большие морские корабли?.. Не вноси сумятицу в мою жизнь. Не добавляй масла в затухающий огонь. Мне этого уже не надо. Теперь самое ценное в моей жизни – счастливые реальные воспоминания и воображаемые.

«Оно и к лучшему», – брезгливо подумала Жанна. И у Ани замелькали неожиданные мысли: «С тобой, Инна, мозги вывихнешь. Ты шутишь или всерьез говоришь? А что? Может, и правда пришло твое время взяться за перо? Давай, жги-зажигай! В добрый час! Или растеряла свой талант, упустила возможность выразить себя оригинально? Это твой очередной просчет? А вдруг оказалась бы талантливее Риты с Леной? Не прочувствовала, не поверила в себя, не рискнула? Зациклилась на поисках личного счастья? Попала под дорожный каток несчастливой любви?»

– Напрасно. У тебя есть данные к писательству, – заметила Лена.

– Ах, как сладко звучат для меня эти слова! Ты хочешь снять мою ногу с края могилы безвестности!

– Я серьезно говорю. Ты иногда так соловьем заливаешься, век бы слушала. Ну прямо как блестящий рассказчик времен нашей молодости... Как же его звали? Программа поиска моего мозга-компьютера не срабатывает, не выдает его фамилию.

– Это тот, который «паразитировал» на биографиях знаменитостей? – шутливо уточнила Инна.

– Он заложил основу технологии многих современных телепередач. Они же все о знаменитостях. Вспомнила! Ираклий Андроников!

– Наверное, в жизни каждого человека имеются нереализованные моменты, заложенные замыслом Всевышнего, и

есть всякого рода причудливые случайности, которыми мы нарушаем свое предназначение, выбирая другой путь, чтобы все равно рано или поздно вернуться на намеченную Им стезю. Собственно, случайности – это то, что мы не можем логически объяснить. В каком соотношении они находятся с судьбой? – ни к кому конкретно не обращаясь, задала вопрос Жанна.

«Сравнила Инну с Андрониковым! Из уст Лены это очень высокая похвала», – подумала Аня.

– И последовало высочайшее дозволение! – улыбнулась Инна. – Я трезво к себе отношусь. Писательская организация должна быть мне благодарна за то, что я не стала писателем и нашла свой путь. А некоторым так и не удалось его отыскать. Предназначение было, а возможностей реализоваться они так и не нашли. Когда дорог много, трудно выбрать истинную. И это трагедия, потому что эти люди, не выполняя возложенную на них миссию, нарушают гармонию мира.

– Ты это о ком? «Намекает на себя? Нет. Ее интонация в этом случае неизменно ироничная, а сейчас она просто грустная», – подумала Лена.

– Допустим, о моих и Лилиных мужьях. Не жили, а прохлаждались. Стремились благополучно в сторонке отсидеться или за чужой счет проехаться. Им нечем хвалиться. Разве что трехдневной щетиной, которая является современным признаком мужественности, когда нет других показателей. Мне вспомнилась шутка: «Женщина крепка силой духа и

любовью к жизни, а мужчина – силой воли ее отменять или менять», – усмехнулась Инна.

– И не всегда в лучшую сторону, – пессимистично добавила Аня. – Женщина призвана быть хранительницей...

– Даже умные мужчины, в силу своей прямолинейности и недостаточности знаний психологии, часто не видят на своем пути подводных камней, потому-то Господь и создал женщин им в помощь. И если они не принимают совместных решений, то получается то, что получается... – грустно изрекла Жанна.

Лена задумалась над словами Инны. «Ради чего жили их мужья? Что было для них главным в жизни? Один посвятил жизнь маме, двое других – водке. Пытались делать карьеру. Но все шестеро утверждались через женщин или прятались от жизни за их спинами. Любая инициатива в их семьях обычно исходила от жен. Были бесструктурными, жили бессистемно, бестолково и безрадостно?»

Для всеми обожаемого Антона с его колоссальной эрудицией и исключительной одаренностью приоритетной была наука и карьера, а для мужей Аллы и Ирины Садовой – семья на первом месте. Для нее они выкладывались, во имя нее совершали самое лучшее в своей жизни. Кто из них более счастливый? Чье счастье больше, глубже и богаче?»

Мысли Лены ушли далеко от литературы и всяческих перипетий с нею связанных. Чего Инна и добивалась. Ей не нравилось, что в ее беседу с Леной встроились незваные го-

сти.

...«Ирина Садовая. У нее не было своих детей, но они с мужем воспитали троих приемных. Ирина высокая, очень высокая, но даже будучи в гордом статусе бабушки пятерых внуков – стройная и красивая. Как она говорила о своем муже? «Он у меня мужчина – золото самой высокой пробы. Я не знаю, что и где у меня в доме включается. Всё он делает. А если что сам не сможет – организует... У меня была жуткая экзема. Моя мама даже смотреть на раны не могла, так он сам делал мне перевязки. Вылечил своей любовью и заботой... И дети у нас прекрасные, домовитые, все в отца», – с удовольствием вспомнила Лена.

Спустя некоторое время она смежила веки и подумала: «Наконец-то долгожданная благословенная передышка! Надолго ли?»

* * *

Аня с Жанной продолжили выяснять роли представителей обоих полов в семейной ячейке, что не способствовало их засыпанию. И Лена опять подумала об Инне: «Отказываясь от писательства, она напомнила мне о плохом состоянии своего здоровья. Но я сделала вид, что не поняла намека, и не стала журить ее за малодушие. Чтобы отвлечь Инну от грустных мыслей, я немного отдохну с закрытыми глазами и заведу разговор, наводящий ее на уже ранее затронутую те-

му. Похоже, она ей интересна».

– Так вот, ты спрашивала о Рите. Она пишет широко и объемно. У нее трудолюбие, помноженное на талант и тщеславие, в хорошем смысле этого слова. Понимаешь, мне кажется, что ее герои жестче, колоритнее и четче задают определенный тон произведению.

– Потому что она подсаживает действие крупной солью драмы? – спросила Инна.

– Нет. Внешние монологи ее героев просты и бесхитростны, зато внутренние сложны и подчас поэтичны. Но главное в ее книгах – непосредственность и предельная искренность чувств.

– Это я понимаю. Истинность чувств передается читателю при условии искренности автора, – неожиданно быстро согласилась Инна, любительница спорить и противоречить.

– Для детей она пишет короткие, внятные, без истерик, умные рассказы. В них трогательное и нежное отношение к личному пространству героев и живое дыхание детства. Читаешь, и хочется продлить очарование этих грустно-сердечных, задушевно-интимных минут. Чувствуешь, что ее герои живут рядом, они будто рассыпаны вокруг нас. Уникальный талант! Волшебница детской прозы. Да и в самой Рите столько всего от ребенка! Не глупого, нет! – прекрасного!

– Ты права. И сюжеты проще простого, и события преподносит незамысловато.

– Волшебство ее текстов состоит в том, что при всей их

безыскусности, они трогают душу. Знаешь, иногда будничные картины бед впечатляют читателей больше, чем драматическое преподнесение горьких событий. Поэтика и чувства в нужных словах, а не в сюжете, – объяснила Лена. – Как-то Рита делилась со мной: «Недавно прочитала сборник сказок для детей и долго находилась под влиянием собственной растерянности. Для кого они написаны? Если для маленьких детей, то почему они такие длинные и заумные? Ребенку такую информацию не переварить. Если они для младших школьников, то стоит задуматься над разнообразием форм и сюжетов, чтобы они не повторяли уже известные сказки. Для старшеклассников? А нужны ли они им? Совершенно размыты возрастные границы! У меня создалось впечатление, что некоторые вещи писались для себя: вот, мол, как я умно и замысловато умею выражать свои мысли!»

А я ответила ей, чуть смущаясь, что, может, во мне была некоторая инфантильность, но я до десятого класса любила слушать сказки. Содержание не волновало, завораживала и буквально гипнотизировала гармоничная мелодика текстов. У меня было удивительное ощущение звучания каждого слога. Я не могла добровольно оторваться от радиоприемника. До сих пор помню те ощущения. Какие удивительно четкие слуховые и зрительные картины детства через столько лет!

– Взрослые тоже любят сказки. Вспомни волшебный язык «Трех толстяков», – напомнила Аня.

– Я сейчас себя совсем маленькой вспомнила. В полто-

ра года мне не удавалось вслух облечь в слова свои мысли, но они у меня были. Я сердилась на непонимание родителей. Потом научилась разговаривать, но подробно и ярко не могла выражать свои сложные чувства, не получалось у меня донести их даже до бабушки. Ребенок говорит просто, но он много глубже, чем подчас считают взрослые, – вздохнула Инна.

– Мы с тобой до сих пор слишком чувствительны и слишком эмоциональны, но проявляются эти чувства у нас по-разному, – улыбнулась Лена, – ты порохowymi вспышками в разговорах, я – в книгах.

Инна, одобряя слова подруги, энергично закивала.

– Рита знает, что для современных детей является предметом обсуждения, что им подходит, что их притягивает или отталкивает. На меня особенным образом действуют в ее описаниях подробности, – продолжила Лена оценивать творчество сокурсницы и коллеги по писательскому цеху.

– Мне кажется, дети хорошо различают детали. Они им «соразмерны». Мужчины чаще всего мелочей не замечают, но совсем по другой причине. Просто женщины ближе к детям, – высказала свое мнение Инна.

– Я говорю о деталях, которые являются строительным материалом произведения, – уточнила Лена. – У Риты короткие рассказы, насыщенные мощными смыслами. В них есть момент притчи, а притчевости присущ символизм, который,

ты же знаешь, часто имеет сакральный смысл.

– Наслышана. Если хорошо поискать, во всех наших действиях можно отыскать символику. Рита апеллирует к деталям, потому что «капризный дьявол» заключен именно в них. Каждый писатель запоминает то, что ему интересно. Один – кто, в чем одет, другой отмечает в памяти поведение человека в кризисных ситуациях. Кто-то реагирует на интонацию, кто-то на слово. И помнят они это так, будто это происходило не десять лет назад, а буквально вчера. Поэтому даже тексты на одну тему у них получаются разные.

– Рита использует стиль-минимализм потому, что пропускает через себя беды очень многих детей. Но о каждом она может с уверенностью сказать: «с его горем я чувствую солидарность». Поле ее битвы – раненые сердца. Без искренней подачи материала, без душевной наполненности строк профессионализм не срабатывает. В каждом ее произведении – поэтическое объяснение в любви к маленькому человечку. Ее рассказы читаются как белые стихи, потому что это ритмическая проза. Ею она поднимает восприятие событий на высшую ступень чувствительности и осмысления. Рита применяет особый строй фразы, когда поэтические строки как бы плавно перетекают в прозу. Можно сказать, что в ее рассказах лапидарность и приближенная к ним музыкальность, больше свойственная стихам. Это я в ней особенно ценю. И хеппи энд она в основном соблюдает. Я полагаю, что именно книги для детей являются ее визитной карточкой, потому

что они – абсолютно честная литература. И в ней ее прочная писательская позиция.

«Будто о своем творчестве рассказывает. Но не поддерживает интереса к себе, о Рите говорит», – подумала Инна. И улыбнулась внезапно проскочившей в ней мысли о том, что насекомые обладают высокой степенью символизации «языка». Потом «рассыпала» серию вопросов к Лене.

– Штампы и всяческие клише у Риты совершенно отсутствуют, потому что они мертвечина? Ты борешься с ними, решительно отказываешься?

– Их не избежать. Ты заметила, наша речь во многом из них состоит. Талант не боится штампов, он их гениально использует, – ответила Лена.

– Я солидарна с тобой. С возрастом приходит мудрость, а значит, глубина и простота. Рита не разбавляет терпкое вино жизни своих персонажей водой пустой болтовни. Но все равно мне кажется, что она слишком много о себе понимает.

Лена «не услышала» последнюю фразу подруги.

– И во взрослых книгах Рита без излишнего пафоса на эссенции мощных моментов настаивает характеры героев. А тонкости, как я тебе уже объясняла, выявляет и преподносит через тщательно прописанные узнаваемые подробности быта того времени, о котором пишет. Читателю важно представлять чувственные и художественные ощущения прошлого. Детали, к тому же, насыщают качественный объем произведения. Рита пишет под строгим прицелом того, что и

как тогда происходило, ведь для нового поколения прошлое их стариков и родителей – терра инкогнито. Ещё она вспоминает интересные случаи из раннего детства представитель старшего поколения, потому что контекст ее «взрослой» прозы, как и у меня, предполагает присутствие детской души. И тогда в книге оказывается гораздо больше тепла и света, помогающих понять автора, создать внутри читателя жизненное пространство героев, и со скальпельной точностью особенно глубоко проникнуть в суть произведения. И всё это возможно потому, что в Рите нет зла, только сочувствие к людям.

– Глубоко? Ой, страшно! – не удержалась от насмешки Инна.

– Оставь ремарки на потом, – спокойно, как учитель зарвавшемуся школьнику, сделала замечание Лена. – Ее герои – собирательные образы, наделенные качествами многих реально существующих прототипов. И как шутят в таких случаях писатели: все совпадения считать неслучайными. Ведь задача писателя состоит не только в том в том, чтобы интересно пересказать чью-то историю, он должен показать жизнь целого поколения или хотя бы определенного слоя, отобразить эпоху, в которой эти люди жили. Герои в конечном итоге нужны автору, чтобы раскрыть основную идею, которую он заложил в своем произведении. Собственно, именно для этого он и старается глубже познать души человеческие. Рита с этим прекрасно справляется.

– Чем глубже копаешь, тем чаще возникает потребность разобраться. Писателя тянет на философию, он начинает писать занудно. А события должны захватывать, увлекать, – засомневалась Инна.

– Я не люблю высокопарные фразы. Как Рите удастся совместить высокие чувства и простоту изложения? – спросила Аня.

– Уметь надо! Потому и покрыла себя славой, – возникла со своим мнением Жанна.

– Ее цель – пробудить и воспитать в человеке человеческое. Настоящий писатель, прежде всего, сам должен быть прекрасным человеком, честным перед самим собой, – тихо обронила Аня.

– Далеко не постулат, – хмыкнула Инна. – Если только детский.

– В книгах для детей подход у меня несколько иной, – продолжила «лекцию» Лена. – На первое место выступают переживания каждого ребенка. Для меня нет ничего дороже детской индивидуальности. Это с годами мы отходим от себя. И мы уже не мы, другие. Думаю, я не открыла для тебя Америку.

– Лена, послушай: творчество не мешает отдаваться любви? Демоны слетаются в голову, писатель концентрируется, начинает создавать... Он раб своего таланта. Творчество побеждает, оно – проявление нечеловеческого, божественного счастья! Для него ничего больше не существует!

– Двадцать четыре часа в сутки?

– Кому писатель служит? – задала еще один вопрос Инна.

– Прежде всего, себе. Я сначала стихи больше любила писать. Несколько строк – и перед тобой судьба героя. Стихи – особая субстанция, особая нервная ткань, они – высшая, свободная форма существования языка. Я так глубоко проникалась чужими полюбившимися стихами, что будто присваивала их. Они прорастали в меня. Но в стихах негде развернуться, а мне для выражения своих чувств широкий простор требовался. И жизнь всё расставила по своим местам, – сказала Лена и, вдруг, вспомнив насмешки своего школьного учителя, сделала минутную передышку.

2

– У Риты сложилась прекрасная писательская судьба, – энергично растирая виски, сказала Инна.

– Ее книги, как и подобает детской литературе, очень гуманные, наполненные искренней любовью к людям. Каждое слово в них осмысленное, пережитое, прочувствованное, – одобрила сокурсницу Лена. – Они «протягивают руку помощи и подставляют плечо» тем, кому трудно.

– Вы с Ритой гуманисты, но не прокоммунистические и не антикоммунистические. Вы сами по себе. И что это заслуга сегодняшней обстановки в стране – не обсуждается, – рассмеялась Инна.

– Ты о книгах для взрослых? – уточнила Лена.

– Если произведение изнутри не освещено радостной энергией или хотя бы теплой грустью, оно тускло и мертво. Оно – просто красивые рифмованные или нерифмованные слова. Необходимо, чтобы за всем этим набором слов, стояла сердечность, а еще гражданственный посыл, знание боли и радости своего поколения, всего общества. И чтобы у автора была высокая эрудиция, мощная органика и способность к импровизации, – опять вступила в беседу подруг Аня.

– Молодец, знаешь, в школе проходили. – Инна начала раздражаться. – А вот как Рите удастся восстановить в памяти прошлые детские ощущения? У нее иногда случаются

роскошные тексты.

Лена внимательно выслушала подругу и спокойно ответила:

– Я уже объясняла тебе: это определяется прекрасной памятью, искренней добротой и чистотой помыслов автора. Не у всех получается. Многие додумывают, переделывают, подстраивают свои воспоминания под воображаемые. А у Риты, по ее собственному некокетливому признанию, мощная болезненная память о детстве и удивительная внимательность и приметливость к мелочам жизни. Она, как и я, когда писала о детстве, будто возвращалась в него, ныряла вглубь себя, превращалась в ребенка. А остального вокруг не замечала, хотя и не игнорировала. Оно было где-то рядом, вне ее сознания... Понимаешь, это такое состояние, когда полностью теряешь в себе ощущение себя взрослой. Поразительное чувство!

– Рай вам обеспечен, – рассмеялась Инна. – В Евангелии написано «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное».

– В Царствие Божие, – поправила Лена и неопределенно пожала плечами.

– Ритины «волшебные» слова в нынешнее, подчеркнуто деловое время, едва ли способны вызвать у современных детей чувства, подобные тем, что испытывали мы, – усомнилась Аня. – Разве что у детдомовских.

– В детдомах истинно проявляется и предьявляется чело-

век... – тихо пробормотала Жанна, думая о чем-то своем. – И потом, всю жизнь... Мне жутко хотелось воровать вместе с другими, но я не могла украсть даже тогда, когда меня никто не видел. Помню, нашла в пустой аудитории мужское пальто. В кармане были деньги. Но я не смогла взять. Представила, как студент без них голодает. Не наказала его за безалаберность... Иначе всю жизнь мучилась бы гадким поступком, что страшно омрачало бы мне жизнь.

– Именно такие книги как наши необходимы, чтобы пробудить в современных детях чувствительность. Недавно читала внучку свои рассказы. И вдруг он воскликнул: «Ну, ба, ты даешь!» На современном «молодежном» языке это прозвучало как высшая награда, – с улыбкой поделилась радостью Лена.

Инна вернулась к пройденной теме:

– Я сначала не поверила тому, как творит Рита, но подумав, решила, что она не выдумывает. Смотри, когда мы говорим, то не задумываемся, какими словами станем выражать свои мысли. Они сами выскакивают из нас. Еще несколько секунд назад мы не знали, что произнесём. Фразы молниеносно формируются у нас в голове. Не правда ли? Просто писателю в большей степени дано чувствовать слово, владеть им. У него лучше развита фантазия.

Я даже за собой замечала, что у меня иногда произвольно такие словечки откуда-то из подсознания вылетают, каких я давно не слышала в своем окружении, и сама не вспо-

минала и не использовала. Поразительно. Словно какой-то механизм образования речи под влиянием эмоций открывает в глубинах моей памяти разные кладовые и сам извлекает оттуда нужные слова. Я подчас, совершенно не вдумываясь в произносимое, такую фразу «заутюжу», что хоть стой, хоть падай! Она будто из параллельного мира мне в голову влетела. И о создании художественной ткани произведения Рита, наверное, не думает, а пишет исходя из запасов собственной памяти и тонких проявлений души.

– Безусловно, – подтвердила Лена. – Мне прошлое лето вспомнилось. Я всегда хожу в магазин через парк, потому что просто так гулять мне некогда. И вот иду я: восхитительный солнечный денек, легкий ветерок!.. Природа мгновенно отторгает грусти-печали, беды-обиды. Я отрекаюсь от забот и тревог. Хочется парить! Душа нежится и поет! В голову приходят ласковые веселые фразы, юмористические сюжеты. Хорошо-то как! И мне мечтается, чтобы это счастливое состояние не прекращалось...

– Наверное, плохо, если на изображение юных чувств накладывается возраст, усталость писателя, его иронический взгляд на жизнь?

– С этим у Риты все в порядке. В ее рассказах не нынешние спонтанные эмоции, а выношенные, выстраданные и осмысленные еще в детстве. Они узнаваемы, но в них есть индивидуальное, только ей присущее звучание. Ритины книги – крик боли ее души, а герои – обиженные войной дети,

их одиночность и заброшенность. Отсюда характерная для ее произведений особая пронзительность и высокая драматическая нота. Пастораль не для нее. Благодородство мыслей и яркость эмоций – вот что еще присуще ее персонажам.

«Будто не о Ритиных, а о своих книгах говорит», – опять промелькнуло в голове Инны. И она во многом согласилась с подругой.

– А твои герои, в основном, свои чувства глубоко запрятывают, не высказывают, только в мыслях позволяют себе расслабляться. Типа того? Я бы сказала, что ты насыщаешь рассказы эмоциями и переживаниями, чтобы читатель понял в себе то, что раньше только чувствовал, но не осознавал или не мог выразить словами. Допустим, дети себя героями не ощущали, но ты в них геройство разглядела, и в читателях пробудила это понимание. Твои персонажи – светлые лики на темном фоне. По мне так они как... точно иконы. Гелия Коржева называют художником беды, а я Риту и тебя буду считать писателями детской обиды, – полушутливо закончила выразить свое мнение Инна.

– Ну, не совсем так. Но поверь, Рита, безусловно, не из потока графоманов. У нее прекрасная интуитивная способность подбирать точные фразы и ставить их на определенные, нужные места. Не у всякого получается так удачно трансформировать свои чувства в слова.

– Я слышала, что люди искусства часто мысленно путешествуют за пределы разума. Они искусственно вводят себя в состояние измененного сознания или воодушевленной паники и черпают вдохновение в параллельном мире. А это не безопасно, можно не вернуться назад. А еще я читала, что искусство – не добавка к жизни, а ее суть. Оно существует для объединения в одном лице человеческого и божественного. Проводились исследования. У людей искусства мозговая деятельность оказалась намного выше, чем у профессоров-технарей. Удивила? В науке все четко, хотя мир состоит из вещей перетекающих, а в искусстве все намного сложнее, потому что неопределеннее. Чувственный опыт не менее полезен, чем умственный. И люди искусства вносят в жизнь своей страны ничуть не меньший вклад, чем ученые, – завершила подруг Жанна.

– Во мне говорит ревность технаря. Помните анекдот из нашей юности? «Он стал поэтом, для физика у него не хватило воображения». Я сомневаюсь насчет умственного превосходства людей искусства. Эмоциональность у них выше – это верно, – уверенно отреагировала Инна на рассуждения Жанны.

– А кто-то писателей назвал репортерами воображения. Я считаю, что ученым необходимо общение с искусством

для развития более глубокого образного, метафорического мышления, помогающего открывать и создавать новое. Ты же не станешь отрицать, что музыка вызывает мощнейшие всплески эмоций и побуждает человека выражать свои способности в определенной области научных знаний? – придирчиво спросила Жанна.

– А я думаю, что люди рождаются с особым техническим мышлением. Мне кажется, музыка может помочь ученому расслабиться, «отпустить» мозг на свободу, чтобы вытащить в нужный момент из подсознания что-то важное, новое – и только. Открытия по заказу не делаются. Это результат интуиции и великого труда, – строго, как учительница школьнице, ответила Аня.

– Без озарения, одним протиранием штанов ничего не высидишь. Но оно посещает только идущего в гору, – поддержала мнение обеих Инна. – Я думаю, природа таланта у физиков и лириков одинаковая. Возможно, у них общие корни, но ветви все-таки разные. Я не настаиваю на своих словах. Это вопрос к специалистам.

– Ты имеешь в виду, что у них работают разные полушария мозга? Но исследования показывают...

– Можно проводить правильные опыты, но выводы из них делать абсурдные. Как-то слушала по телевидению лекцию одного американского ученого и за голову хваталась от его умозаключений, – вспомнила Жанна.

– Иногда бывает, но я бы не была столь категорична. Я

читала, что лирик творит, когда под влиянием вдохновения наружу выходят неконтролируемые переживания, скрытые в подсознании. И Рита писала: «Роман вел меня за собой. У меня сначала был один главный герой, а к концу книги на первый план вышел другой. И в содержании к концу работы я выплывала совсем на другие берега. Я словно бы подчинялась чужой воле. Напишу фразу, а она будто не моя, точно кто-то мне ее подкинул. Мистика какая-то», – по памяти процитировала Инна отрывок из письма подруги. – Получается, у каждого творца свои взаимоотношения с вдохновением? Мне тоже иногда кажется, что в произведениях заранее зафиксирован определенный код, и он ведет автора. Это как... в колоколе заложен тон его звона. И в пьесах Шекспира закодировано послание, которое люди вот уж четыре века пытаются расшифровать, – высказала свое предположение Инна.

– И в Библии тоже, – напомнила Жанна. – Ты Библию и Шекспира поставила бы на одну доску?

– Постичь тайну писательства, как и тайну открытий невозможно, – ушла та от ответа.

– Пока невозможно, – заметила Лена.

– А если в подсознании пусто? – попыталась прекратить серьезный разговор подруг Аня. Она лежала с закрытыми глазами и внимательно слушала беседу. Но ее уставший мозг уже не погружался в глубину их высказываний.

– Поэтому ты и не пишешь, – мгновенно отреагировала

Инна. И этим она снова явно выразила свое недовольство Аниным вторжением в их с Леной разговор.

«Трудно найти больших антагонистов, чем Инна и Аня», – подумала Лена.

– Отлипни, язва. Отзынь. (Ого, как она быстро обучается!) Приступ злого остроумия накатил? Может, дозволишь и мне черпать из того же колодца? Или хотя бы поцарапать по его дну? Каждый образованный человек способен написать один роман о своей жизни, и он может оказаться достаточно интересным. И в одном фильме талантливо себя сыграть.

Инна энергично возразила Ане:

– Не каждый. Если есть что за душой. Знала я мужичка. Всю жизнь одну беспомощную повестушку мусолил. В голову ему лезла всякая дребедень, он ловил смутные тени далекого прошлого, воображал себя великим любовником. Жена терпела. Лучше на бумаге, чем в реальности.

– А мне один наш местный поэт рассказывал, мол, поймаю какое-то яркое душевное состояние и запоминаю, а вспоминая, чувствую его как в первый раз и снова завожусь. Это, пусть даже секундное ощущение, я не забываю никогда, потому что оно – точное попадание в сердце. – Это Жанна, очнулась от легкой полудремы, и, не желая своего вовлечения в серьезный диспут, увела подруг от возможной перепалки.

– Наверное, он настоящий поэт, – сказала Аня. – А я могу рифмовать только сиюминутные чувства.

– Ты совсем как ребенок, – насмешливо фыркнула Инна

и тем заткнула ей рот.

* * *

– Лена, ты утверждаешь, что Рита не посрамила память предков, написала книжки на все времена? Так отчего же она не прорвалась на «мировую арену»? – не могла ни уколоть хотя бы заочно свою давнюю подругу Инна.

– Это и есть самое трудное, – заметила Лена. И сказала она это с такой интонацией, что Инне больше не захотелось говорить на эту тему.

– Послушай, в книгах для детей ты используешь контраст жизни в детдоме с прекрасной природой, а во взрослых что противопоставляешь? На чем строишь и чем наполняешь противоборствующие сюжетные линии, что составляет их мощный контрапункт?

– Разные семьи.

– Всего-то? Ну да, тебе как физику недостаточно рассмотреть одну семью. Тебе требуется преподнести читателю серию исследований, прежде, чем сделать существенное заключение.

– Эта мозаичность мне близка.

– Ха. Неожиданный взлет смысла на основе элементарной житейской канвы? Надо же! А я думала, ты современную примитивную жизнь своих персонажей с доблестью и славой великих героев прошлого сравниваешь. Недостатка в них у

нас нет. И труды окупятся с лихвой. Ты хотя бы в начало девятнадцатого века окунулась.

– Ты права. На примерах великих героев даже понятие любви проще раскрыть. Оно будет выглядеть более возвышенно и выпукло. Но если уж быть совсем точной и даже занудливой, подумай, откуда писатель берет детали и подробности личной жизни своих «далеких» персонажей? Из собственных фантазий, из своего жизненного опыта и его переосмысления. И если они талантливы, то становятся фактами их биографий. Да и сама история часто оперирует не только фактами, но и представлениями отдельных людей об этих событиях. Так зачем же далеко забредать?

– История пишется мужчинами о мужчинах.

– А как же исторические документы? – возникла Аня.

– Документы почти «не меняют показаний», но, хотя и говорят, что против фактов не попрешь, прочтение их бывает разное. И, оценивая прошлое, мы – даже в схожих проблемах – не можем полагаться на современные взгляды. Подходы в былые времена существовали иные, – ответила ей Инна.

– Мне нравится, что в художественной литературе интерпретация фактов часто бывает интереснее самих фактов. А полярные мнения – стимул для полезной дискуссии. Но нырять в далекое прошлое – не мой и не Ритин метод, – твердо и определенно сказала Лена.

– Наверное, любопытно проникать в запретные зоны души персонажей: что-то обострять, усиливать, утрировать;

позволять себе высокую степень свободы, мол, и так могу, и этак. А на что-то не реагировать и упрямо вкладывать в уста героев свои мысли, предоставляя читателю угадывать шифры второго, третьего плана. Всё в твоих руках! Это греет, – с удовольствием представила ситуацию и себя в ней Инна.

– Смысловый центр писательского творчества – человек и его ненадуманые проблемы. Естественно, что и прошлый, и современный жизненный опыт преломляются в наших произведениях. Мы с Ритой, хоть и по-разному, но пишем о людях ничем особенным не выделяющихся. Представь себе, писать о них много труднее, нежели о великих. Одно дело, если завязкой романа служит жуткий страх, мощная страсть, дикая ненависть, и совсем другое – если грусть, терпение, обиды. То есть сюжет не напряженный, но содержащий неожиданные повороты. Но нам хочется выяснять, чем живут массы, что побуждает их к тем или иным поступкам. Это не только интересно, но и важно.

– Вариации на тему пусто потраченной или достойной, но примитивной жизни? Фи-и-и. И ничего особенного, протестного?

– Не в плане политики.

– И все же «въехать» в премию на биографиях великих людей легче. А если еще подвизаешься где-то там, в партийных или общественных кругах... Ты, конечно, по понятным мне причинам, туда никогда не рвалась. Тебя всегда только наука и дети волновали. А теперь уже поздно на практи-

ке вникать в универсальные, всеобъемлющие категории бытия высших слоев общества? На описании русского гостеприимства широты характера не высветишь. Тут более мощные толчки и стимулы требуются, – усмехнулась Инна. – И в современном мире есть люди, которые связывают времена или их «разрывают», разрушают. Вот о ком надо писать, вот кого надо раскручивать. Их нужно уметь вычислять и «оприходовать».

– Я не Пимен нынешней эпохи. У меня нет таланта глубоко вникать в историю, меня мало интересуют взаимоотношения политиков. Я с треском провалю этот экзамен, – сказала Лена.

– В твоих книгах политика как фон, как присыпка на хлебе для вкуса.

– Я кое-что понимаю в жизни отдельных людей, вот и преподношу, так сказать... Говоря стихом редактора одного Липецкого журнала Игоря Безбородова, я по-своему «ратоборствую с судьбой» своих героев.

– А если только заведомо ради премии постараться? Может, недоучла? – Инна «расшалилась». Она разогнала, и самой остановиться у нее уже не получалось.

Лена прикрыла глаза, показывая тем, что беседа окончена.

– Я слышала по радио, что подлинному писателю не пристало касаться социальных проблем. Это дело прессы, – дав

подруге немного отдохнуть, вернулась Инна к своим вопросам.

– Не думаю, что ты правильно поняла эту фразу. Вырванные из контекста слова часто меняют заложенный в них смысл, – рассеянно ответила Лена.

– А Рита не пыталась писать о большом современном политическом деятеле с мощным самоощущением нации, с огромным багажом исполненных во имя народа дел? Или тоже нос воротит? Как в народе говорят? «Хочешь прославиться – пиши о крупных начальниках. Золотоносная жила! Их-то не забудут. И твое имя в связи с ними всплывет». Настоятельно рекомендую.

– Рита хотела. Помню, рассказывала, как увидела одного чиновника по телевизору: лицо приятное, глаза добрые, и загорелась о нем написать. «Разыскала его квартиру и говорю его жене, что имею мечту описать детство и юность вашего мужа, проследить весь его жизненный путь: становление, развитие, созревание личности. Хочу понять, как он дорос до высокого чина, чтобы примером стал для современных молодых, энергичных и предприимчивых». А она мне с презрительной усмешкой заявила: «Спала его мама с членом правительства, когда он молодым в их обкоме партии работал, – вот и вся предыстория и причина его удачной карьеры». Больше Рита не пыталась изучать биографии высокопоставленных лиц. Простой люд ей ближе.

– А если бы тебя попросили написать о крупном чинов-

нике? Взятась бы?

– Я не журналист и не могу работать по заказу. Пробовала. Казенно получается, без души. Стиль повествования выходит бесстрастный, будто намеренно сухой, словно лишнее боюсь сказать. Мне надо полюбить тему, чтобы вдохновляла. Я не могу писать с холодным носом.

– А о детях с особенностями развития? – осторожно спросила Аня.

– Не соглашусь. Риск – это экспромт без всяких обязательств, а я так не могу работать. Когда я за что-то берусь, то сначала думаю: во имя чего я это собираюсь делать? Не навредить бы. Смогу ли? У этих детей особое, отдельное видение, собственный, всегда неожиданный парадоксальный мир. Конечно, интересно видеть, когда «зиме вопреки, вырастают у бабочек крылья». Эти дети безусловные, обаятельные, согревающие сердца, но и очень ранящие сочувствующие души.

– Эти дети нужны обществу, чтобы мы оставались людьми, – сказала Жанна.

– Они нерациональные, но по-своему умные. Когда я общаюсь с ними, у меня будто бы меняется картина мира, и жизненные приоритеты я начинаю расставлять иначе. Но с ними... слишком больно. Я не выдерживаю... После них, я и к здоровым детям отношусь уже по-другому, – совсем уж тихо закончила размышлять вслух Лена.

– Приоритеты штука серьезная. Например, представля-

ешь, что сказка про золотую рыбку не о жадной старухе, а о преданной любви старика, – и мир поворачивается к тебе другой стороной.

Но ты же у нас на особом положении! Может, надо, чтобы размер гонорара не предусматривал отказа, тогда получится совместить приятное с полезным? Не сошлись в цене? – с непроницаемым лицом сказала Инна, чтобы отвлечь подругу от давящих мыслей о детях с особенностями развития. Но, заметив, что та еще больше помрачнела, отступила.

– Неудачная шутка. И думать забудь о вознаграждении. Встречи и беседы я тоже всегда провожу бесплатно, даже если их «набегают» по десятку в месяц, – строго напомнила Лена Инне. – И свои книги я передаю спецшколам и детдомам безвозмездно, дарю.

– Понимаю, по большому счету это твоя благотворительная деятельность. Ладно. Вот тебе следующий вопрос:

– Ты не волнуешься на встречах с читателями? Они же могут задать вопрос на любую тему.

– Я же педагог. Я и перед студентами никогда не волновалась. У меня с детства была такая шутка: «Преподаватель всегда знает чуть больше ученика». А на встречах у меня диапазон возможных ответов намного шире.

– Ты заранее не заготавливаешь вопросы, которые задашь читателям... и их продуманные ответы тебе? Я опять неудачно пошутила или не вовремя «выкинула номер»? И ты не рухнула от удивления? Не заводись. Когда я смотрю по те-

левизору встречи с артистами, у меня иногда складывается впечатление, что это хорошо срежиссированные собрания.

– Я люблю экспромты и естественную непринужденную обстановку, – бесцветно ответила Лена подруге, давая ей понять, что обижена.

– По настроению твоя проза близка к Ритиной?

– Тебе со стороны видней. – Голос Лены всё еще звучал сухо и отрывисто.

«Что ее задело? Испугалась трудностей в налаживании межличностных связей с больными детьми? Вспомнила свои посещения домов для инвалидов? Неужели обиделась на шутку?» – не поверила Инна, но больше не приставала.

* * *

– Радостные эмоции не сочинишь, их надо пережить, вспомнить или открыть в себе заново и суметь передать словами. Пенек с пустыми глазами ничего не создаст. В детдоме трудно проявиться веселому лирику. Дети там почти все зажатые, затурканные. А грустное им легче дается. Достаточно иметь оголенные нервы и обостренное чувство справедливости – и вот тебе пронзительная исповедальная нота, – сказала Жанна Ане.

– Писателем нужно родиться, – не согласилась та. – Собственно, как и хорошему математику. С той лишь разницей, что математик лучше творит в молодости, а писателю нужен

жизненный опыт. Чтобы что-то отдавать, надо это сначала накопить. Но прежде он должен... услышать небо. Каждую книгу надо «прожить», тогда она будет чего-то стоить. Но ты права, где как не в детдоме произрастать грустному лирику. Именно из отчаяния подчас в душах рождается и прорастает самое сокровенное.

– А если не лирику, то бесшабашному блатняге. Голодный волк не может поднять глаза к звездам, но он воет на луну. И абсурд жизни с таких ребят, как правило, уже не осыпается. Для одних это повод к отчаянию, для других – борьба со смертью или сговор с нею.

– Это больно и противно Ритиному нутру, – возразила Жанне Лена.

– Один мой неискушенный друг утверждал, что дети воспринимают свою трудную жизнь без трагедий. Мол, я тоже не всегда был сыт и черные сатиновые трусы до колен и шаровары с начесом тоже были символами моего детства, но от этого я не был менее счастлив, – поведала Жанна свои сомнения.

– Речь идет не о пирожных и шмотках, а о моральной стороне жизни. Я понимала свою детдомовскую обездоленность, униженность, неполноценность и очень страдала, – нервно возразила Аня.

– Может, мальчишек меньше трогают моральные заморочки? – предположила Инна.

– Видно, друг Жанны, не был детдомовским, при мамочке

рос, – резко отреагировала Аня.

– Мне «Республика «ШКИД» вспомнилась. Там было много детей из благополучных семей, Революция их лишила родителей, детства и закрутила-завертела... Там такое творилась! – сказала Инна.

– У нас в городском детдоме в среде девочек не было издевательств, дедовщины. Случалась только веселая буза. Про ребят ничего не могу сказать. Мы почти не общались, в разных корпусах жили, – сказала Лена. – Аня, а теперь как?

– В детдома поступает много асоциальных и дефективных подростков. Все зависит от руководителя. Он набирает воспитателей, он определяет атмосферу в детском коллективе. В детдомах очень трудно работать, особенно, если группы большие. Детям требуется индивидуальный подход.

Жанна не стала спорить, о творчестве заговорила.

– Мне кажется, детская поэзия – та, что для самых маленьких – должна рождаться в головах счастливых людей.

Но Инна опять за Риту принялась:

– Ритины персонажи живут по-настоящему трудно, мучаются, страдают, меняются. Ведь развитие человека – это долгий путь, а не отдельные моменты. У ее героев есть память, они небезразличные. И это понятно. В России искусство и литература всегда носили характер совести. Это утверждал и мой любимый режиссер Шахназаров. Иногда мне кажется, что литература и есть наша национальная идея, наша религия, потому что у нее масса внутренних эстетических, мо-

ральных и воспитательных задач.

У Риты получилось слить житейскую мудрость с писательским талантом, а вот удалось ли ей избавиться от тех смыслов, которые навешивала на нее предыдущая эпоха? Сумела ли она своим замутненным коммунистическими воззрениями взглядом охватить новое время? Советский реализм, впитанный с молоком матери-родины, не смущает ли до сих пор ее тонкую душу? Ущемлять, ограничивать... Не идет ли она на поводу у прошлых страхов, когда книги могли изъять из свободного обращения или того хуже... Ведь ее роман с советской властью был успешным. Она благоволила ей. Рита укрепляла социалистические социальные смыслы или главное у нее всегда таилось не в строках, а между ними? А теперь как? Она не впадает в отчаяние? Времечко за окном, вон какое... «развеселое». Я еще в раннем детстве поняла, что человек больше всего по-настоящему боится другого человека... Хотя теперь многое уже налаживается.

Но Лена спросила подругу жестко:

– Ты о чем? Стремилась ли власти перекрыть ей кислород? Ты о творческой смелости или о тени от оков сталинизма?

– Так я тебе прямо и скажу! – попыталась отшутиться Инна. Ей не понравился слишком серьезный настрой подруги.

Но Лена продолжила наступать:

– Цепи прошлого давно сброшены. Рита еще в детстве отбоялась и оттринула весь свой страх. Она не прячется за ко-

го-либо, не идет против течения, но твердо стоит на своих позициях. И говорит, что думает, потому что сильная, самодостаточная личность, сформировавшийся писатель. Ей уже ничто не повредит. Разве у Риты что-то не задалось, не сложилось? У тебя устаревшие взгляды. До сих пор на генетическом уровне гнетет ощущение темной ночи и черного воронка? Не тесна ли тебе смирительная рубашка совковых предрассудков? Избавляйся от нее. Забыла, что одиннадцатая заповедь гласит: «Не бойся»?

Инна, не понимаю я тебя. Для Риты говорить о кощунстве советской власти во всех аспектах нашей прошлой жизни – фарисейство. Детдомовским детям она всё дала. Родина на самом деле была нам матерью. Случались кое-где отклонения и проблемы, но они возникали, если детдомом руководил недостойный человек. Рита считает, что и нынешнюю власть, если она работает на пользу России, надо поддерживать. Она, некоторым образом, относит себя к левой ветви патриотической интеллигенции.

– Я где-то читала, что воля важнее таланта, – ушла от критического настроения подруги Инна.

– При наличии таланта, – уточнила Лена.

Она сделала паузу и вернулась к литературным характеристикам:

– Так вот, в продолжение нашей с тобой темы... Ты всё ещё считаешь, что приверженность к классическим традициям тормозит развитие нового в литературе? Ее каноны

сковывают воображение? Держаться традиций, значит оставаться в прошлом? Нужен ли их диалог?

– Да. А это значит, что Рита придерживается наивного реализма и только в этом случае она «обречена» на оглушительный успех. Или у нее в голове мешанина направлений?

– Может, и классику проверим на соответствие новой эпохе?

– Столкнем с современными творениями, сломаем стереотипы ее неприступной цитадели, – смеясь, продолжила Инна. – И произойдет чудная метаморфоза! Какое потрясение! Хотя нет. Если человек читает классику и она ему не нравится, значит, дело в нем самом.

Инне показалось, что Лена при этих ее словах саркастически усмехнулась, хотя она спокойно и приветливо продолжила свое разъяснение:

– Любое произведение состоит из текста и его восприятия. Восприятие событий от эпохи к эпохе меняется. Кандинский как говорил? «Всякое искусство – дитя своего времени». Сервантес семнадцатого века не равен Сервантесу двадцать первого. Мы смотрим в зеркало произведения, а видим и ощущаем себя в нем, потому что литература делится не столько знаниями, сколько чувствами. Она посредством художественного языка объясняет их нам.

– Зрелым читателям самоценно не само событие, а человек в нем, ему важна «история его души». Изображая сложность и многогранность своего персонажа, автор может

убойной силы отрицательного героя, злодея, представить талантливый, обаятельный, просто обворожительный. Отрицательные герои – яркие, «мясистые», но токсичные. «Какой мерзавец!» – со злым восхищением говорят читатели. А положительные персонажи более плоские, меньше цепляют, зато больше радуют.

А некоторым нравятся исторические отсылки на тот или иной год, достоверность и проблематика того времени. Есть же естественная потребность знать наше прошлое, чтобы правильно оценивать настоящее и предвидеть будущее. И мы приближаем его в своих воспоминаниях, – продолжила Ленины рассуждения Аня.

– У животных нет прошлого, нет истории, – хмыкнула Инна. Ее опять покорило Анино вмешательство в их с Леной разговор и ей захотелось сбить ее с толку.

– Помню, нас учили в школе, что нужна временная дистанция, чтобы понять и осознать настоящее, что всё правильно видится на расстоянии.

– В этом и состоит трудность авторов, пишущих о современниках. Но они берут на себя ответственность не исказить действительность, – серьезно отреагировала Инна на Анину фразу.

– Все мы воспринимаем действительность в той или иной степени искаженную нами самими. И все же она есть реальность, – заметила Аня.

– Я меньше всего хотела бы не верить писателям. Они

опираются на факты. Документы прошлого фрагментарны и писатели их соединяют, составляя общую картину. Еще Пушкин писал, что история принадлежит поэтам, – сказала Жанна.

– История – последовательность прогнозируемых и непрогнозируемых событий. Она принадлежит историкам, – насмешливо заметила Инна и добавила уже совершенно серьезно:

– И в конечном итоге всем людям. «Кто же нас по Имени назовет, если мы сами себя знать не будем?»

– Все авторы опираются на факты, хоть и в разной степени. По ходу нашей беседы мне пришел на память пример: Толстому в упрек ставили что-то порядка семидесяти исторических ошибок и неточностей в его романе «Война и мир». Но от этого его произведение не стало менее великим, – сказала Аня. – Гениям многое прощается. Не было у Толстого консультантов, которые могли бы защитить его от исторических погрешностей. Он единолично работал.

– Ученые составляют общую панораму событий, а писателей интересуют люди в предлагаемых обстоятельствах. Историкам – факты, писателям – образы, эмоции. Есть историческая наука, а есть литература. У них разные задачи и методы, – заметила Лена.

– Настоящая история – это история личностей, – «солидно» заметила Аня. – Кстати, в школе нас учили, что христианская идея является сердцевиной творчества наших клас-

сиков девятнадцатого века, которыми нас пичкали – и не напрасно! – с пеленок.

– Подразумевай – нравственная идея. В то время они приравнивались, – сказала Жанна.

– А теперь ножницы образовались. Даже наше подростковое прочтение классики и современное – как два полюса. Но причина здесь другая, нет давления советской идеологии. Да и время сейчас такое: многое в морально-этическом плане обесценено или потеряло свой первоначальный истинный смысл. – Инна будто попыталась кого-то оправдать. Но тут же спросила:

– В Рите нет ничего от ретрограда?

– Ты о религии или ещё о чем? Церковь как произведение искусства она одобряет, – ответила ей Лена. – Говоря казенным языком некоторых критиков, ее творчество входит в непримиримое противоречие только с безнравственной культурой. Но связывать идею развития и укрепления национального самосознания в России исключительно с одним только православием считает глубочайшим заблуждением.

И опять Инне в словах подруги почудилась ироническая интонация. Ей даже показалось, что она прозвучала неожиданно зло. «Устала. Пытается деликатно отвязаться от меня. Значит, я взяла неверную ноту», – подумала она и не решилась продолжать разговор в том же ключе. Но обидчивое удивление на лице все-таки изобразила.

– Вы с Ритой похожи в своей парадоксальной несхожести... (?) Интересный был бы тандем, – минуточку-другую спустя, опять же в своей манере, только осторожно, закинула удочку Инна. – Но мне кажется, у вас нет больших семантических различий в языке.

– Этот твой вопрос типа такого: «На столе стоит бутылка, пепельница и книга. Что между ними общего?» – насмешливо сказала Жанна, чтобы позлить Инну.

– «Парадокс близнецов» вспомнила? – спросила ее Аня.

– В природе нет парадоксов. Это ошибка гениального Эйнштейна. Он раздвинул горизонты науки, показал, что есть абсолютно другая физика – релятивистская. А маленькие ошибки и недочеты – это нормально. Наука развивается и постепенно их исправляет. Парадоксы в головах людей. А наши с Ритой книги интонационно не схожи, – ответила Лена теперь уже конкретно Инне.

– О, эти неповторимые интонации! Именно они говорят о намерениях героев.

– И смысловая канва у нас разнится, и проникновение в сущность героев у каждой свое. К тому же Рита раньше и энергичнее заявила о себе, и продолжает набирать обороты. У нее подробные бытоописания, а у меня одни вопросы. И как всегда их больше, чем ответов. Я в основном налегаю на чувственную сторону, а Рита на эффектную канву и яркую художественную ткань произведения. У нее хорошо получа-

ется. Я не пишу иллюстративные вещи, иду от самого материала, а он уж показывает, куда вести и что транслировать читателю. Стоит начать, а дальше произведение как бы само себя осуществляет. Если накрывает вдохновение – рука еле успеваешь записывать. Пишу, пока не почувствую торможения мыслей. Моменты творения неуловимы и не предсказуемы по своей сути. Нахлынет и всё.

– Я иду... А Пикассо говорил: «Я не иду, я нахожу!»

– С Леонардо да Винчи не хочешь меня сравнить?

– Странная прихоть. Понятно. Как всегда иронизируешь, издеваешься над собой? Тебе надо чаще себе говорить: «Можно я не буду слишком скромной?» – Инна рассмеялась. – Да Винчи тут ни при чем. Не на него я нацелилась. Я воображаю, что твоя душа перекликается с душой Лермонтова, что ты с ним на одной волне.

– Спасибо. Мне до него, как до звезды. Не подлежит сомнению, что место рядом с ним до сих пор вакантное.

– Интересно слушать о себе откровенные суждения?

– Откровенные – полезно, дорогой мой приверженец и поборник правды. А от льстивых у меня надежный панцирь из недоверия и сомнений, – сказала Лена. Она понимала, что Инна не нахваливает ее дружески, а просто, любя, совсем немного приближает к той самой... детской мечте. – Общее у нас с Ритой – неослабевающая, жадная потребность писать. (У графоманов тоже.) Любить надо то, чем занимаешься, а не вымучивать создаваемое, да еще и ставить себе в заслу-

гу, что дело идет с трудом, со скрипом. Без любви к делу я не мыслю творческого процесса. Только при этом условии можно в себе и в других что-то открыть и преподнести читателям.

– Один художник сказал другому, мол, хорошо написал, но твой цветок не пахнет счастьем, я не чувствую его аромата. А о литературном произведении или о какой-то его части можно так сказать?

– Безусловно. «Красиво, правильно написал, но не талантливо».

– Лена, ты же не знаешь, о чем на самом деле думает тот или иной твой герой и, тем не менее, пишешь «подумал он». Ты его характер как пазл собираешь? От одного человека отщипнешь, от другого. По психотипам людей раскладываешь, представляешь, как они могут мыслить, вести себя. Да?

– Что-то вроде этого – улыбнулась Лена.

– В простом видишь сложное, в известном ищешь неизвестное. Умеешь разглядеть волшебство и отстраненность в бытовых вещах. Четко понимаешь, что тебе помогает, что мешает, – продолжила вслух размышлять Инна. – Ты могла бы писать о том, на что есть спрос? Это давало бы тебе средства к существованию и обеспечивало, а может, даже гарантировало успех. Допустим, о всяких там отвлеченных материях.

– А ты сама, что об этом думаешь? Нет мне туда ходу, – ответила Лена серьезно. – Передо мной не стоит засушенной

задачи выживания любым способом. Не могу похвалиться, что деньги у меня водятся, но жить и писать так, чтобы искать «пристанища на любом корабле», мне еще не приходилось, и, думаю, уже не придется. Я пишу только о том, что душа требует.

– Ты настоящий ученый и писатель, а значит, больших денег по определению у тебя быть не может. Не живешь «в сиротском свете стосвечовых люстр».

– И «сирый свет убогого алмаза» не туманит твоего взора, – с удовольствием подыграла Инне Аня. – Все мы не большие знатоки роскоши и не законодатели изящного вкуса.

Инна, недовольная новым вмешательством в их с Леной разговор, только глазами раздраженно сверкнула, мол, тоже изголодалась по общению? Только не звала я тебя! Она ревниво принимала к сердцу любые вторжения в их с Леной «личную жизнь», и тем более чьи-то удачные «выступления».

Лена, понимая это, слегка нахмурилась.

3

Немного успокоившись, Инна продолжила:

– Писатель обязан обладать изрядным запасом слов и определенной эрудицией. Как у тебя с этим? Ты же технарь. Мы все немного сухари.

– О тебе этого не скажешь, – с улыбкой заметила Лена. – Я только на откате девяностых начала всерьез писать, наращивать умение и раздвигать над собой потолок. От силы лет пять, да и тех по совокупности, пожалуй, не наберется. Правда, в детстве стихами и прозой отзывалась на любое событие, но в основном в форме «устного народного творчества». Да и позже иногда пыталась, но моя занятость... А Рита уже успела поработать в самых разных жанрах. Даже внештатным корреспондентом какой-то газеты побывала, потому что с самого начала была заточена на профессионализм. Все искала себя, но никогда не выпячивала. Долгим был ее путь к известности. Много лет по шипам шагала, пока пришло признание. Размышляла, переосмысливала уже написанное, новое начинала. И теперь продолжает оттачивать свое мастерство. Настоящий писатель не перестает расти. Но ей повезло, потому что она удачно дебютировала еще в СССР, в счастливые шестидесятые, в эпоху еще несломленных иллюзий, которые прошли под знаком оттепели. Она успела вскочить на подножку последнего вагона быстро удаляющегося поез-

да, и вошла в литературу через широко распахнутые ворота. А я, как говорил о себе Жванецкий, в написании больше руководствуюсь интуицией, чем компетентностью.

– Рита уже писала, когда ленинская цитата на титульном листе книги еще являлась охранной грамотой произведения, когда верили, что слово правды может перевернуть мир. Но и главенствовали убогие советские клише типа того, что все писатели обязаны что-то сказать против религии, и было директивное навязывание мнений, подталкивание... на скользкий путь лести, – насмешливо перебирала знакомые хлесткие фразы критиков Инна. – Она писала санкционированное, разрешенное.

– Не преувеличивай цензорские страсти в советский период. К тому же у Риты претензии в основном к себе, а не к критикам.

– Существенный штрих: она применяла лозунги ограниченного значения, для внутреннего пользования. Или нет? Но Рита писала и после того, как произошло разочарование в «оттепели». И началась ее трудная, но полноценная жизнь. Как же, каждый день как на костер! Прежде, чем о чем-то написать, надо крепко подумать. Я ошибаюсь? И теперь пишет, когда совсем исчезла цензура. Пафос в изображении советского периода у нее уже пошел на убыль или она застряла в прошлом? Писатели перестали бороться, и от этого их произведения стали хуже.

– Зачем ты так? Избегай соблазна упрощения. Талант-

ливый художник-мультипликатор Норштейн как-то заметил, что цензура денег гораздо более омерзительная, чем политическая. А он мудрейший человек. Я его уважаю.

– Не помню, кто недавно сказал, что без свободы творчества нет ответственности. Только какая же это свобода, если зависимость от денег? – удивилась Инна. – Задам абсолютно дилетантский вопрос: «А теперь Рита пишет под знаком перестройки без праздничной приподнятости? Она вышла за рамки советского официоза, но напоминает нам о недавнем прошлом, буквально втягивает в него, чтобы мы одновременно смеялись и плакали над ним, чтобы лучше понимали себя в новом пространстве?»

– Рита никогда не тяготела к высоким фразам. Она не бунтарь, но и не из тех, которые говорят как официанты: «Чего изволите?» В ее творчестве были периоды растерянности, отторжения, непонимания, неприятного изумления и даже отвращения. Но она писала в стол. Внутренняя работа в ней не прекращалась, душа металась и скорбела. Ничто не укрывалось от ее пронизательного взгляда. Бывало, что она одна не разделяла общего мнения и сохраняла свои суждения в неприкосновенности, дабы не замараться. И это при ее вроде бы трогательной одухотворенности ребенка. Не потерялась она в постсоветское время, нашла свою нишу. Никакая политическая система не способствует рождению талантливых людей, нет такого закона в природе. Они сами по себе являлись во все времена, и теперь рождаются, только их надо су-

меть разглядеть.

– Рита вписалась в советские каноны, не бросала камней в сторону советской власти, но о партии не писала. Что-то внутри нее сопротивлялось, и она не могла позволить себе этого. Не ее конек, – подтвердила Инна. – Кто их, тех сталинских и брежневских лауреатов теперь помнит? Тогда давали премии за общий вклад в дело партии.

– Обывательский вопрос. Опять крайности. Не кори тех писателей. Многие исчезали с писательского горизонта. Быть самим собой во все времена по разным причинам нелегко. А тогда надо было суметь встроиться или замолчать. И все же в советское время выходило много прекрасных книг. Мы и наши дети на них выросли. Вспомни Василия Белова, Даниила Гранина, Леонида Быкова, Аксенова, представителей «деревенской» прозы. Их породила оттепель. Страна радостно вздрагивала от огромного количества талантов возникавших во всех областях нашей жизни! – восторженно провозгласила Аня.

– Для нас они были великие, а для современной молодежи? – с сомнением покачала головой Жанна.

– Так ведь классики... – растеряно ответила Аня.

– Увлечение политикой в свое время утащило Маяковского в бездну, – издалека начала подступаться Инна к новой теме.

– Ты не смотри на то, «что?» он писал, а вникни – «как?»

И тогда поймешь, что он поэт с большой буквы, – пробурчала Аня. – И наша Рита, как мне представляется, следовала и следует своему таланту, своей неповторимой индивидуальности мыслей и чувств.

– Кто бы сомневался! А теперь имя не давит на Риту, она не стремится в круги власти?

Лена не обратила внимания на Иннину реплику.

– Каждый творческий человек ищет собственную художническую стезю. В свое оправдание могу сказать, что будь на месте Риты, я бы даже не пыталась ухватить направление течения времени, чтобы осмыслить ход истории. Я оставляла бы это сведущим. Думаешь, это мое уязвимое место? Нет. У меня другая творческая ориентация.

– Хочу заметить, что в переломные моменты жизни страны произведения часто ценятся за смелость высказываний без учета качества текста. Наверное, это не совсем правильно?

– Время отсеет лишнее, неталантливое, – ответила Лена подруге.

– Мастерство – это техника, а за ним начинается творчество?

– У кого как.

– Теперь перед Ритой раскрылись прекрасные перспективы. (Без денег?) И проза её представлена, и стихи. Ей грех жаловаться, – сказала Жанна. – Я кое-что из ее последних сборников читала. Подруги присылали.

– Это по-настоящему волнующе. В награду она получает обвал любви и обожания! И критики относятся к ней благожелательно, – тихо и восторженно сказала Аня. Она гордилась подругой.

– Многие критики – снобы. Может, Рита не попадала в их поле зрения, – из чувства противоречия возразила Инна.

– Тогда откуда заветные, престижные награды, бесценное признание коллег?

– Ха! На нее обрушилось бремя славы! Хорошо пишет, но без тайны, прозрачно, – принялась упорствовать Инна, не зная к чему бы придраться.

– Так не детективы же и не фантастика, – удивилась Лена. – Это в них увлекает атмосфера сгущения страха, накал страстей и ужасов.

– Напрасно вы с Ритой не в тренде. Тебе бы с ней сценарии к милицейским сериалам писать или мистические триллеры, тогда на всю страну быстро прославились бы. А то некоторые только после ухода из жизни получают настоящую известность. Тогда их творения сразу приобретают особую ценность, и сам автор становится героем-мучеником. Боготворить его начинают, особенно, если он рано покинул этот мир и уже не конкурент живым. А других вовсе забывают, будто и не было их на планете Земля. Они «уходят в перенной».

В словах Инны прозвучала неприкрытая ирония. Но Лена не поддавалась на провокацию, и, чтобы подруга не «увлек-

лась» только что заявленной ею темой, о себе заговорила:

– Я не уверена, что в полной мере владею словом, и рискую выглядеть дилетантом. Соответствуют ли мои книги тому, чтобы называться литературой, а не макулатурой?

Она неопределенно пожала плечами, давая тем самым понять, что не считает свои писательские опыты чем-то выдающимся и не ищет громкой славы.

«Так о себе может сказать только Лена», – подумала Инна.

– Совершеннейшая чушь. Не наговаривай на себя. Придет же такое в голову! Дилетантство, свежий взгляд и движение на ощупь иногда приводят людей к открытиям.

– Вот именно, что иногда.

– Что из того, что ты начала писать много позже Риты? У тебя чувство слова – врожденное, а не приобретенное. Ты Божьей милостью писатель. Ты слишком к себе строга. Зачем приписываешь себе несуществующие недостатки, объясняя их неискушенностью в литературных изысках? Боишься затеряться среди графоманов? Зря. Нет, я понимаю, в любой профессии можно существовать достойно только до тех пор, пока не утрачена способность к обучению. Я предвижу твой грандиозный успех.

– Да уж... Какой аванс доверия! – чуть насмешливо протянула Лена. – С отчаянным максимализмом пытаешься защитить меня от самой себя? У меня хватает ума бить себя по рукам и... по глупым мыслям. Всем нам это иногда требуется. И не будем забывать то, о чем напоминала нам с тобой в

детстве моя бабушка: «Загад не бывает богат».

– Еще бы, ты же все время находишься в состоянии оценки. Вот сиди и жди с моря погоды, – недовольно буркнула Инна.

– Во время творческих исканий, чтобы выскочить из собственной оболочки, писатель должен оставаться один на один с самим собой, а у меня дома – ты же в курсе – даже нет места, где бы я могла уединиться и, не отвлекаясь, сосредоточиться. Мне часто не удается до конца записать внезапно пришедшую мысль, не то что засесть за размышления. Много откладываю на потом. Пишу урывками, между делами, на бегу. В мою работу над книгой постоянно вторгаются бытовые проблемы. Я не имею возможности посидеть за письменным столом и полчаса кряду. Если только ночью.

Когда родился внук, я взяла себе за правило готовиться к лекциям в институтском читальном зале. Там удастся достичь нужной концентрации внимания и максимальной работоспособности. Тишина и особое дыхание зала меня успокаивают и настраивают на деловой лад. Там же ищу темы для рассказов, развиваю их форму, структуру, содержание. Но тогда меня грызет червь сомнения: я недостаточно помогаю детям, мало общаюсь с внуком. А что делать? Если не заниматься любимым делом, это может привести к губительным последствиям, допустим, к депрессии или даже к искажению личности. Свобода и радость приходят к человеку, нашедшему себя. И все-таки я часто бросаю всё и мчусь домой.

– Серьезно? Поразительно! Обрадовала... Зачем, спрашивается, откровенно демонстрируешь преподавательское бытовое убожество? Надо держать хвост пистолетом, мол, «всё хорошо, прекрасная маркиза!» Что примиряет тебя с более чем скромной действительностью? То, что в стесненных обстоятельствах ты не одна? Что глаза округлила? Ждала от меня понимания? И это с твоим-то беспощадным даром наблюдательности? Взятки надо было брать и отдельную квартиру себе строить.

– Инна, тормози. Я, конечно, понимаю твои шутки, но, пожалуйста, не апробируй их сегодня ни на мне, ни на наших подругах.

«Не люблю злые, наглые шутки, особенно, переходящие в пошлость или скабрёзность. Они говорят о неуважении к тому, на кого направлены. Надо уметь сразу извиниться, если ненароком сглупила, «с потолка» брякнула. А Инна...» – Аню брезгливо передернуло.

– Не поверю в отсутствие тщеславия. Не чужда? Ведь хочешь же в писательстве, как и в науке, покорить Москву? Давно и прочно? Мучаешься, страдаешь? Мечтаешь, чтобы по твоим произведениям фильмы снимали? Хотя бы по детским. Желаеть, чтобы тебя в будущее взяли?

– Сейчас мало хороших сценаристов. Да и сценарий – это только повод, чтобы режиссер мог выстроить свою картину, так как он ее видит. Режиссерам неинтересно следовать сюжету. Они придумывают то, чем можно завлечь и удивить

зрителя. Это музыканты обязаны исполнять ноты, написанные композитором.

– Пока не стоит тебе заморачиваться и время на это понапрасну тратить? – спросила Аня. И добавила:

– Только в музыке творческие люди могут быть стопроцентно самими собой. И то не всегда. Случалось, что и ее «прикрывали». Джаз, даже танго. Но при Советах писатели, обслуживающие власть, стремились восхвалять порядочность. А мы их поругивали. Нам этого было мало. Мы восхищались теми, кто писал «неудобную» для руководства правду.

– С некоторых пор считается... – открыла было рот Инна. Но Лена не дала подруге договорить и отреагировала однозначно:

– Спокойной ночи, малыши.

4

Минута тишины – и Инна избрала новый объект для своего неугомонного красноречия.

– У тебя все подчинено вдохновению, потому и книги такие, а вот от Аллы за версту университетским академизмом несет. Вы разительно отличаетесь. В ее произведениях значительность, многоуровневая разветвленность смыслов того, о чем она говорит, и в большей степени, о чем умалчивает. У нее острый, цепкий ум. Алла не сомневается в том, что изрядно поднаторела в вопросах изящной словесности, и в ней она видит свое откровенно счастливое всеисилие. Ее тексты насыщены афоризмами и крылатыми фразами, полны мудрого остроумия. Отличная «выделка» текста! Это бегство в сторону интеллектуальности? У нее злое, но не злобное слово, без кипения и глухого раздражения, без всепожирающей вакханалии ненависти. Но все... как бы теоретическое.

Понимаю, талантливый писатель может написать художественное произведение, взяв за основу любую научную статью. Именно поэтому тексты Аллы концентрированы, самодостаточны. И чувствует она себя в них как рыба в воде, проявляя при этом свое прекрасное образно-поэтическое мышление. Мне случалось обнаружить завораживающие и ослепительные фразы и даже целые абзацы, но ее блистательная

риторика и переизбыток внутренних монологов героев затрудняют понимание смысла прочитанного. Раздражает бесстрастная точность деталей, математическая лаконичность формулировок. Будто в них заложена некая схема. И это при том, что замысел и фабула на удивление просты. Они не ее сильная сторона. Они только повод пофилософствовать? Но где тонкий нерв чувств? Почему у нее отстраненный, малоэмоциональный взгляд на события? Порой текст будто выскоблен и отмыт. Ей бы политические памфлеты писать. Она уходит от рефлексии персонажей по отношению к их поступкам и чувствам. Сама все оценивает. Понимаю: точность и достоверность – ее козыри. Но в этом мне видится какая-то ее зажатость.

– Такова ее особенность и манера письма, – объяснила Лена.

– Ей не хватает чего-то живого... и получается тягомотина.

– О фильмах Тарковского то же самое говорили, а теперь в первый ряд ставят, – возразила Аня.

– С моей точки зрения у Аллы социальная концепция превалирует над художественной. Ей бы расширить диапазон чувств, больше внимания уделить страстности... и вообще человеческим качествам. Это важно для понимания ее героев. Она не боится разгромных статей? Интересно, когда она видит природу, ее эгоцентризм на стороне цивилизации или Бога? Сейчас в литературе катастрофически много со-

отнесения с высшими силами.

– Не думаю, что она должна выбирать и принимать чью-то сторону. Но ты сама у Аллы спроси, – предложила Жанна.

– К ней не подступишься. Строит из себя глубокомысленную особу. Надеется стать предтечей нового направления в искусстве? Тоже мне самопровозглашенный гений! Излишнее мудрствование лишает удовольствия от чтения. Не ложатся на среднюю аудиторию ее произведения, они не формат.

– Умные фразы – те, что вносят в понимание что-то новое, те, которые развивают – это же отлично! – не согласилась Аня.

– Я бы посоветовала Алле простегать сюжет легким искрящимся юмором и приправить более едкой иронией. Их можно позаимствовать, допустим, в томах анекдотов. Беспроигрышный вариант. В крайнем случае, пусть запасется безответственной иронией. Мы, женщины, очень чувствительны к таким вещам.

Я как-то вышла из автобуса и две бабульки со мной. Им лет по восемьдесят. Маленькие, сухонькие, волосики на их головках редкие, серебристые. И тут одна другой говорит: «Гляньте, у вас рукав в чем-то испачкан». А вторая ей отвечает, весело подмигнув: «Видно в автобусе к какому-то мужичку прижалась». Обе рассмеялись заливисто и звонко, совсем как молодухи. Густые морщинки по их личикам побежали солнечными лучиками. И пошли они в разные сторо-

ны довольные друг дружкой. И я развеселилась, – с удовольствием вспомнила Инна милых старушек.

– Школьники юмор прекрасно понимают. Помню, один раз я очень серьезно побеседовала с шестиклассниками «про жизнь». Они вышли задумчивые, строгие. А в другой раз у меня настроение было легкое, радостное, и я поведала детям о маленьких приключениях из своего раннего детства, о веселых моментах из студенческой жизни. А потом даже серьезную тему раскрывала с юмором. И мы вместе смеялись над незадачливостью, нерасторопностью и откровенной глупостью моих «героев». Вышли дети из школы радостные, возбужденные, говорили, что «здоровски» побеседовали, что, оказывается, физику тоже можно интересно и весело преподавать». И в своих отзывах про встречу ребятишки о моих шутках вспоминали. Каждый жест, каждое слово подметили и запомнили! Я этот опыт учла в своих следующих встречах, – поделилась Лена. – А как-то на очередном мероприятии услышала удивленный шепот девочки: «Я думала, что придет ветхая старушка. А она еще очень даже ничего! И понимает нас, не «козлится».

– Мы «уехали» от писательства, – заметила Инна. – Продолжим. В твоих книгах, Лена, прозрачная ясность высказываний и такой густой замес печали! Читаешь и воспринимаешь события как личную боль. Проходя через души, она становятся частью читательского опыта. А всё потому, что сердца людей входят в резонанс с биением твоего сердца,

точнее с его нервными вибрациями. Они трепещут наравне с ним. Происходит проникновение, понимание... И заметь: без всякого давления на мозги как у Аллы. Опровергни меня. Ты же с детства ненавидела всякую фальшь и притворство. Вызволяй свою подругу из железных лап дилетанта. Моя критика не всегда созидательна. Ничего не упускай. Безжалостно заставь меня заплатить по всем счетам. Вскрой свои еще нетронутые, неостребованные писательские резервы или милостиво согласишься со мной. Мне крайне желательно выслушать твое мнение. Для тебя, наверное, критика – рядовой момент, а для меня – особый, исторический! – весело «закруглила» свою речь Инна.

Лицо ее сияло от тайного удовольствия: вот, мол, как я вас обеих!

– Твои слова не обычный примитивный бубнеж... И в этом ты вся! Ты дремлющий вулкан, всегда готовый к извержению. Цены себе не знаешь, – улыбнулась Лена.

– Я-то знаю, да ценить некому.

– Мне сдаться на милость победителя? Как моя бабушка говорила? «Где совесть, там милость». А ты не побрезговала возможностью отточить на Алле и без того острый свой язычок. Разыгрываешь меня? С тебя станется, – невольно усмехнулась Лена и добавила уже вполне серьезно:

– Что я слышу? И это верх деликатности? Взвешенный взгляд? Тебе в Аллиной прозе не хватает «аппетитных», пикантных подробностей? Ты всегда их обожала, не правда ли?

Не спеши с приговором. Не выставляй Аллу монстром. Разрешите предварить твою последующую критику мнением профессионалов. Знаю, ты на уже сказанном не остановишься.

– Да, я имею смелость высказываться.

– Инна, не вяжись к Алле, она ничего из себя не строит. Она и есть такая, потому что, прежде всего, ученый. Словья не заставишь каркать. Между прочим, культура включает в себя и науку. Открытия – это высшие достижения человеческого интеллекта. Аллины книги – сплав функциональной науки и личных эмоций. Она пишет «простите, не для среднего ума».

Инна в голосе Лены услышала нотки сарказма и отмахнулась:

– Нашла, на что обижаться.

– А теперь, после этого уточнения, я попытаюсь охарактеризовать творчество Аллы, расписать его достоинства. Ее прозу я осваивала в бурных спорах с коллегами. Кто, кроме меня, возьмется за «благородную и дерзкую» задачу ввести тебя в творческий мир Аллы? – не обращая внимания на реплику подруги, продолжила разъяснение Лена. – Понимаешь, существует широкое разнообразие художественных почерков. У всякого писателя свой склад ума, стиль, оценочные мнения, восприимчивость. У Аллы умные, добротные сделанные книги. В ее профессионально написанных произведениях отражена эпоха и просматривается незаурядная личность самого автора. Она много лет на научных ста-

тнях оттачивала свое мастерство, прежде, чем выйти на писательскую стезю. Она с творческой жадностью выстраивает изумительные логические комбинации. Я обожаю интеллектуальную прозу Аллы, ее психологические отступления, их особенную экспрессию. Они – мощный энергетический посыл читателю. Алла умело пользуется иронией, удачно сочетает нравственно-философские раздумья о причинах поступков своих персонажей с их жизненным выбором, четко и точно выносит приговоры согласно характерам и воззрениям героев.

– «И, не стесняясь, пишет маски, когда лица на ком-то нет». Не я, Зиновий Гердт так о ком-то сказал, – заметила Аня.

– Так ведь и правда редко кому в нашей среде удастся прожить собственную жизнь. В основном все маски носят, – усмехнулась Инна.

– Алла не отлучена от читателей своей заумностью? – вклинилась в разговор с вопросом Жанна.

– Напротив. Она предоставляет им возможность задуматься, допустим, над тем, в чем состоит истинный долг человека и нужно ли ради его выполнения изменять себе; на чьей он стороне, и какую роль в судьбе человека играет ее величество Случай? В книгах Аллы четко разграничены зоны войны, мира и семьи. Ее произведения социально достоверны и художественно убедительны. В них таится секрет того, что с нами происходит. А ты ожидала увидеть за

стройностью и изяществом мыслей особый романтический стиль? Мне приятна Аллина манера изложения и ее подчеркнута условный язык. Мне кажется, философское осмысление жизни ее персонажами всегда будет интересовать серьезных вдумчивых читателей и помогать им осознавать себя в нашем сложном мире.

– Много веков, – дополнила Инна не без усмешки и подумала: «Ленка привыкла писать рецензии. Она ценит себя ниже Аллы?». Потом спросила:

– У Аллы все идет от головы? А как же тот факт, что мозг писателя работает по заказу эмоций?

– Их у нее тоже предостаточно.

– А мне представляется, что она отказалась от пафоса и излишнего драматизма в пользу иронии.

– Ей видней.

– Алла смело ворвалась в литературу, она вне конкуренции! Она в зените славы! От читателей нет отбоя. Ее книги отрывают с «руками и ногами»? Она – явление эпохи и лидер читательских симпатий. Беспрецедентный результат! Профессиональное признание! Ее произведения по твоему глубокому убеждению войдут в анналы и грозят стать заметным событием мирового масштаба, хотя интеллектуально перегружены...

– Такого уровня и направления эмоции у нее уж точно отсутствуют, – остановила Лена подругу. – Инна, каждый человек индивидуален и обязан отстаивать свои взгляды соб-

ственными методами. Не выступай, доверься моему опыту. Для Аллы важно совпасть с главной болью своего времени, прочувствовать его драматургию. Пишет она на злобу дня, но с дальним прицелом, с философским осмыслением событий. А все равно по сути дела про всех нас, только очень по-своему. Что и ценно.

Второй момент. Последнее время Алла устранилась от физических исследований. Это связано с тем, что она почувствовала нечто необъяснимое, какое-то новое внутреннее дыхание, требующее колоссальной сосредоточенности. Она отодвинула в сторону свою блистательную карьеру и занялась гуманитарным творчеством. Только лекции за собой оставила. Алла посвятила себя литературе и уже заняла определенное место в писательской иерархии.

– Ты серьезно? Не закралась ошибка? Это вызов? Бомба? Здорово. И это в то время, когда разбегание физиков и лириков достигло критической величины? Физика Аллу уже не соблазняет? Страна потеряла научного работника, но приобрела писателя! Анята, конспектируй тезисы, будешь своих подопечных просвещать, мол, несравненная Алла Константиновна лучший физик среди писателей и лучший писатель среди физиков! О ней только в превосходной степени! Когда я читаю произведения таких писателей, как Алла, я без сомнения могу сказать, что литература есть и будет!

– Ну хватит тебе, – с укоризной заметила Лена. – Решение Аллы не укладывается в схему твоих понятий?

– А оно того стоило? Философия – пожалуй, излишняя роскошь для нашего послеперестроечного времени. Наука понесла тяжелую утрату! Продолжу, с вашего позволения, «разбор полетов». Отлично сознавая меру своего таланта, бросить физику и заняться писательством? Крыша у нее поехала. Тревожная тенденция. Оказывается не только Рита в плену своих чувств. Нет, я, конечно, говорю только от своего имени, но...

– А может, это еще один из ее способов раскрыть смысл своего пребывания на земле, – предположила Жанна.

– Устала от затяжного «романа» с наукой? На лирику потянуло. Не смогла отказать себе в удовольствии отвоевать еще один аспект жизненного пространства? Она полна сюрпризов. Насколько я знаю, несерьезное поведение никогда не вписывалось в ее характер. Лично для меня этот ее шаг стал культурным потрясением. Он вверг меня в глубокую задумчивость. Предать науку! Вот это поступок! Я раздавлена, я смущена!

– Тебя смутишь, – усмехнулась Лена. – Так бывает: какая-то внутренняя сила разворачивает человека и направляет по иному пути.

– Я корила себя за непонимание. Но тяжелое чувство сожаления недолго меня мучило, – окончила Инна свою мысль шутивным отступным шагом.

– Мне трудно поверить, что ты выступаешь в роли оскорбленного технаря. Ты ставишь Алле в вину это прекрасное

занятие? Тогда и меня обличай, подвергай уничтожающей критике. Предъяви этот свой талант во всей красе. Пойми, Алла не отступает от своих принципов, она продолжает себя искать, – отрезала Лена.

В ее лице Инна не увидела и намек на усмешку.

– Из своего мнения и из всего вышесказанного тобой, я заключаю, что Аллины произведения «многоэтажные», претенциозные, и они по вкусу только духовным истязателям, которых душит раж самосовершенствования. Только они чувствуют в ее творчестве зашкаливающую взрывную энергию сжатой пружины и только у них она обречена на успех. Возьми хотя бы ее застывшие научные, трудно расшифровываемые обороты речи, перегруженность энциклопедическими знаниями, фактами, цифрами. А перенасыщение терминологией и ее отсылки к узким секторам знаний? У нее, знаешь ли, в писательстве избыточная профессиональная эрудиция. Слишком много интеллектуального, а надо бы побольше человеческого.

– Человечного? – переспросила Аня.

– Нет, я понимаю, писатель пишет своей личностью. Я знаю, что существует массовая литература, беллетристика и познавательная. И здесь особенно видна дистанция с великими... А есть элитарная, которая по сути дела не имеет широкого круга читателей. Алле это надо? Стоит ли густо застраивать пространство произведения мыслями и идеями автора таким образом, что не остается места для тайны и ин-

триги, так необходимых читателю? И для собственных мыслей, – добавила Инна, будто услышав чье-то возражение. – Дорога писателей к широкой детской и взрослой аудитории проходит через бурлящую фантазию. Она не столько придумывается, сколько рождается внутренней сутью авторов. Отсюда фантазмагорические сказки, обязательно содержащие сюрреалистические линии, многослойная мистика с материализацией метафор, обращенных к нашему бессознательному. Поиски этих составляющих расширяют границы видения и чувствования авторов и их читателей, особенно детей. Я разделяю их по принадлежности к...

– Это не Аллино поле деятельности, не ее пласт. Ты еще озорной юмор с неё затребууй. Философские рассуждения содержательной части ее произведений не портят. По мне так они и есть ее озарение, ее вершина. Алла не беллетрист и не популяризатор, но ее книги находят живой отклик в умах и сердцах серьезных читателей. Страсть к стилистическим красотам, сгубившая не одного писателя, лучше? – спросила Лена.

– Ты права, она в этом не замечена.

– Ты чувствуешь в Алле публициста, но тебя иногда не устраивают ее взгляды? Только ведь позиция автора не всегда обязана совпадать с позицией ее героев. Ты же сама об этом говорила.

– Алла заработала себе имя? Какой из шедевров принес ей известность? Какова его фабула, в чем суть? Ее книги за-

воевали мир, они пользуются бешеным спросом и ее жизнь снова обрела смысл? Каких авторов она потеснила в очереди на премию? С талантом не поспоришь. Она в одной упряжке с тобой? – рассыпала Инна ехидные вопросы, будто горохом кидалась. Но добавила вполне серьезно:

– Ты пишешь в расчете на чуткого читателя, а она на слишком умного. У талантливых людей всегда присутствует щепотка шизофрении.

– Это последнее слово в критике? Где-то я подобное уже слышала, – усмехнулась Лена. – Ошибочный диагноз. Безумие вытесняет из человека его проблемы, а писатель в своем творчестве на них опирается.

– Как и в науке? Этот феномен еще предстоит изучить академикам РАН, – пошутила Аня.

И в тот момент ее лицо в мягком ореоле доброй чуть наивной улыбки показалось Лене по-детски милым и привлекательным. «И это несмотря на ее более чем пенсионный возраст?» – удивилась она.

* * *

– Почему во всякие времена у совершенно разных людей рождались похожие, талантливые мысли, образы, фразы и даже физические законы? Я, конечно, понимаю, что идеи могут быть одинаковые, но воплощение их разное. Существуют неожиданные комбинации и связи между предмета-

ми, людьми и событиями... – Это Жанна напомнила о себе. Но не была услышана.

«Она хочет новую тему начать или закрыть предыдущую?» – не поняла Аня.

– В каждом гении есть капля безумия, – снова провозгласила Инна.

– Ты и Лену к шизикам причисляешь? Симптомы налицо? С ее чувствительностью она входит в «группу особого риска»? И под чьей юрисдикцией находится этот скользкий вопрос? – ехидненько поинтересовалась Жанна.

– Да ты у нас веселый циник, – удивилась Инна.

– Может, нам исключить из своего лексикона этот медицинский термин? – остановила спорщиц Аня.

– Вообще-то говоря, безумцы обладают огромным диапазоном страстей, у них наблюдаются поразительные проявления ума, но только в узком диапазоне знаний. Они интересны... нормальным людям. Гении меняют мир. Уж поверь моему жизненному опыту. Да шучу я. Помнишь наши любимые строки о любви? «С ума схожу. Иль восхожу к высокой степени безумства», – пропела Инна и добавила с милой улыбкой:

– Аня, не заморачивайся. Лена не в счет, она – особая статья. Разница между нею и безумцами мне очевидна. Я приберегла для нее самое точное определение. Она родилась писателем, а Алла раньше не помышляла об этом, – гордо заявила Инна, словно сама имела отношение к успехам подру-

ги.

– Алла вольно или невольно взрастила в себе писателя, и что лучше, еще не известно, – заметила Лена.

– Вот тебе тема для следующей диссертации, – весело под- сказала Инна.

– Почту за честь ее разработать, – как шарик пинг-понга на ракетку, шутя, приняла предложение Лена и тем самым «отбила» желание Инны поспорить. – Первая книга Аллы выдержала четыре издания. Но спрос так и не перекрыла. Она мгновенно исчезала с прилавков книжных магазинов. На долю Аллы в независимости от ее желания выпало искупаться в лучах газетной и телевизионной славы. Я думаю, эта ее книга пополнит сокровищницу мировой литературы.

– Читала. С первых страниц пробирает сердце и берedit мозги. Невозможно оторваться. Возносит над повседневной жизнью. Будто в другое измерение попадаешь, – выразила свое впечатление Аня, явно примкнув к мнению Лены.

– И ты до сих пор оттуда не можешь вернуться? – не со зла, скорее по привычке поддела ее Инна.

– Путешествие по ее книге – как обновление восприятия жизни, – продолжила свою мысль Аня. – Есть в ней композиционная, ситуационная и смысловая смелость, богатство эмоциональных интонаций и даже искренность поэтического языка. Своеобразно вычерчивает геометрию человеческих взаимоотношений. (Чувствуется немалый опыт изучения чужих и написания своих рецензий.) Я с интересом

знакомилась с богатой палитрой характеров ее героев. Алла состоялась как писатель. У нее, между прочим, насыщенный график встреч с читателями. Я на одной присутствовала: в малом зале для элитной публики. Слушатели, захваченные ее выступлением, ловили каждую фразу. Она не испытывает недостатка во внимании со стороны библиотек, школ и вузов. А любовь читателей нельзя симулировать.

– Черета удач! Кавалькада поклонников! Их немой восторг не имеет предела!

– Конечно, для ее книг надо созреть, вот Алла и воспитывает своих читателей, особенно школьников, готовит задел на будущее, приобщая их к умным книгам. Ее страстные речи буквально гипнотизирует слушателей. Она никогда не теряет высоты заданного накала беседы. И в интернете свою колонку ведет, потому что считает его дополнительной степенью общения. Этот форум – живое дело, затрагивающее широкий круг заинтересованных почитателей, – не моргнув глазом продолжила Аня. Тон ее рассказа был не надменный, но уверенный.

– Ну, это дело второе. А какая одна из самых важных сторон ее творчества? Новаторства и гиперреализма не разглядела? – небрежно спросила Инна, бесстрастно взирая на Аню. Но подумала о ней раздраженно: «Ох уж этот мне бескомпромиссный учительский пафос! С необыкновенно смелой прямолинейностью судит обо всем. Нахвата-лась вершков, а до корней так и не добралась. Училка, кри-

тик-самоучка».

– Второе? Как сказать... – протянула Аня.

– Алла успешно обкатала первый том, можно сказать, имела восторженный интерес к себе и бешеный успех. А другие ее книги критики обошли гробовым молчанием? На них были прохладные, кислые отзывы или вообще случились тихие провалы? Что-то я не слышала, чтобы падкие на сенсации газетенки (?) раздували пожар ее тщеславия. И еще одна проблема частенько возникает. Читатель в следующей книге ищет что-то понравившееся в предыдущей, как бы ее продолжение, а Алла им предлагает совсем другое, новое. Им приходится перенастраиваться.

– Так это и хорошо. На мой взгляд, следующие ее книги тоже стилистически выдержанны и интересны образованному читателю. Ты права: они сложны для понимания простого обывателя. Мне кажется – я, конечно, могу ошибаться, – если произведение не сразу стало всем понятно, то это не означает, что оно не талантливое. Может, его время не пришло. И потом, важна не только позитивная реакция читателей, негативная тоже много чего полезного в себе заключает. Андре Моруа писал: «Не бойтесь быть непонятыми». Мое предположение, правда, не относится к книгам для детей, – уточнила Аня. – Сложное произведение постепенно затягивает читателя. Достоевского я тоже долго училась читать.

– Зачем? – насмешливо спросила Инна.

– Чтобы понять. И теперь я вижу, что он слишком резо-

нирует с современностью. Иуды и Раскольниковы не перевелись. Тема преступления и наказания особенно злободневна в нынешние времена. И Чайковского я не скоро полюбила. Лишь когда почувствовала, что его музыка озарена светом небес, когда доросла до понимания.

– Пушкин тоже не скоро дошел до нашего национального сознания, – сказала Жанна, чтобы хоть чем-то поучаствовать в разговоре.

Оказывается, она не спала и с закрытыми глазами внимательно слушала беседу подруг.

– Алла очень осторожная и не любит заранее говорить о своих книгах, пока не убедится в их одобрении в соответствующих кругах. Она не спешит распахивать душу журналистам, которые работают на «массы». И на этот раз она не станет грешить против своих правил, – сказала Аня и покраснела, сконфуженная серьезным тоном своей речи.

– Породу ничем не испортишь. Фрукт всегда будет аристократом, а овощ – простолюдином, – беззлобно проехала Жанна на счет именитой сокурсницы. – И ты не устояла перед ее авторитетом.

– Мы по телефону иногда спорим с Аллой, но наши диспуты касаются исключительно особенностей и тонкостей литературного языка, – сказала Лена, желая своим замечанием закончить затянувшееся обсуждение. Но Аня «не просекла» намерения Лены и продолжила озвучивать свое мнение:

– В моем понимании, язык – орудие чести и гуманно-

сти. Его надо применять так, словно находишься под присягой верности своей стране, своей культуре и уважения к людям...

Инна не замедлила воспользоваться ее заминкой.

– У Аллы есть очень длинные рассказы. Они... как жвачка, – сделав выразительную паузу, заметила она. – Чуть-чуть перефразирую Уинстона Черчилля: «Оратор должен исчерпать тему, но не терпение слушателей».

– Длинные они, потому что обстоятельные. Каждый рассказ подробно муссирует одну тему. Как ее разорвешь на куски? Когда текст «провисает», Алла укрепляет и оживляет его включением вкраплений, отвлечений от основной мысли. Но этого недостаточно, поэтому композиционно рассказы она составляет из суммы отдельных микрорассуждений, иногда даже из маленьких новеллок, разграниченных паузами. Она как бы делит произведение на множество фрагментов, несущих определенную символично заостренную мысль, что не дает читателю утомляться. Дробление связано еще и с тем, что произведение «населено» большим количеством героев, которые появляются и очень быстро уходят со страниц книги, оставляя назначенный им след. Это интересный художественный прием, – терпеливо объяснила Лена. – Последняя ее книга – лучшая на сегодняшний день.

– Расчленяет длинные рассказы? Сознательный прием? Экая невидаль. Я к нему прохладно отношусь. Возьми себе на вооружение, если хочешь. Ты тоже для перебивки настро-

ения читателя пишешь прелестные зарисовки. Еще у Аллы слишком много размышлений молчком, «про себя». Эти ее сплошные «она подумала»... – повторилась Инна, упорствуя в своем мнении. – Я воспринимаю их как недочеты и шероховатости. Притом она играет с логикой, а ты знаешь, к чему это может привести.

– В бессюжетном произведении, в котором мало событий, глубину характера человека трудно высветить без внутренних монологов. Ты неверно истолковываешь... – начала было доказывать Лена.

– Длинные рассказы? Я, например, люблю ее пространные рассуждения. Вся прелесть в том, что в них интересно докапываться до сути. Они вызывают желание узнавать, осмысливать, чувствовать, как автор ведет тебя к намеченной цели. Алла в разных техниках работает, – опять вторглась в беседу подруг Аня. – Читаешь такие книги и уважаешь себя. Я где-то слышала – наверное, по телевизору, – что поэт может достичь своей цели, а философ – никогда. Но я думаю, это смотря какие цели он себе ставит.

– «То, что птица умеет летать, видно уже по тому, как она ходит». Аллу либо не понимают, либо восхищаются ею. Читая, воображаешь себя умной? Тебя на туфте не проведешь, – съязвила Инна.

Но Аня восприняла ее слова как комплимент и опущенные уголки ее губ, чуть дрогнув, на миг качнулись вверх.

– Алла активно вовлекает читателей в процесс познания

того, что казалось бы за гранью понимания.

– Глубоко не вникай в себя. Вдруг обнаружишь там посредственность, – добавила издевки Инна.

Аня, растеряно помолчав, неожиданно нашлась:

– Вздрючиваешь всех? Чуть что не по тебе – вмиг шашки наголо. А мне наплевать на твои наезды. Прячешься за маску шутихи?

Но Инна продолжила напористо цепляться:

– Я неудачно к тебе апеллировала? Мне выбрать другую кандидатуру? Но ты меня устраиваешь. Тебе же было бы лучше, если бы писатели всё разжевали и в рот положили. Сама-то ты не скоро «въезжаешь».

Проглотив обиду, Аня неожиданно азартно возразила:

– А тебе так не надо? Можно подумать, тебе всё быстро удастся обмозговать самой. А почему тогда встречаешь книги Аллы в штыки? Откуда у тебя высокомерный подход к простым читателям? Я подозреваю, что из вредности всем и даже себе противоречишь.

– Противоречия, знаешь ли, иногда объясняют друг друга, а не противоречат, – усмехнулась Инна.

– Я в свое оправдание так скажу: книги Аллы имеют разные степени доступности. Каждый читатель в них находит свой уровень.

– А ты останавливаешься на первом?

– Знаю, но не проболтаюсь, – старой шуткой отмахнулась от обидчицы Аня.

«Мало, кто способен признаться, что не понимает книг Аллы. А грубить-то, зачем без особого повода? – удивилась Лена и сжала плечо подруги. – Устали девчонки. По малейшему поводу взрываются».

– Ты считаешь, что для простого народа в любом произведении обязательно должно присутствовать чуть-чуть пошлости и безвкусицы? – достаточно крепко щипнула Жана Инну, припомнив Ленин укол на эту же тему.

– У Аллы?! Не приписывай! – Инна буквально задохнулась от возмущения.

«Совсем юмора не понимает», – разозлилась она, прекрасно сознавая, что в их с Аней разговоре юмором и не пахнет.

Не удостоив Жану дальнейшим объяснением, Инна отвернулась.

Аня вдруг заявила:

– Читаю книги Аллы и чувствую, что писал их счастливый человек, чего не скажешь о Ритиных.

– Ритины – оптимистичные. И это по нынешней жизни уже хорошо, – заметила Жанна.

«Спорщикам интересно мнение друг друга об Аллиных книгах, поэтому они поддерживают беседу. Похоже, разговор затянется надолго. Сначала по Ритиной прозе круги нарезали, теперь по Аллиной стали проезжаться, потом за меня возьмутся. Если только сообразят, как подступиться», – поняла Лена и посмеялась над собой с привычной для Инны

иронией: «Путь художника – всегда голгофа. Ленка, готова терпеть».

* * *

– Премии у Аллы есть, избалована наградами? – Это Жанна спросила. Поменяла предмет разговора.

– По всем признакам она вот-вот должна получить. Разве что...

Инна не дала Лене договорить:

– Ой, помолчи, а то напророчишь... Раньше в литературе автор сам не оценивал своего героя, отдавал на суд читателя. Но Алла...

– Писатель это делает в случае, если персонаж не обнаруживает в себе чего-то или намеренно не хочет этого подмечать, как бы замалчивает. «Я думаю» применяется авторами, чтобы глубже высветить понимание действующим лицом себя и поведения других героев. Обычный метод. Как говорится: альфа и омега писательства. Подобных приемов много. Нельзя одним ключом открыть все сердца. И потом, Инна, – если уж ты взялась сравнивать, – у каждой из нас свои преданные читатели и почитатели. Вкусы у всех разные.

– Но все вы влияете на массовое сознание, манипулируете подсознанием людей, совершаете «проникновения со взломом» в души своих читателей. Писатели – особая категория людей, – сказала Инна.

– Каждому писателю хочется, чтобы читатели пропитывались его мыслями и чаяниями. А манипуляцией в большей степени занимаются артисты и прикормленные журналисты. Ты же не хуже меня знаешь, что есть кратковременные события, и эти интересы момента отражают СМИ. А глубинными, долговременными проблемами, касающимися всего народа, занимаются политики и писатели, – заметила Жанна. – Писатель, делая на чём-то акцент, положительно влияет на читателя, как, допустим, хорошая музыка. Но она тоже разная. По аналогии получается что-то типа того: у Аллы классическая литература, а у Лены и Риты – популярная. Они как бы полярные.

– Мои с Аллой миры пересекаются, но мы расходимся в подходе к материалу. Для меня главное – человек и сочувствие к нему. И принимая во внимание тот факт, что...

– И в основе – принцип недопустимости насилия? – снова прервала Лену Инна.

– У Аллы более высокие цели. Она во главу угла ставит мысль как философское понятие. Это совсем иная, во многом непознанная планета. Там другие меры глубины познания мира человека, иные пути и способы постижения действительности. Трудно найти соответствие ее таланту. Она не опускается до мелочей. Вот тебе пример. Поэт сказал: «Движение – это мука материи». А философ? «Движение – это форма существования материи». И у того, и у другого присутствует озарение ума, но у первого оно из области

чувств, у второго – логическое, научное. Иногда они смыкаются, синтезируются. Может, поэтому Алла, как никто другой, чувствует ту грань, на которую поставлена та или иная человеческая судьба. Она развивает не фабулу, а мысли. Поняла? Прониклась? Не погрешу против истины, если сообщу, что редко кому удастся стать выразителем чаяний всего народа. Я тебе больше скажу: Алла, наверное, не станет голосом нового поколения, но внесет существенный вклад в развитие философии и теории литературы. Тебя устраивает мое объяснение и мой вывод?

Мы с Аллой и пишем по-разному. Я – пока чувства не остыли, а она ждет, пока эмоции улягутся. Но обе мы любим или ненавидим то, о чем сообщаем читателям.

– Какого калибра Человек! Мне сложно жить рядом с титаном мысли, создающим нетленные, ни на что не похожие вещи, те, что не с конвейера, в репертуаре которого доминируют философские шедевры! Как бы мне ненароком своей болтовней не осквернить ее ауры. Не около каждого человека могут произрастать и буйно распускаться прекрасные цветы. По нашим деревенским меркам, я как анклав феодализма среди умов-небоскребов капитализма, – шутливо-патетически отозвалась Инна. – Алла счастливая. На ней лежит божья благодать? С детства отец внушал ей, что она самая красивая и бешено талантливая. Она чувствовала себя защищенной. Наверное, всю жизнь держалась памятью своего детства. Это о ней с уважением говорили: «Девочка из Ле-

нинграда!» Счастливое детство – это подарок судьбы. Детство, проведенное у Христа за пазухой, определяет основной вектор и выстраивает дальнейшую жизнь. А мы были многого лишены. Нам приходилось перебарывать комплексы, возвращенные детством. Я – бравадой, а ты, Ленка, – упорным трудом доказывала свое первенство или превосходство. Я не считаю, что наше детство благотворно сказалось на нашей жизни. И хотя, безусловно, кое-какие уроки мы из него извлекли, я бы никому не пожелала его повторения. Правда, кое у кого судьбы были на порядок хуже наших... и тогда они оказывались ставкой ценой в жизнь. Разве те дети того заслуживали?

Аллина судьба продолжится и после смерти. А мое «будущее» под сомнением. Ты, Ленка, с Аллой одной группы крови, мудра при всей своей наивности и детскости, но и твое будущее, которое... за гранью, тоже под большим вопросом. Ты не допускаешь, что...

– Звучит умопомрачительно устрашающе. Это твой новый, нерасхожий репертуар немислимой глубины, необъятности и трудности восприятия? – усмехнулась Лена. – Если, как ты считаешь, Алле рукой подать до бессмертия, то растолкуй, где и когда будет происходить самое важное для нас с тобой?

– Вот так! И никакой тебе двусмысленности, неясности, и никаких затравленных, отчаянных выражений глаз, без которых не обходится ни одно обсуждение этой темы? Од-

на лишь мягкая ненавязчивая манера держаться среди друзей?! – как-то странно рассмеялась Жанна.

Инна с Леной переглянулись и не стали продолжать свой разговор.

– ...Вижу, Лена, не расточаешь пустую хвалу «собрату» по перу. Я прикинула, и сочла твоё нетривиальное объяснение творчества Аллы лучше моего собственного. Оно мне импонирует. Но и своё мнение я не забракую, оно сойдет за милую душу в кругу не очень... интеллектуальных слушателей, под тем предлогом, что философия не всем по зубам... по мозгам, – весело завершила Инна одну свою мысль и преподнесла следующую:

– Лена, просвети меня, по чьему совету Алла занялась философской стороной вечных проблем человечества, а не мироздания? Она случайно наткнулась на идею, на свидетельства современников, копаясь в архивах своей безграничной памяти? Всевышний надоумил? Может, в этом просматривается твоё личное присутствие или твоё опосредованное влияние? Сознавайся: с твоей подачи, при твоём содействии? Почему бы и нет? Алле оставалось только подобраться к теме, прорости в нее. Но одолевали сомнения: чтобы иметь право о ней говорить, надо получить какие-то скрепы. А тут ты... Я не в упрек тебе. Напротив. Ты подтверждаешь бездонную глубину ее мыслей и веришь в нее, а это уже много.

– То была свободная воля сильного, знающего себе цену

человека... Так перед этим была еще не тема, а только подводка к ней, прелюдия? Не затевай, пожалуйста, нового спора, я его не переживу. Ну что ты привязалась к Алле?! Зря стараешься. Мы с ней не соперницы, не конкуренты.

Лена начала выходить из себя. «От скуки вяло перекидываемся ничего не значащими фразами. Инна, как же я сегодня от тебя устала! Бывает сердечная недостаточность, эмоциональная, а случается и умственная. Вот так иногда терпишь, терпишь... Я позволяю себе злиться?» – одернула она себя.

Но Инна не оставила своих рассуждений.

– Ты считаешь, Аллины шедевры надо сохранить для отечественной и даже мировой культуры? Она попала в топ или шорт-лист? Ты знаешь, призеры «Большой книги» автоматом переводятся на двадцать-тридцать языков! Вот это триумф!

– Этому должно предшествовать хорошее информационное сопровождение. Может, ей важнее получать призы читательских симпатий.

«Ну, если дальше не пускают... Любовь и признание – это орден и медаль?» – пренебрежительно фыркнула внутри себя Инна.

– А ты, у меня нет сомнений, попадешь в высшую лигу. Твои книги еще совершат полный оборот вокруг земного шара с остановками на всех континентах, во многих странах. И за столетия они ни на йоту не потеряют своей притягатель-

ной силы. Париж и Лондон тебя еще не ангажировали? (Вот болтушка!)

– Кругосветное путешествие? А может, и в параллельный мир?

– «Если не мечтаешь, что твои книги прочитают миллионы, не садись писать», – заявила Инна.

– Фантазерка! Попаду, если только ты станешь председателем комиссии по... – Лена умышленно не договорила. В ее улыбке промелькнула легкая вежливая насмешка. – Или хотя бы окажешься в числе тех ста специалистов самого высокого класса... Пошутила и хватит. Не будем касаться этого вопроса.

– Меня нелегко сокрушить. Алла – культурное событие в истории нашей страны? – сделала попытку отвоевать утерянную позицию Инна, но, зная, что перед ней достойный противник, поняла ее бесполезность и замолчала.

– А в моей теме академизм не очень уместен, – ушла от вопроса Лена, – хотя я этого не могу однозначно утверждать, нет внутренней уверенности. У меня много скепсиса по поводу собственных способностей, знаний и возможностей. Смогу ли понять тему иначе, развить интересней, насытить чем-то, чего нет у других авторов, чтобы не обмануть ожиданий читателей? И это при том, что мои литературные предпочтения сложились еще в детстве.

– У тебя есть творческая жилка, но ты человек вдохновенной... неуверенности и неудовлетворенности. Ты само-

едка. «И мнится мне...» Не прибедняйся. Знаешь ведь, что достойна похвалы, что особенная. В тебе есть больше, чем требуется этому миру... Ты грешным делом не кокетничаешь? – Инна скорчила удивленную рожицу. – Шучу, шучу. Не пыли.

– Жванецкого все равно не перешутишь. Такова твоя «трактовка моего образа»? Диагноз окончательный и пересмотру не подлежит? – усмехнулась Лена.

– Нет, – с кротким достоинством ответила Инна.

Аня обратилась к Лене:

– Вот у тебя каждая следующая книга лучше предыдущей, а у моего знакомого наоборот. Его последние рассказы, как конвульсии предсмертной агонии. Он исписался? Был взлет творчества и сошел на нет? Но ты же знаешь, если писатель один раз понравился читателям, – особенно если он устанавливал связь между видимым и невидимым, но ощущаемым, между людьми и их чувствами, жизнью и смертью, – то он оказывается в вечном долгу перед ними. Они ждут от него еще более интересных произведений.

– Самое страшное для писателя – потеря вдохновения. С возрастом, когда душа неуклонно остывает и угасает, уже может не возникать яркого вдохновения. Исчерпывается ресурс памяти и воображения. Так бывает, – посочувствовала Лена неизвестному ей автору. – Только иногда одной книгой или одной песней имя автора остается в веках.

– «Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять...» Тютчев был гений... Всевышний, спаси нас от клеветы, от озлоблений, – задумчиво себе под нос непонятно к чему пробормотала Инна. – Тебя писателем сделало детдомовское детство, ты в нем как сквозь асфальт проросла. Кто-то из великих грустно пошутил, что залог творческой гениальности – несчастливое детство.

– Если есть чему прорасти, – добавила она хмуро.

– Каким бы ни было детство – оно все равно детство. В детдоме я обрела жажду жизни, стремление бороться и достигать, – не согласилась Жанна.

– А Риту пробудила к творчеству ее неудавшаяся семейная жизнь? Она создает романы из своего разбитого сердца, чтобы оно не уставало от боли? – спросила Аня. – Я слышала, как она говорила на одной из наших субботних встреч: «Хороший человек радовался бы, что я быстро восстановилась после болезни и смогла вернуться к творчеству, а муж бесился».

– Насчет творчества не знаю, но думаю, что Стаса статус мужа знаменитости не устроил, вот они и разбежались, – вклинила в разговор свое замечание Жанна.

– Это только одна из причин. Кто-то из друзей дал ему почитать одну Ритину книгу. Так его не интересовало, сколько души и боли она вложила в свои строки, какова была высота накала ее горьких чувств, ни слова, которыми она их выражала. Не волновала и психологическая глубина произведе-

дения бывшей жены. Беспокоило одно: не написала ли Рита о нем что-то очень уж плохое. Не назвала ли она имени, по которому знакомые могли бы узнать, каким на самом деле гадким был он в своей семье, – сказала Инна. (И все-то она знает!) – А Рита в этой книге выложила всю свою ненависть к пошлости. Она говорила бывшему мужу: «В награду за все беды Бог послал мне творчество».

– Талант не у всех и не сразу открывается. Иногда что-то должно послужить толчком к его выявлению. И потом, мало родиться писателем, надо умудриться им стать, – задумчиво сказала Аня. – А что Аллу подвигло на литературное творчество? Что стало его побудительной причиной?

– Думаю, что сначала всё-таки утрата любимого человека, а уж потом желание выразить себя как-то иначе. Я, например, после первой болезни в произведениях стала откровеннее и жестче. Хотя казалось бы должно быть наоборот. Во мне как бы открылось иное, глубинное понимание событий, может даже осознание другого предназначения. И я стала писать о взрослых, – сказала Лена.

– Ты вскоре после детской серии запустила взрослый цикл или был долгий перерыв? – спросила Жанна.

– Написала книги начерно быстро, но длительная отсрочка в их издании случилась из-за другой болезни. Организм после химий никак не приходил в норму, память не восстанавливалась.

– Ты пишешь, чтобы разбудить в людях светлые чувства,

хочешь словом преобразить человека, чтобы он задумался о главном: для чего живет? Это важное, прочное дело жизни. – Аня как бы по-своему продолжила предыдущую Ленину мысль.

– Какие лакуны еще собираешься нам открыть, что разоблачить? – ухмыльнулась Инна на Анино замечание.

– Выступая от имени своей боли, вы с Ритой конвертируете в свои произведения серьезный эскорт собственных бед и печалей. Не от хорошей жизни вы сделались писателями, – вздохнула Аня.

– Грустными писателями, – уточнила Инна. – Вы в своих книгах то плачете на груди этого препаршивого и препаскудного мира, то смеетесь ему в глаза.

– Экстравагантно выражаешься, – одобрительно улыбнулась Лена.

Аня вдруг подумала: «Улыбка у Лены красивая, открытая, честная, а у Жанны какая-то хитренькая, будто исподтишка. Надеюсь, я ошибаюсь».

– Ваша жизнь не способствовала воспеванию искрящихся восторгов и трогательных радостей. В основе таланта многих писателей лежит какая-то трагедия. А вот в поэзии, как правило, всё начинается с восторгов любви. Поэту нужен постоянный приток свежей крови – состояние влюбленности, – чтобы его эрогенные зоны... мозги... не остывали, – фыркнула Инна, как раздосадованный чем-то котенок.

– Без сомнения, личные драмы влияют на обострение вос-

приятия, но жизненные ситуации – только повод, а причина писательства лежит много глубже, – сказала Лена очень серьезно.

– Всех вас роднит понимание того, что настоящие писатели – люди с оголенными нервами, но проблемы вы затрагиваете разные, и раскрываете их согласно своим взглядам, предпочтениям и таланту. Формирует писателя Родина. Она – важнейшая пространственная, историческая и нравственная скрепа духа. Но для писателя в первую голову важен его язык, а потом уже место рождения и проживания. В нашем языке такое богатство оттенков и смыслов, что не любить его невозможно! – неожиданно восторженно закончила Аня.

«Шпарит, как по написанному... в учебнике. Вызубрила. Я на политинформации? А если писатель в эмиграции и пишет на чужом языке?», – подумала Инна, но диспут не стала устраивать, только спросила намеренно простовато улыбувшись:

– А тебя какой толчок или случай привел к тому, кто ты есть сейчас? В чем фишка? Не пыталась изменить род занятий или глубоко вросла, укоренилась?

– Ты об учительстве? Конечно, учась в университете, я не видела себя в этой роли. Я уже рассказывала о начальнике цеха. У нас же неофициально принято руководителями извлекать доход из своей должности и получать некоторые другие привилегии... Я давно заметила, что те, которые оказываются профессионально непригодными, наиболее рьяно

рвутся командовать.

– Такова наша ментальность. Мы сами делегируем власть какому-то человеку, а потом пресмыкаемся перед ним, – теперь уже как рассерженная кошка фыркнула Инна.

– Нет, это наши чиновники ставят нас на колени. А если мы пытаемся возражать, они изгоняют нас.

– А скажешь правду, то потом долго будешь сидеть на скамейке запасных в ожидании следующего шага в карьере. И можешь не дожидаться.

– Я с первой попытки начальника приставать поняла, с кем имею дело. Вот и сказала: «Нормальный мужчина получает удовольствие с женщиной по любви, по согласию. А вы от насилия? Значит, вы маньяк. Думать надо, прежде чем что-то делать. До чего же вы, мужчины, бываете глупые!» И ушла с завода. Нельзя работать там, где тебя притесняют и унижают. Одна дверь закрылась, другая откроется. Я перераспределилась в школу. И должна признаться: как ни странно, быстро почувствовала себя на месте.

Все равно бы тот тип житья не дал. Опустил бы на дно, и никто бы не вступился. Только опозорилась бы. В таких делах никто, кроме себя и судьбы, не мог мне помочь. Но я на судьбу никогда не полагалась. Сногшибательная история? Обыкновенная. Наверное, мне это нужно было пройти, чтобы кое-что понять и в жизни, и в себе, из какого я теста. Громко сказано? Трудно решение далось, до сих пор в сердце болью отзывается это травмирующее воспоминание,

но другого выхода я не видела. Да, струсилa. Я в себе это не люблю. Это не то, чем можно гордиться. Всю жизнь борюсь с проклятым недостатком. Конечно, мне рисовалась совсем другая судьба, не та, которую я прожила. Это ты у нас всегда в первых рядах, – с плохо скрываемым раздражением ответила Аня Инне, медленно встала и, ни на кого не глядя, пошла в кухню. Ее поташнивало при одном только воспоминании о давно пережитом.

Наступила неловкая пауза.

«Как неожиданно неприятно Инна закольцевала писательскую тему», – удивилась Лена, но вслух без Ани комментировать ситуацию не стала.

5

Долго молчать Инна не могла, потому-то задумчиво, словно только для себя, продолжила размышлять вслух.

– Мне кажется, у Риты действие в книгах происходит, словно на вращающемся круге. Возникают истории о тех или других героях, сюжетные линии которых то растягиваются, то закручиваются, то сталкиваются как льдины во время ледохода и ломаются. Потом перетекающие образы снова являются в новом качестве, но как бы усиливаются. Местами этот процесс слишком длительный. И вдруг переход от одной сцены к другой напоминает бег кинокадров, и тогда мне представляется, что композиционно ее романы рыхлые, нервные.

Но что самое главное: ее действующие лица чаще всего оказываются сильнее и интересней обстоятельств. Не слишком ли оптимистично? И тут же рядом смерть – естественная пропасть у нас под ногами. Хотя, не стоит в нее торопиться. А для меня любимые книги – сладкая попытка вернуться в счастливые мгновения, – мечтательно окончила свой путанный монолог Инна.

Ответом ей было сонное молчание. Оно затягивалось, не суля, впрочем, ни трагической развязки, ни печальных последствий.

Инна сидела на матрасе, подобрала под себя ноги, и ритмично раскачивалась, как китайский болванчик, словно мо-

нотонностью движений пыталась привести свой организм или мысли в упорядоченное состояние. Иногда она на короткое время задумчиво замирала, затем снова уподоблялась маятнику. Жанна обратила внимание на Инну, когда та находилась в статическом состоянии. Она вдруг подумала завистливо: «Каждая ее поза как монумент, изваяние, как произведение искусства. Затмевает творения Родена. Еще бы, с ее-то безукоризненными формами, журнальными нарядами и шикарным нижним бельем!»

Жанна замурлыкала по-кошачьи и, умильно улыбнувшись, попросила:

– Инна, накинь на плечи хотя бы простынку. Мне холодно на тебя смотреть.

Но та, как и подобает скульптуре, не услышала просьбы.

* * *

– Ох, и сконструирую я сейчас тебе, Лена, вопрос – всем вопросам вопрос! Не кажутся ли тебе сумбурными некоторые Ритины романы последнего периода? Будто что-то нарушает их целостность. Это когда она рассматривает критические случаи из жизни своих героев, те, что на грани фола, когда пишет о судьбах людей, обладающих дикими страстями, буквально сумасшествием, будь то к деньгам или к сексу. Какой-то натуралистический абсурд, галлюциногенный реализм. Иногда ее глубинная исповедальность обнажает героев

так, словно кожу с них сдирает. А то вдруг возникает некоторая непонятная, казалось бы, не к месту, условность, отстраненность. Раздвоенность какая-то. Выставляет себя на показ, хотя душа ее по-прежнему жаждет укрытия. Не так ли? Я хочу прояснить некоторые моменты. Нет, я понимаю. Идти надо от себя, но... как можно дальше.

Иннины слова выдавали не только ее осведомленность в затронутой теме, но и жесткость мнений.

– Хорошая книга – это исповедь писателя, а если и его героев, то, опять-таки, пропущенная через сердце автора, – высказала свое мнение Жанна как что-то новое и особенное. – Русская проза, даже мужская, всегда исповедальная и эмоциональная. Для нас важна не сама правда, а ее ощущение.

– У тебя подержанная, устаревшая модель представлений, – усмехнулась Инна.

– Книга считается хорошей, если она дает ответы на запросы общества и вопросы читателей, – простенько отреагировала Аня.

– Так вот что касается степени искренности и погружения в тайну человеческой души... Тут писатель всегда должен сам себе ставить вопросы: «Этичны ли его откровения? Имеет ли он право глубоко влезать в чужую жизнь? Держится ли он в берегах?» – озадачила подруг своими вопросами Инна.

– Так ведь автор не конкретного человека описывает. Суммирует, обобщает, – заметила Аня.

– И все же существуют табу.

– Если ты о Рите, то у нее безошибочное моральное чутье, так сказать, нравственный слух, тонкое понимание меры и собственная естественная выразительность, являющаяся знаком ее индивидуальности. Я всю ее перечитала, – завила Аня.

– Ты же у нас читатель-динозавр! Всё способна проглотить, – засмеялась Инна.

– Троглодит, – уточнила Жанна.

– Смею тебя заверить: задают себе писатели формат, берега, за которые не стоит выходить. Хочешь изучить писательскую кухню? Похвально. Займись этим с Леной. Писатели и с нас, и с себя кожу сдирают, особенно когда пиковые моменты описывают. И мы льем очистительные слезы, – добавила Аня прочувствованно.

– В этом и заключается Ритино дарование? – подала голос Жанна, на этот раз как-то особенно робко напомнив о себе из-за спины Ани. Видно, неглубокая осведомленность в литературном творчестве подруг сильно ее принижала.

– У Риты незабываемые, обезоруживающе честные образы. Поле ее деятельности – человек. Она интересуется людьми с пограничными состояниями психики, с температурой много выше, чем тридцать шесть и шесть, но без патологий и крайностей, – внесла ясность Аня. – Норма ей скучна. Некоторые легкие искажения в личностях позволяют глубже проникать в человеческую психику, лучше понимать ее взаимоотношения с обществом. Именно поэтому Ритины пер-

сонажи иногда несколько переходят за грань, преступают общественные, моральные и этические нормы. Достоевскому это в упрек не ставится.

– Сравнила! Но раз тема имеет место быть, ее надо поднимать и разрабатывать. Она неисчерпаемая и никогда не надоедает, – великодушно согласилась Жанна.

– Ты тоже как Аня понимаешь Риту? – источая холодное безразличие, слегка удивилась Инна. – Раньше искусство тонко, но остро выступало против серости, боролось за светлое, высокое, чтобы новое и прекрасное пробивалось сквозь грязь и порок, оно воспитывало, а современная литература стремится удивить, потрясти негативом, в крайнем случае развлечь.

– Но только не Рита, – морщась как при зубной боли возразила Аня.

– Против чего она выступает? – спросила Жанна, не понимая сути спора подруг.

– Почему обязательно надо выступать против чего-то? – простодушно удивилась Аня. – А если за доброту, за уважение человеческого достоинства?

– И это в обществе, где существует дефицит совести и раскаяния? Ха! Она хочет, чтобы злые стали добрыми, глупые – умными, наглые – воспитанными? Конечно, в шестидесятые, в оттепель, опьяненную несбыточными мечтами, и даже перед перестройкой совести в нашем обществе было больше. Воздух был насыщен душевным кислородом. Большинство

людей нашего поколения вспоминают советское время, как самый счастливый период своей жизни. Мой личный поклон тем прекрасным годам! Но теперь, когда романтический период закончился... Прошу прощения, но марксистско-ленинский идеализм ушел в прошлое, изжил себя. И что осталось? Души исполненный полет? Маниловщина? Память невероятного воодушевления прошлых лет? Хочешь телепортироваться назад? – воспротивилась Аниному мнению Инна. – Хотя, зачем Маркса ругать? Он правильно преподносил теорию капитализма.

– В трудные нестабильные времена людям тем более важны уважение и доброта. Культура – эмоциональный опыт человечества, он существует для сохранения чистоты внутреннего мира человека. А книги – единое культурное поле для всей страны. Позитивные произведения помогали людям выжить в войну... Или, допустим, подросток не знает, как вписаться в новый коллектив, как пережить свою боль и обиду. Он мечется, потому что ждет сопереживания, сам его не имея к другим... А читая, он вникает в чужие проблемы и тем самым развивает свои чувства и умение управлять ими. Он воспитывается. Я верю в силу слова. Меня книги подняли с колен, – гнежливо зачастила Аня. – Вот почему, например, не злой, не подлый человек поступает плохо? Что выводит его на такое проявление себя? Он конформист и тем вреден? Алеша Карамазов был добрый, но тоже мог бы стать террористом, потому что трагический идеалист.

– Не думаю. Хотя в юные годы мы часто не понимаем, почему волнует то или иное событие, как его оценить, вот и склоняешься то к одному, то к другому течению, ищешь себя. Это теперь каждый из нас – дока, – сказала Жанна. – И все равно у всех свое прочтение одного и того же произведения, потому что мы резонируем на разное и по-разному.

– Рита открыта к различным толкованиям своих книг, она не одержима гордыней и готова к диалогу.

Собственно, любой человек рано или поздно обнаруживает существование зла в мире. Важно, каким он выйдет из этого испытания, – задумчиво проговорила Аня, думая уже о чем-то другом. Наверное, она вспомнила своих подопечных детдомовских ребятишек. – Вот скажите мне, пожалуйста, почему сейчас российское общество не интересно само себе, почему оно по-настоящему не вникает в проблемы семьи? Надо оздоравливать обстановку в стране и в семьях. Больше с экрана телевизора говорить о любви и дружбе, объединять людей на почве музыки, спорта, культуры, а плохое и жестокое как бы отрезать.

– Некогда, других забот хватает, – ответила Инна.

– Соблазн простых объяснений слишком силен, – серьезно заметила Лена.

– А чему самому главному учишь ты? – спросила Инна.

– Быть людьми, отвечать за свои поступки. Открывать тайну человека, максимально глубоко постигая его сложную душу. И поставить это понимание как главную задачу жизни;

еще помочь каждому сформулировать эту цель для себя. А то ведь всяк проживает жизнь, как хочет, а не как может.

– Слова, произносимые тобой, не исчерпывают сути человека, тут еще Слово Христово требуется. Христос – мера всего сущего на земле. Без веры в бессмертную душу человека жизнь невозможна, она бессмысленна, – сказала Жанна. – С ним ты была бы совсем другим писателем.

– Кончай агитировать. Христос у тебя всюду, как к бочке затычка. Даже религиозный Бунин зло упрекал Достоевского, за то, что тот совал Христа во все свои бульварные романы. А ты надеешься на перерождение убеждений Лены? – удивилась Инна.

– Меня непросто обидеть, – забурчала Жанна и спрятала голову под подушку.

– Меня особенно беспокоят так называемые отцы, которые не понимают, что время, с пользой проведенное с детьми – не возобновляемая, не восполняемая валюта. Сколько раз я слышала проповеди спохватившихся отцов своим великовозрастным сыновьям в милиции или в судах, когда работала общественным заседателем! «А о чем вы, папаши, думали пятнадцать лет назад, когда уперто часами по вечерам сидели с пивом у телевизоров, а по выходным пропадали с друзьями в гаражах? Чем соблазняла, куда вовлекала и уводила ваших детей улица, пока мать занималась домашними делами?» – раздраженно думала я. Нет ничего важнее воспитания подрастающего поколения, – пылко провозгласила Аня,

почувствовав поддержку Лены.

Последовало молчание. Женщины понимали справедливость Аниного тезиса, но не хотели ночью окунаться в столь трудную и многоплановую тему.

А Лена подумала с уважением: «Аня, не рожала своих детей, но имеет их неизмеримо больше, чем любая из нас».

* * *

– У Риты в последнем романе есть много моментов, не двигающих сюжет, – высокомерно заявила Инна.

– Но объясняющих суть событий. В литературе сюжет – атрибут далеко не обязательный. Как же без завлекательной «морковки»? А вот так! Хорошо Рита пишет. Каждая ее книга – проба новой манеры письма. Каждая ее фраза тщательно продумана и выверена. Рита видит то, что не замечают другие, находящиеся рядом. Вот, допустим, пишет она об ужасном человеке и тем самым напоминает нам, что и мы далеко не идеальны, что и в нас есть доля чего-то плохого, от которого мы должны избавляться. Это же и тебе приговор, и мне, и другим, считающим себя хорошими, – горячо защитила Риту Аня.

– Рита обомлела бы, узнав, как ты горой за нее стоишь, – рассмеялась Инна.

– А я думала, что антиподы автору нужны, чтобы повысить приподнять своего главного героя. Так нас в школе учили, –

сказала Жанна.

– Не только для этого. Но меня сюжеты книг мало волнуют. Как обворожительны Ритины короткие строки! Они как вдох и выдох! Они возникают не из событий и явлений, а из атмосферы, из ощущений и наполняют текст более пронзительным смыслом, позволяя читателю добраться до глубин души героя, а значит и собственной, – отвлекаясь от воспитательного аспекта Ритиной прозы, восхитилась Аня.

– А мне нравится, как Рита интригует читателю, намеренно не расставляя имена беседующих персонажей, чтобы дать возможность ему самому догадаться, кто из действующих лиц высказывает ту или иную мысль и какой позиции он придерживается, – дополнила Инна Анины восторги своим положительным мнением.

– О грустных событиях Рита пишет ради пользы, чтобы кое-кому из читателей прочистить мозги? – спросила Жанна тоном человека, не очень заинтересованного в ответе.

Но Аня ответила в силу того, что привыкла не игнорировать любые вопросы своих подопечных.

– Может быть. Не отрывать же людей от реальной жизни, тем более, что она очень верно воссоздает обстановку событий, у нее точное ощущение стихии описываемого времени. Она не упускает и пикантные, тонкие, изящные подробности. Допустим, что считалось тогда просто красивым, а что – кокетством. Что было тогда модно? Без них узоры судеб героев не выглядели бы такими выпуклыми и наглядными.

Эти «мелочи» отсылают читателя в другую эпоху и делают ее зримее. Может, еще именно поэтому ее произведения не просто тревожат и волнуют, они царапают душу.

– Проза бывает военная, деревенская. А у Риты она бытовая, в которой радость и грусть перемешаны как в жизни?

– Нет бытовой, есть нравственная проза: тонкое, деликатное и глубокое внимание к душе человека. Не помню, кто сказал: «Пишу не о быте, а об отсутствии бытия», – объяснила Жанне Инна.

– Как это понять? – нетерпеливо спросила Аня, пытаюсь сосредоточиться и вспомнить, что Инна уже говорила об этом. Но склероз не позволил ей удержать в памяти недавние слова из их спора.

– Бытие – это когда в быту присутствуют мысли о главном. Ну, что-то вроде того, – сказала Инна.

– Чехов выступал против пошлости. Он вынимал, и выворачивал нутро своих героев, чтобы преподнести и объяснить нам их суть, призывал к высокому и прекрасному в человеке. Но по мне он самый жестокий писатель. Он не оставлял надежды. Услышать бы его истинный голос, а не то, что о нем говорят критики, – значительно произнесла Жанна. – В своем творчестве, как я это сейчас понимаю, он умел взглянуть на обычные устоявшиеся вещи совершенно другими глазами, как бы под другим углом зрения. Находил особенное и важное в скучном, незаметном, там, где другие его не видели и не предполагали. Или, наоборот, в чем-то необычном,

казалось бы, совсем оторванном от жизни подмечал тривиальное, бытовое. Но я не вижу большой беды в том, если художник немного выходит за привычные границы. Даже бывает где-то... за пределами своего мощного воображения. И удивление жизнью очень важно для творческого человека.

– Вот поэтому я всегда жду открытий! – с энтузиазмом воскликнула Инна.

«Умничает», – ревниво подумала Жанна. Она не читала Ритиных книг и ее раздражала невозможность полноценного участия в диспуте. Потому-то и заговорила о Чехове.

– Ой, уморила. У тебя всегда были завышенные, я бы сказала, неограниченные амбиции. Ты от всех ожидаешь жажды покорения вершин? С таким же успехом ты и от меня можешь потребовать восхождения на Гималаи, – ответила на Иннины эмоции Аня.

Сказала и сама себе удивилась. Поразилась тому, что об этом не думала, а слова как бы сами вышли из ее подсознания, которое, как известно, у всякого человека всегда знает и может больше, чем он сам предполагает.

«И это наша трогательно-нелепая Аня?» – улыбнулась Лена, согретая внезапным приливом симпатии.

– Никак не меньше, – с подчеркнуто ехидной вежливостью, незамедлительно согласилась Инна.

– А ты в знак особого ко мне расположения и для подтверждения своих возможностей позволь себе тиснуть в престижный столичный журнал пару забойных повестушек с

авантюрным сюжетом. Вот и получим конкретное свидетельство твоих разнообразных, выдающихся способностей. Правку текста я тебе обеспечу. Положись на меня, есть знакомство. Сойдемся? А что, пару месяцев затворничества – и дело сделано. И прозвучат они деликатно, достойно или пикантно и импозантно, как неоднократно апробированный вариант или как... озарение инстинкта. Каждый уважающий себя человек всегда старается добавить хотя бы крупицу, малый штришок к уже имеющемуся знанию в области своей привычной деятельности или пытается предвосхитить появление в себе чего-то неожиданного. А то и вовсе забирается в ранее неизведанное, отыскивая в самом себе что-то новое, особенное.

Красиво прорисованные (в прямом смысле) брови Инны неконтролируемо поползли вверх.

– Сказать, что ты меня удивила, значит, ничего не сказать, – произнесла она медленно и не очень твердым голосом. – За что мне такая честь?

Довольная произведенным эффектом, Аня еще больше вдохновилась:

– Да, и не забудь держать второй план. Он делает произведение особенно густо наполненным, насыщенным и правдивым. Допустим, хорошо, когда в комедии проглядывает затаянная проникновенная грусть или неплохо бы усилить линию дискредитации героя тем, что он неожиданно для самого себя оказывается не в ладах с собственной совестью. Ты

готова соответствовать высшим образцам? Осилишь? Может, мои слова тебя не забирают, не трогают? С твоей точки зрения я не имею права голоса? – добавила она с неподражаемо легкой небрежностью, обычно свойственной Инне.

Лена в словах Ани ощутила явно наметившееся между сокурсницами соперничество.

«Сдает Инна? Аня ее переиграла? Какая невероятная заряженность! Это живая импровизация? Не может быть! Позднее раскрепощение, становление и развитие личности? Я с этим впервые столкнулась. Я привыкла, что Аня простая как болванка, как заготовка для детали. У нее крылья прорезались? Как-то не верится. Это слишком невероятно, чтобы быть правдой. Как мы в студенческие годы говорили? «Это не может быть, потому что не может быть никогда!» Мне, в основном, припоминается Анина гениальная способность создавать нелепые ситуации. Сочту этот ее выпад случайным забавным экспромтом. И все же... у нее не самый простой характер, и это хорошо.

Обычно у Инны наступательная тактика, а у Ани – оборонительная. И вдруг они поменялись местами! Инне, наверное, пришлось напрячь все свое умение, чтобы скрыть от Ани нанесенную ее самолюбию жестокую травму». – Лена украдкой взглянула на подругу. В глазах Инны горела тихая ярость. Лена осторожно тронула ее за плечо.

– Запросто, без проблем! Я без колебаний могла бы принять твое роскошное предложение, но предпочитаю позво-

лять себе менее обременительные радости. Поэтому с некоторой грустью, но откажусь от этого удовольствия, – справившись с раздражением, с не меньшей отвагой ответила Инна и подумала обескуражено: «Вот примахалась! Что это на Аньку нашло? Не поддалась на провокацию, да еще с лихвой вернула мне мою иронию. Боже правый, такое потрясение кого хочешь отрезвит. Никогда еще на мою долю не выпадала «честь» «отстреливаться» от этой тихони. Ой, достанется тебе, Анюта, втройне заплатишь за то, что хоть на минуту, но дала мне почувствовать мою слабость. Обещаю. Долго тебе придется рассчитывать за свое некорректное замечание в мой адрес. За любую колкость я привыкла «платить» вдвое, втрое. Припомню, не прощу, подловлю. Ох и посмакую я твое смущение и твою растерянность! И сочтешь ты за лучшее со мной больше не связываться... А, собственно, почему только я могу позволять себе отвязно резвиться? «Непорядок в танковых войсках...» Да, видно придется быть осторожней. Надо морально подготовиться отражать неожиданные атаки».

Вдохновленная удачным выпадом, Аня добавила очень тихо:

– А вдруг решишься?.. Не боишься оглушительного провала?

«Это уже перебор достойный Инны, – невольно поморщилась Лена. – И куда еще помчится «птица-тройка» неумеренной фантазии наших девчонок? К чему приведет? Рассорят-

ся вдрызг?»

– Аня, да ты у нас продвинутая! В ударе? Открыла сегодня для себя новые истины? – Это Жанна «проснулась» и искренне восхитилась раскованностью подруги. Но тут же подумала: «А Лена в свидетели назревающего конфликта идти не торопится. Нейтралитет соблюдает? Это ее «восточная» отрешенность или обыкновенная усталость?».

– Жанна, если собираешься со мной разговаривать, лучше помолчи, – грубовато «отшила» ее Инна.

– Послушали бы нас сейчас «ребята нашего призыва», сосульки! – весело пожелала Аня.

– Какие же мужчины выдержат такое! – поддержала ее настрой Жанна.

Все женщины негромко, но дружно рассмеялись.

* * *

«О литературе наши споры в некоторой степени вялотекущие, не эмоциональные, с ощущением профнепригодности. Не дается нам эта тема. Может, о таких «специалистах» шутят: «Знают мало, да хорошо»? Представляю себе наши дебаты на темы физики, математики или технологии. Вот где есть разгуляться! Ой ёй-ёй!.. Как интересно мы полемизировали в студенческие годы! Надеялись весь мир познать. Не бесцветные люди были в нашем окружении... Вбросить эту тему? Тогда до утра не угомонимся», – устало подумала

Жанна.

«Вот так разошлась Анюта! И ведь трезвая. Чудо в перьях. Раньше я считала, что она не выносит ни малейшего намека на насмешку, а она оказывается тоже с гонорком. Молодчина. Но как же у нее с Инной всё непросто, словно какая-то застарелая болячка постоянно дает о себе знать. Чего не поделили? А может, всё очень просто: Аня для Инны слабое звено?» – предположила Лена и тут же сообразила: «Сейчас как из рваного мешка и мне советы от нее посыплются». Этого она, конечно, вслух не сказала, только подумала. И не ошиблась.

– Жизнь – не цепочка «неслучайных случайностей». В ней, как известно, есть определенные закономерности. И каждый раз писатели неизбежно задаются главными вопросами...

– И какими же? – насмешливо приподняла брови Инна.

– А то сама не знаешь. Писатели решают, как предельно точно обозначить болевые точки в жизни человеческого общества для того, чтобы осмыслить всё новое, нарождающееся, затем адаптировать и приспособить его к своему времени. Они поворачивают жизнь перед нами то одной гранью, то другой. Это дано им по причине их сверхчувствительности и поразительной интуиции.

– У политиков они не отнимают хлеб их насущный? «И чтоб ты понимала в колбасных обрезках»! Не все писатели обладают даром предвидения, только гениальные.

– Объясняешь для несведущих? – огрызнулась Аня. – Только не всегда сразу распознаешь методы писателей, особенно если в их произведениях много чего намешано или если они используют сюрреалистические сверхмодные подходы.

– Нарой информацию у критиков.

– На них теперь нельзя полагаться. Деньги, деньги...

– Критиков читают те, кому не хватает самостоятельности мышления. Теперь считается дурным тоном обращаться к рецензиям, самим надо соображать. Это на заре нашей туманной юности мы в основном опирались на фразы великих, самых цитируемых классиков. Тогда они в ходу были. Еще на великие мысли Ленина, – встрепенулась Жанна. Она рада была поучаствовать в разговоре. – Вспомните наши многостраничные сочинения на уроках литературы. «Если мысли, то самые умные, если дела, то только масштабные!» Было пренебрежение к мелочам.

Женщины понимающе переглянулись. Лена уловила их перегляд и подумала «Хоть тут они быстро и единодушно сошлись во мнении».

– При желании подбором фраз великих можно было утвердить любую истину, а теперь свой ум приходится развивать и заострять. – Инна гордо вздернула свой милый носик, не испорченный ни болезнями, ни возрастом. Лена залюбовалась подругой.

– Мы не станем «выискивать блох» в Ритиных произведениях. Тексты у нее живые, жизненные. Главное, она не «громыхает жестью». Тарковский, кажется, говорил, что реализм – отец поэзии. Поверим ему.

– Натурализм, – тихо поправила подругу Лена. – Он нужен, чтобы молодежь понимала, что жизнь – это не компьютерная игра. В ней настоящая боль и на самом деле бывают загубленные судьбы. В этом – активная Ритина позиция и ее вклад в борьбу за человека. Правда, перед одной Ритиной книгой моя растерянность была настолько велика, что я не сразу выразила готовность ее рецензировать. Потом поняла: в искусстве есть условные решения и конкретные. И то и другое может быть правдивым. Мы получаем два варианта одного события. И тот и другой переваривается и осмысливается нами, по сути дела, неосознанно.

Рита шутила, что написала и сама испугалась своей откровенности, но отогнала свои страхи. Она собирала материал на добротный рассказ о реально существующей женщине, а он как-то сам собой из-за огромного количества информации перерос во что-то большее. Она пыталась вырваться из пут переизбытка фактов – где осторожно отсекала лишнее, где беспощадно терзала и резала текст, – только все равно увязла, перестала бороться и поплыла по течению мыслей. Канва произведения изменилась, замысел усложнился, оброс подробностями, появилось много ответвлений. И остановиться она уже не смогла. Рита очень волновалась, но пре-

зентация прошла на «ура». Ей даже посоветовали на обложку книги вынести слово «трагедия».

– Ты тоже планировала написать две книги о детстве, а получилось семь. По-научному, по аналогии с дилогией и трилогией, они называются септилогией, – блеснула эрудицией Инна. – И когда успела?

– Все детские книги я по сути дела написала за год, потом по мере возможностей издавала. А все взрослые – за два.

– У звонарей есть понятие «набить» колокол. Чем больше в него звонят, тем лучше он звучит. И с твоим талантом то же самое происходит, – сказала Инна.

– Я заинтригована. О чем конкретно твои взрослые книги? – спросила Жанна. – Люблю невероятно потрясающие вещи. Чтобы во весь голос звучали. Что-то типа криминальных, эксцентричных комедий. Все мое существо восстает, когда скучно-нудную чушь предлагают.

– Шепот бывает экспрессивнее крика. Так и в произведениях... Тебе лишь бы взбодриться? – еле слышно пробурчала Аня. И продолжила достаточно громко:

– Ты это о чьих книгах? Вряд ли Ритины представляет то, что ты ожидаешь. (Виртуозно перескочила на Ритино творчество!) Она с глубоким болезненным интересом относится к проблемам простого человека. Ей важны его поиски смыслов, смятение, попытки понять самого себя, выяснение, где и когда привычное дает сбой и что после этого бывает. Как ведет себя человек в моменты наивысшего отчаяния? Ведь пе-

ред каждым рано или поздно встают вопросы нравственно-го выбора, и что в таких случаях считать вескими аргументами приходится решать самостоятельно. Один во имя чего-то очень для него важного терпит несправедливость, влачит мрачные бесконечные будни, другой гордо несет неутрачивающую боль в сердце, но ищет пути дальнейшего развития своей личности. Но Рита часто интерпретирует события в подчеркнуто трагическом ключе. Ее рассказы, как правило, – истории разрушения взаимоотношений. В этом ее особенность. Она пишет с любовью и нежностью к людям; не выпячивает, не демонстрирует свои чувства, но они ощущаются в каждой ее строке. Понимаешь, у Риты не рассказы, а сказы, – объяснила Аня.

– Наверное, люди перед Ритой раскрываются, в основном, в трудные для себя моменты жизни, – заметила Жанна. – Не каждый способен словами выразить переживания. Но если дано, предназначено быть писателем – так пиши, отработай свой талант, раз судьба с ним повенчала. Талант накладывает обязательства. А Господь управит... Любой творческий человек, а писатель в особенности, должен дорожить каждым днем, каждым часом своей жизни, чтобы оправдать свое явление на земле. Дело писателя сводить персонажи, плести тонкую вязь их взаимоотношений. Читаем: люди спорят. На самом деле они, может, и не ссорятся. Так автор рисует портреты своих героев, залезая в глубины их характеров. (Забыла перед кем распинаяется?)

– Возьмем, например, многоточия. Они – дыхание автора, его понимание пауз, как инструмента воздействия на читателя. Мол, остановись, задумайся. Он, писатель, один над всеми своими героями и над нами, читателями! – смешно приосанившись, возвестила Аня. – Рита писала мне, что она придумала интонационные многоточия, но редактор не согласился с ее изобретением и убрал их из текста. Я считаю, напрасно она его послушала.

– В глубину человеческой души надо идти со светом Христа, – заметила Жанна.

– Чьи слова повторяешь? Судишь о людях на уровне Мира и Космоса? А Солженицын и Шаламов, изображавшие кошмар безвинно угробленных людей, тоже со свечой Христа в душе должны были писать, а не с протестом? – холодно отреагировала Инна.

– Конечно, – не отступила Жанна. – С сочувствием, но не с ненавистью.

А неутомимая Аня, не вникая в их спор, своё заторопилась выложить:

– Читая Ритины книги, молодые люди начинают лучше понимать психологию женщин, а те, в свою очередь, осознают, что нельзя от мужчины ждать чувств полностью похожих на чувства женщин, потому что они другие. А вот требовать от всех порядочности все равно надо.

Логика у мужчин на самом деле иная. Рассказывал мне мой бывший подопечный о своем друге: «Он с такой нена-

вистью говорил о своей девушке! Потому, что любил».

«Я бы не смогла говорить о любимом плохо, если бы даже он в чем-то был передо мной виноват», – возмутилась я.

«Вы – женщина», – ответил молодой человек.

Для меня такое объяснение было внове. А я уже, слава богу, пожила на свете.

Будь Рита счастливой, разве она стала бы писателем? – неожиданным вопросом закончила свою речь Аня.

«И впрямь школьное сочинение. Вот дает Аннушка! Учительство, собственно, как и любая профессия, накладывает на человека свой отпечаток», – внутри себя добродушно усмехнулась Лена. Но неловкую улыбку сдержать не смогла, грустно подумав: «Не склонная к иронии и юмору, Аня со своей излишней серьезностью и простенькими высказываниями в некоторых ситуациях смотрится немного комично. Вот смотрю на нее и понимаю, что ее «пугливое» детство никуда не делось, в ней осталось навсегда».

«Ах, как глубоко, как умно! Слушать тебя – сто пудов удовольствия. Изрекает банальности с таким видом, будто теорию Эйнштейна объясняет школярам. Творческий диалог двух «гениев»: Анны и Жанны. Им, «великим», виднее. И что самое интересное, не понимают своего... недомыслия», – самодовольно подумала Инна и, не сдержавшись, насмешливо фыркнула:

– Застрекотала! Речь, окрашена мощной гаммой чувств! Море эмоций! Себя играешь в предлагаемых обстоятель-

ствах? Ты видишь нас своими пятиклассниками? Чем еще одаришь? Не разочаровывай нас, отрывайся по полной программе. И Жанна поможет.

Какое удовольствие находиться рядом с... такой глыбой, если она не отталкивает, позволяет быть на равных... И тогда чужая биография становится частью твоей жизни, твоей памяти, переворачивает сознание. Но, как справедливо говорил великий Оруэлл: «Все равны, но некоторые равнее других». Вот уже и графика тела, и пластика у тебя другая: не хочется прогибаться, и уважаешь себя чуть больше, чем обычно, и свою планку выше держишь, решения принимаешь увереннее. Ты потрясена дебютом. Потом это становится обязательной составляющей твоего характера, твоего поведения. И это дозволено, и это оправдано. Ты сама себе раскрываешься с неожиданной стороны. У тебя уже не просто жизнь, а литургия... И место твоего обитания, будто намолненное... Ты не чувствуешь пресыщения, потому что развиваешься. Так?.. Да у тебя буйство нереализованной фантазии!

– А может, у тебя? Не заносись. Перестань кривляться. Надоела, как горькая редька. С души воротит от твоих издевок, – строптиво возвысила голос Аня и подумала раздраженно: «Инкины замечания не восходят до сатиры, ну если только брызжут злой иронией».

Но вслух Аня не рискнула так резко высказаться. Испугалась последствий? Пощадила? Не захотела раздувать ссору?

Наверно это уже не важно.

– Устала бедняжка. Прости великодушно, – с привычной ехидной участливостью вздохнула Инна.

«Ох, дожدهшься ты у меня!» – будто о каком-то своем непослушном воспитаннике подумала Аня.

– Тонкий ход – нервно буркнула Жанна, поджав губы. Но литературную тему продолжила, обратив внимание подруг на себя:

– Оруэлл интересный писатель, но своеобразный, я бы сказала, абсурдный. Помните его лозунги? «Мир – это война», «Свобода – это рабство», «Незнание – сила».

– Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре. Это значит, говорить то, что есть на самом деле, – сказала Инна.

– Автор утверждал, что достичь вечного мира невозможно, он завоевывается посредством войны.

– Не вижу в его утверждении противоречий.

– Американцы бомбят какую-нибудь страну, а говорят, что строят мир, что они борются за мир во всем мире, – возмутилась Жанна. – Вот откуда истоки этого абсурда.

Аня внесла свою лепту в обсуждение:

– Оруэлл, как и Рита, выступал против тупоголовых чиновников. Он заставлял людей думать о том, что для них важно. Умный писатель. Я читала, что из ста восьмидесяти его предсказаний социального характера, сто семьдесят сбылись.

– А я больше люблю сюжеты, в которых действие умещается в короткий срок, а охват событий – века, чтобы в нем присутствовала временная аберрация и сгущение событий в ретроспективе.

– Лена, слышишь, Жанна не твой читатель, – отметила Инна.

– Еще мне нравятся романы, в которых захватывающая фабула: мощные сдвиги эпохальных пластов, меняющих ход истории, а главные действующие лица в них – страны и континенты; когда есть вертикаль и горизонталь взаимоотношений.

– Сочетание эпического и камерного, громогласного и напряженно-тихого? – подсказала Инна.

– Чтобы всем этим управляла грозная, однонаправленная воля всех слоев общества и главному было подчинено всё второстепенное; где чувствовалась бы трагическая поэзия истории, преподнесенная интересно и свежо; чтобы и в сюжете, и в средствах выражения сочеталось несочетаемое: горячий снег, оптимистическая трагедия, преклонение и жестокость. В книге должно быть интригующее начало и обязательный яркий финал! У этих авторов своя реальность, свой мир. И кино люблю зрелищное.

– Там мгновение растягивается в вечность, а вечность стягивается в мгновение, а человек в точку. И к нему можно применить принцип неопределенности Гейзенберга: я – тело, но я и волна; я здесь, но меня нет, – пряча довольную

улыбку, сказала Инна.

– Такие книги переполняют меня ликованием. И я вчитываюсь в их строки с дрожью узнавания и восхищения. Сюжет должен меня тронуть, захватить и не отпускать. Таков мой критерий, – восторженно закончила свой монолог Жанна.

– И чтобы у главного героя – ума палата, и чтобы он своей мощью... заслонил автора, – невинным голосом сказала Инна. – Упаси тебя Бог увлечься фантастикой и забыть о достоинствах великих классиков! Преувеличение исторической значимости событий через много лет может сыграть роль фатальной улики. Вспомни американцев. Они многое чего себе приписывают: и открытие законов природных явлений, и несуществующие победы в войнах. И «нам не дано предугадать», чем это со временем может для нас обернуться. Но уж точно всем будет не до юмора.

– Мне один американец сознался, что всё лучшее, что имеют, они воруют у других, – вспомнила Жанна.

– Все намного проще. У них печатный станок, вот они и держат весь мир за яйца, как говаривал один из моих мужей. Сталин в свое время не пожелал садиться на долларовую иглу. А ты западных фильмов насмотрелась. Я думала, тебя увлекает вообще всё, что представляет собой исключение из общих правил. А мне интересно читать о жизни сильных, коварных, азартных женщин. Я люблю объяснять их поведение, быть им как бы адвокатом. Еще мне нравится рваный, нервный ритм и художественный беспорядок в произведении.

ях. Я чувствую в них себя искателем.

– Кому-то важен гармонизирующий герой, а кому-то говнюк? А если серьезно? – спросила Аня. – Мне почему-то Сэлинджер вспомнился, его рыбка-бананка. Главный герой объелся бананами счастья и застрелился от переизбытка любви. Какая-то в этом неосознаваемая мною шизофреническая странность. Нельзя самим прекращать поток собственной жизни. Бог дал, он же и возьмет ее назад.

Может, автор для сохранения души умел достигать... особого состояния просветления, чувствовал энергетическую связь с космосом? Или его книги – протест, бунт против несправедливого взрослого мира? Кто-то из критиков написал о его главном произведении: «В нем взгляд ребенка из-под стола на то, что делается в стране». А я бы добавила: «И в душе подростка в период его взросления». Книга полезная. Все мы в той или иной степени сталкиваемся с подобными болезненными проблемами, экстраполируем беды его героя на себя, идентифицируем себя с ним. Автор талантлив. Он несет в себе боль всего своего поколения. Ему, ветерану войны, было очень трудно жить, имея чувствительную психику. Не зря он искал религиозное спасение своей души. В этом смысле я его очень понимаю.

– А я презираю его главного героя. Он мелочный, у него много претензий к миру. Он хочет, чтобы все его любили ни за что, как родители, – заявила Инна.

– Герой Сэлинджера – тонко чувствующий рефлексирую-

щий невротик, каких много среди нас. Он противоречивый, но добрый. Автор выступает против жестокости и предупреждает подростков, что с ними может происходить то же самое, что и с его персонажем. Именно поэтому не наблюдается спад его популярности, хотя, казалось бы, для современной молодежи должно быть актуально совсем иное.

– Принимаю твой пас. Тут ты, как педагог, права. Но, согласись, даже «битлов» начинают забывать. На смену им приходят, может и менее талантливые, но другие. И этого не избежать.

– Надо напоминать. Потому что неподалеку от добрых людей всегда будут «ошиваться» те, которые могут ни за что оскорбить, ударить. Хотелось бы, чтобы таких было меньше... Как ты думаешь, один человек может изменить мир? – спросила Аня.

– В худшую сторону – да, в лучшую – нет. Но если ум на планете Земля возобладает над жадностью и желанием власти... – Инна усмехнулась. – Писатели должны чутко слышать даже тихий, потаенный пульс своей эпохи и силой своего эмоционального таланта «закрывать пропасть под нашим иллюзорным чувством связи с миром».

– Критики и вознесут, и с грязью смешают. Были бы деньги. Мне вспомнилась шутка времен СССР: «И муху, и министра можно прихлопнуть газетой». Редакторы – проводники воли цензоров или теперь наоборот? – зачем-то ушла от те-

мы Инна и раздраженно махнула рукой.

– С критиков надо брать клятву Гиппократата: «Не убий», – рассмеялась Аня.

– «На тех, кто впал без умысла в ошибку, не гnevаются сильно», – процитировала Жанна Софокла.

– Ты о себе? – спросила Инна.

– О тебе, – ответила Жанна. – Критика не должна переходить меру справедливости. Большая доза «лекарства» может убить и талант, и самого человека.

– Не существует справедливости в книжном понимании. И вообще, несправедливость – понятие субъективное. Нельзя копить в себе плохое.

– Один писатель жаловался мне: «Денег нет, жена пилит, а тут еще шквал ненависти в интернете. Остается только повеситься. Как приучить себя не слушать чужие мнения?»

Инна не отреагировала. Конструктивного разговора не получилось.

Из Инниного молчания Жанна так и не поняла, согласна та с ней, или как всегда дразнит, пытаясь любую поддержку чьего-то мнения истолковать как заигрывание. «Инна хочет возвыситься в своих или моих глазах? Внушает мне комплекс неполноценности, зная, что меня это очень огорчает? А я обману ее ожидания, да еще и поквиताюсь», – решила она и спросила голосом наивной овечки:

– Откуда у тебя столь «глубокое» знание возможностей СМИ? Самой доставалось от них, попили твоей кровушки

или чужие слова повторяешь?

Но Инна снова уклонилась от ответа и, как ни в чем не бывало, продолжила свою мысль:

– После активного анонсирования некоторые писаки мелькнут еще несколько раз в телепередачах, черкнут о себе пару статей в газетах, между делом успеют провести несколько встреч с читателями – и вот тебе гарантия уважения народных масс.

– Да мы завистливы! – радостно удивилась Жанна.

– Инна, предложи писателям иной способ рекламирования своих произведений, – попросила Аня.

– Я думаю...

– Не слишком ли много ты сегодня думаешь? – с наигранным чувством мрачного удовлетворения остановила Инну Жанна. И неожиданно любезно, без явной иронии в голосе добавила:

– Не перетрудись, пожалуйста.

Ане не потребовалось много времени, чтобы оценить уровень язвительности этого скромного замечания. Она умоляюще взглянула на Лену. В ее глазах читалось: «И эта туда же? Меня ужасно удручает ее неприветливое высокомерие. Огради».

Но Жанна опередила Лену.

– Надоело пикироваться, – сказала она и пренебрежительно вздернула плечами, словно надеялась стряхнуть с себя впечатление, произведенное своей же издевкой. (Неплохой

способ уйти от ссоры.)

Но надо слишком плохо знать Инну, чтобы не ожидать ответного удара, когда противник смирился или отступил.

– Тебя волнует историческая фантастика? Генералиссимус ты наш неосуществленный, с ярко выраженной индивидуальностью! Тебе же надо непременно знать, что всё в книге закончится превосходно. Ты всегда ждешь хорошую любовную историю, чтобы были могучие телом мужчины и лихие намёки на флирты с ними. Ну, в общем, что-то развлекательное, но... не очень умное.

Так этого добра везде навалом – читай не хочу. А вот книги Риты не о событиях, а о людях, не о катастрофах вовне, а о сложных, так необходимых нам всем взаимоотношениях между мужчинами и женщинами. Они о драмах и трагедиях внутри человека, о том, что пораженное горем или бедой сознание не способно смотреть в лицо реальности. И вот тут-то один отворачивается от своей трагедии, начиная играть несвойственную ему роль, другой попадает в поток чужой жизни, теряет все свои прекрасные порывы и тупо, как вол на пашне, тянет ярмо духовной и материальной нищеты или ищет призрачное счастье на стороне. А третий, окунаясь в безрадостную человеческую юдоль, борется из последних сил. Еще они про тепло и нежность в семье, про близость. Ей не скажешь, мол, пиши обреченнее, злее, больнее. И так всего этого там сверх головы... Русскому человеку надо, чтобы все было по совести, по справедливости, по жалости. Про

свои чувства у нас все понимают.

– Прекрасная речь! Но зачем все это «отливать» в строки? Чтобы «от мук не знать свободы»? Счастье, счастье... Есть вещи более важные и глубокие, более достоверные, чем счастье, – в пику Инне сказала Жанна просто так, чтобы позлить ее.

«Ловко заставляет других считать себя такой, какой она не является и даже сама себе не представляется, – молча отреагировала Инна на замечание Жанны, очень ей близкое и понятное. – Хотя... я бы не удивилась, узнав, что это ее собственная мысль. Глупой она никогда не была. Но в ее словах постоянно сквозит недосказанность, которая меня раздражает».

– Жанна, Ритины книги о том, как сберечь и защитить семью, как, будучи зависимым человеком, сохранить свое достоинство. В них главные действующие лица – любовь, стыд и совесть. Тема трагедий, потерь и утрат сложная для выражения словами. Рита достигает эффекта многозначности и многоплановости с помощью иронично-лиричного сопоставления судеб. Такие книги может писать только человек с чистой, грустной и доброй душой. Они не заслуживают забвения и принадлежат не только настоящему, но и будущему, – на всякий случай пафосно прибавила Аня весу своему прочувствованному монологу.

«Вот это песня!» – подумала Лена об Ане как о совершенно постороннем человеке.

– И чтобы всё было смертельно правдиво? Это что-то тревожно-позитивное, с женским характером и с женским лицом? – страстно предположила Жанна. – А не провести ли нам параллель с Толстым? (Иронизирует?)

– С которым? Их несколько, – вполне серьезно попросила уточнить Аня.

– Когда говорят «Толстой», то всегда имеют в виду Льва Николаевича. – Инна раздраженно дернула плечом, мол, как можно не знать таких простых вещей!

– А что, в центре его произведений почти всегда семья, верность, покаяние. Клубки человеческих проблем. А в них одни узлы. Не распутать. Их легче завязывать, чем развязывать. Часто рубить приходится, – заметила Аня.

– Сравнили с Толстым. Не на любые темы стоит шутить, – тихим голосом осадила подруг Лена.

– Можно, но тоньше, – возразила ей Инна.

«Вот и вызвали Лену на разговор. А то ведь клещами из нее слова не вытянешь», – молча обрадовалась Аня.

– Мне кажется, Ритины произведения для взрослых в основном вытягивает любовная линия, – попыталась возобновить беседу Аня.

– Это естественно, – согласилась Инна.

– При Сталине писатели в основном массами занимались, а не отдельными личностями. А теперь мы в книгах наблюдаем, как из простого человека рождается герой? – спросила Жанна. – Так это тоже уже было.

– Ритины герои – нормальные, прекрасные люди. Не ша-
рахайся в крайности, – упрекнула ее Аня. – Если глубоко
вникнуть, то на нынешнем этапе в нашей стране проблемы
не столько технологические, сколько **человеческие**.

На том разговор и пресекался. И Лена провалилась в топкий
как трясина сон.

* * *

Сквозь дрему Лена услышала тихое бормотание Ани
и Жанны.

– ...Готова поспорить, что она с детства заряжена писа-
тельством.

– Что нового на этой ниве можно изобрести? Уже есть
десять заповедей для поддержания мира, гармонии и спра-
ведливости в человеческом сообществе. Только мало о них
знать, надо иметь силы их выполнять. Нагорную проповедь
я считаю не набором моральных норм, а социальным проек-
том.

– Вот поэтому всегда есть о чем писать.

– Если бы люди соблюдали заповеди, они сделались бы
праведниками. Не возникало бы произвола, насилия, жесто-
кости. И на земле был бы рай, – грустно-мечтательно сказала
Жанна.

– Идеалистка, легковерная душа. Лучше упасть с облаков,
чем рухнуть с дуба?

– Ты еще вспомни юность, время, наполненное звездными фантазиями... Чем дальше от жизни, тем ближе к вечным понятиям, к таким как порядочность, доброта... Знаешь, люди, достигшие моральных высот, часто бывают примитивными, – усмехнулась Инна.

– ...Я предпочитаю, чтобы писали о жизненных ситуациях с юмором. Людская несостоятельность и глупость – источники развлечения. И о серьезных проблемах надо уметь говорить как бы шутя, чтобы не «убивать» людей. Мне ближе аллюзийно-комедийный, ироничный жанр Вольтера. А еще мне кажется, не надо расшифровывать юмор. Кому дано – сами поймут, а остальные обойдутся.

Если бы Лена не знала, кто произнес последние слова, она все равно догадалась бы, что они принадлежат Инне.

– А мне Бальмонт роднее, – сказала Жанна.

– Бунин о нем писал: «Не сказал ни одного словечка в простоте. Помпезен». «Напыщен», – добавила бы я от себя. – Это Аня произнесла.

– И тем в юности был мне мил. Прекрасный век! Главное: ни пошлости, ни отсутствия вкуса. Но многие поэты уже были поражены болезнью обезбоженности. А наша сила и радость в вере, в Боге. Достоевский утверждал, что душой человека владеют мистические силы и предупреждал...

Инна перебила Жанну:

– Я о другом. Именно из недр той литературной эпохи вы-

растала наша нынешняя поэзия.

– Как Достоевский из Гоголя? Я бы не стала проводить параллели, но есть бесспорные вещи. Главное, что в них, а значит и в нас сохранился ген национальной культуры.

– Ну да, у нас литература правит историей, – привычной противоречащей всему иронией отреагировала Инна на Анино заявление.

– Ну, если только с твоей подачи, – дернула плечом Жанна.

– Для меня важнейшим показателем отношения к своей стране, любви к Родине является стремление молодежи больше знать и больше делать полезного, – заявила Аня.

Жанна не приняла замечания Ани о преемственности литературных эпох, потому что вспомнила неблизких ей поэтов-авангардистов двадцатых годов, но спорить не рискнула. Для этого требовалось обладать достаточно полной информацией о предмете.

– ...Непонятые, отодвинутые и забытые писатели на новом витке развития литературы могут быть приподняты и зачислены в классики, – сказала Аня.

– Случается такое, – кивнула Инна.

– Мне нравится интересный прием использования писателями снов персонажей. Через своеобразные сюрреалистические подходы легче рассказывать о непредсказуемой и подчас жестокой действительности, – сказала Жанна.

– Со школьной поры Чернышевский из головы не вывет-

рился? Осиновым колом в сердце застрял? Девушка, ты часом не обмишулилась? Ты еще эпистолярный жанр возроди, – насмешливо откликнулась Инна.

– Он без нас всплыл в интернете. Время потребовало, – мгновенно отреагировала на выпад Аня. – Вся литература ушла в интернет. Скачивай все, что душе угодно и читай.

– Это обнадеживает, – думая о чем-то своем, пробурчала Инна.

Чтобы не разжигать спор, Аня миролюбиво заговорила о более ей близком и понятном.

– Что трогает бывшего детдомовца? Не умозрительные, а личные искрение переживания. Да, Рита резка в своих высказываниях, но она молодец уже потому, что рискнула обо всем впрямую написать. Место истинного писателя среди униженных и оскорбленных. Оставим мужчинам решать глобальные мировые задачи, а женщины пусть занимаются не менее важными вопросами семьи. Каждому свое. Семья – широкое, достойное поле деятельности.

– Без мужчин решать проблемы семьи? Они и есть первейшая причина ее бед! – возмутилась Инна. – Нет, вы посмотрите на нее! И она загоняет женщин на кухню. Ты за поражение нас в правах? Вот так ты поняла Риту?!

– Это ты не так меня поняла. Я не то хотела сказать... – попыталась оправдаться Аня.

– Эх! Из века в век одно и то же: мужчины, женщины!

Ремейки нужны, чтобы «слово залежалое отряхнуть от пыли и плесени»? Рита всю Россию хочет наставить на путь истинный? Желает, как Орфей, научить человечество человеческому? А может, вкрадчиво плетет общеизвестное: мол, у женщин обычно скорее срабатывает логика житейских неурядиц и она заслоняет им всё другое... Наверное, некоторым мужчинам полезно почитать, что о них думают женщины. Пусть как в зеркале увидят свое отражение. (Можно подумать, что в семейных ссорах они мало слышат «комплиментов» в свой адрес!) И тогда выразительные бытовые детали начнут звучать как метафоры и наконец-то затронут их сердца! Ну и все такое прочее... Да? – спросила Инна.

– А без мужчин так не зазвучат? Одно глумление у тебя на уме. Только оно тебе и под стать. Ахинею несешь. Всё перевернула с ног на голову. – Аня сердито оглянулась на Инну через плечо. Но та всем своим видом показала полное безразличие к ее замечанию.

«Нашла с кем связываться», – попеняла себе Аня.

– Получается, что с признанием Рите просто крупно повезло. Тоже мне теорема Вейерштрасса! Задача с двумя неизвестными: муж и жена – одна сатана. Драматургия семейной жизни! – в своей привычной, ироничной манере продолжила нападки Инна.

«И в чем же Рите повезло? Только что хвалила ее, а те-

перь поносит. Почему? У нее семь пятниц на неделе?» – не поняла Аня Инну и сказала с обидой:

– На тебя не угодишь. Твоя жестокая насмешливость изводит меня.

– А если прельститься больше нечем? Ломаешь, подминаешь меня под себя? Ты давай, завязывай с этим. Что набычилась? Сто процентов попадания? Расслабься. Что глазами-то стрижешь? – спросила Инна и без всякого стеснения устремила на Аню взгляд, полный наглого любопытства.

«Люди, в основном, не переносят, когда им смотрят прямо в глаза, теряются, отводят взгляд, а Инна любит этим пользоваться. Не самое лучшее ее качество», – молча отреагировала Лена.

– Отстань от меня, приохотилась травить. Твоя манера изъясняться может многих отвратить. Знаешь, кому-то приятно решать твои ребусы, а кому-то они поперек горла и приносят физическую боль, – простонала Аня.

– Ах, твое изнуренное сердце...

И в этом «ах» было столько иронии!

– Неужели прилив ностальгического великодушия? Нет, в тебе он так и не возобладал, – чуть приподнявшись на локте, пожурила подругу Лена. И подумала: «Ане кажется, что Инна держится с ней подчеркнуто неприязненно. В каждой фразе ей чудится глубоко упрятанная насмешка. «Заяц думал, что танковая атака направлена против него». Сама не старается расположить к себе. Напрасно. Инна может оце-

нить и понять. В «борьбе» с ней Ане мешает переизбыток мнительности и неуверенности. Со стороны ее поведение выглядит, как добровольная попытка преодолевать ненужные препятствия. Инна тоже хороша. Партнера себе надо выбирать достойного».

– Молчу, молчу, – заторопилась Инна успокоить Лену.

– Какая неожиданная любезность с твоей стороны! – Это Жанна воспользовалась моментом, чтобы поддеть Инну. (Вот ты ка-ка-я!)

* * *

Ане не терпелось с похвалой высказаться о произведениях сокурсницы, а заодно похвалиться своей эрудицией, и она сама подвела разговор к интересующей ее теме.

– Очень человечные книги. До слез меня трогают. Рита каким-то неведомым мне способом изгоняет из своей души боль и переносит в свои рассказы.

Но Инна и тут взяла ситуацию в свои руки.

– Какое неумеренное восхваление! Хотя... комплиментов не бывает много. – Она скроила противную едкую гримасу. – Слезы – не показатель. Предпочитаю восхищение. Оно продиктовано не столь сомнительными проявлениями нервной системы. От сериалов ты тоже плачешь. Ты всегда тяготела к трагическим героям, поэтому тебе по душе эти женские воззвания к мужчинам о мире в семьях. Нет, я понимаю, что это

лишь одна из линий Ритиного творчества...

Но я всегда любила истории, написанные в самых возвышенных выражениях и со счастливым концом, где не проглатывают несчастья и оскорбления с молчаливым достоинством, где не гордятся преодолением примитивных трудностей. Обожаю читать и переживать чужую, пусть даже придуманную, яркую любовь как свою собственную. Люблю, чтобы был обвал восторгов и страстей. Читая, мы ищем эмоции. Я из них создаю в себе страну счастья, а в ней возникают минуты вдохновения и полета, рождаются всплески долго незатухающего интереса к жизни. Аня, советую тебе поискать другие «показатели» достоинств Ритиных героев. Допустим патриотизм. Тебе это ближе и понятней.

– Снова издеваешься? Да, я считаю, что талант должен прославлять свое отечество и его людей, иначе он может сослужить и писателю, и человечеству плохую службу.

– Конечно, какие же положительные герои без традиционного букета! Нет, Аня, ты лучше ежедневно изучай «Черную курицу» Антона Погорельского. Не затягивай с этим. Полезно. Мало еще слез пролила, читая ее своим подопечным?

– Аня, не казись. Это же Инна с ее... заскоками. Ты же ее знаешь, – по-матерински мягко посоветовала Жанна, заметив побледневшее Анино лицо.

Лена вышла из сонной задумчивости. Пожалуй, она успе-

ла неплохо вздремнуть. Аня говорила:

– ...Видно ты не читала рассказ Риты о девочке, душа которой отзывалась на разные сложные события жизни неодинаковыми по глубине и осознанности стихами. Иначе проследила бы трансформацию героини, почувствовала бы слова исполненные благодати и многое поняла в Ритиных произведениях.

– Ну как же, Рита – наше национальное достояние! – не смолчала Инна.

– Я читала, что без ярких противоречивых ситуаций не бывает стоящих произведений. Как она создает их в своих романах? – задала вопрос Аня.

– Зачем Рите придумывать противоречия? – удивилась Инна. – В нашей жизни они на каждом шагу.

– Мне очень понравилось то место в последней книге, где у нее как бы сюжет в сюжете. Там она вступает в диалог с самой собой. Не избитый ход, правда?

– Железобетонно! Ее фирменный, – подтвердила Инна и добавила:

– Лена, ты тоже работаешь в этом поле. Но ты пошла дальше. У тебя я наблюдаю стереоэффект. Он образуется из диалогов героев друг с другом, с предполагаемым автором и с их собственными внутренними «я».

– И все же дневники Риты – самое сильное в ее прозе. В них есть моменты опережающего отражения действительности. Там есть ядовитые вещи и даже... принижающие кое-

кого, – снова подключилась к разговору Аня.

– Они не для печати писаны, – сказала Лена и унеслась мыслями слишком далеко, чтобы слышать, о чем рассуждали ее подруги. Последнее, что дошло до ее сознания, были слова Жанны:

– Я еще не читала произведений, состоящих из одних диалогов. Это способ развития дневникового жанра? Там человек разговаривает сам с собой, а Рита разнообразит эту «беседу» общением с друзьями?..

* * *

– ...Здорово Вознесенский сказал: «Обязанность стиха быть органом стыда!» А ты готова признать это изречение справедливым? – спросила Жанна.

– Имеет место быть. Поэт не поэт, если он не считает свой взгляд на мир единственно правильным, – свернула на привычную дорожку иронии Инна.

– Огласила свой приговор?

– Прозаиков я тоже не исключаю из этого списка.

– Все они очень нуждаются в твоём замечании. Без него они оказались бы не на высоте положения, – шутливо, но миролюбиво заметила Жанна. – Тут мое представление не расходится с Аниным.

Уголки губ Ани вздрогнули в еле заметной улыбке. Она поняла и приняла иронию Жанны.

– О гениальных поэтах говорят, что они посильнее коронованных особ, – сказала Инна.

– Гениальность любого поэта в его поразительном великодушии и доброте, – упрямо заявила Аня. – «Лишь наша доброта в веках пребудет». Одна из задач литературы – смягчать сердца людей. От чернухи и крови они каменеют.

– А разве не бороться за правое дело? – насмешливо удивилась Инна. – Примитивно мыслишь, детсадовскими категориями. Перегрелась? Форточку открыть?

– Еще совсем недавно гениальных людей истребляли или выслали, а теперь пригревают и награждают, – сказала Жанна.

– Чтобы подвергнуться изгнанию из Союза писателей или выдворению из страны, надо было заслужить. Опрокинь свою память в советское прошлое. – Инна усмехнулась. – Как нас учили? «Жить надо ради того, за что можно умереть: за Родину, защищая честь и достоинство, спасая кого-то».

– А разве для совершения подвигов доброта и великодушие не требуются?

– Ритины герои все с изъянами, но нельзя сказать что плохие. Порядочность – вот что их объединяет, – сказала Аня.

– Это характеристика нашего поколения, – подтвердила Жанна.

– Емко, трогательно, сердечно прописывает своих героев. Закладывая ту или иную личность, она во многом ее с себя списывает, но с беспощадной самоиронией. «Себя в себе

ищу». И читатель напитывается от нее нравственной энергии. И ведь какие вопросы ставит! «Где мы? Что мы есть сегодня, не в самую легкую годину?» По собственному Ритиному признанию – мне однажды довелось присутствовать на ее встрече с читателями, – она пытается осмыслить кардинальные проблемы современного человеческого бытия.

«Аня в Жанне нашла внимательного слушателя», – поняла Лена.

– Мудрейший Сократ в свое время тоже ставил вопросы, но не всегда на них отвечал.

– Сократ!.. – Аня покрутила головой. – Они у него высочайшего уровня, а Рита о нас пишет. Но список наших глобальных проблем тоже не такой уж короткий, – грустно закончила она свою мысль.

– Только и разговоров, что о проблемах. Не много ли Рита на себя берет? Нескромно как-то. Может, не по Сеньке шапка? Даже хроникёры теперь предвзяты, а тут художественная литература, – с сомнением пробурчала Жанна.

«Что она имела в виду – не поняла Аня. – Не могу уследить за течением ее мыслей, они все время уплывают куда-то в сторону. Может, это меня ко сну клонит?»

– Рита максимально выкладывает свое сердце людям. Для нее писательство – одна из форм личной ответственности, – пояснила Аня свое предыдущее заявление. – Ее книги – территория полной свободы. Они то, что определяет степень ее счастья.

– Она обязана быть внутри ситуации? Камикадзе, – намеренно насмешливо заметила Инна.

– Не стану тебя разубеждать. Но читая написанное Ритой, я ощутила, что не знала ее вовсе, но теперь многое в ней поняла.

– Реальность сложна и не поддается прогнозированию. В жизни столько абсурда! Вскрывать законы непредсказуемого мира семьи, изучать глубинные мотивы человеческого поведения – все равно, что пытаться изобрести вечный двигатель.

«Иннина труба снова громко вступила, – поняла Лена. – Наверное, заглушит звучание Аниной скрипки».

– Акт творчества выворачивает душу глубже, чем быт, поэтому писателю больше дано, – не согласилась Аня. – Главное, чтобы писалось без узколобого схематизма.

«Молодчина! Наш человек», – молча одобрила Лена Аню.

– Ну как сказать... – неожиданно для себя не нашлась Инна. Это была для нее позорная, выбивающая из привычной колеи, пауза.

«Теряет хватку, выдохлась?» – удивилась Жанна.

– Тебя, Инна, может понять только один человек – ты сама, – грустно пошутила Аня.

– Умно. И яркие краски в голосе появились. Когда ты от страха не прячешься в скорлупу, с юмором у тебя все в порядке. Ты-то сама поняла что сказала? – не могла не добавить уже взявшая себя в руки Инна.

– Растолковать? Кое-кто не может быть только без себя

самой и только от себя получает победные реляции, – с еле уловимой гримасой удовольствия пояснила Аня.

Она вдруг почувствовала неловкость за свою невинную радость от самой же сказанного и за неожиданное, отчаянное желание сохранить в себе это редкое чувство.

Губы Инны передернулись, как от резкой боли, а в потемневших ненавидящих глазах на мгновение промелькнула бездонная оторопь, тут же сменившаяся искусственным наивно-сочувственным интересом, а потом и намеренным ленивым благодушием. Такого от Ани ей еще не приходилось слышать!

«Промахнулась Инесса. Плохо чувствует? Нездоровье не способствует нормальной работе мозга», – про себя прокомментировала ситуацию подруги Лена.

– Не буди лихо, пока оно тихо. Меня учить – только портить. Ты это к вопросу о пересечении линии жизни с зигзагами характера? Так они переплетаются не по законам евклидовой геометрии, а по Лобачевскому. Все мы не совсем правильные.

– Это уж точно. – Аня быстро и положительно приняла неожиданно прямой и честный ответ Инны. Спорить тут было не о чем.

Высокий голос вывел Лену из задумчивости. Аня объясняла Жанне:

– Для Риты важен не сильный герой, а слабый, насы-

ценный неоднозначными проявлениями характера, но борющийся, не безразличный, здравомыслящий, которого преследует череда потрясений. Цель его исканий – гармония в себе и в семье. Этим он интересен и заслуживает уважения.

– Уважения? Знала я одного такого типчика: слабый, склонный к депрессии, к припадкам страха и предсердечной тоски. И, тем не менее, при сильной жене в их семье он верховодит. Почему? – возмутилась Жанна.

– Для любящей жены он вечное дитя, а больной ребенок в семье обычно главный, вокруг него всё вертится, – подметила Аня.

– Ритин главный герой – женщина. Вот откуда мысли такого странного толка! Ура, ура! – проскандировала Инна. – Будем, дрожа от нервного ликования, жить и думать как Рита. Станем неукоснительно следовать всем ее предписаниям. Только я вот читаю классику и вижу: мало что изменилось в характерах людей за последние пятьсот лет. И это грустно, – очевидно, всё ещё подавляя в себе волны поднимавшегося недовольства предыдущим разговором, вмешалась Инна.

«Настырно задает тон нашему разговору. Она не просто иногда иронизирует, она иначе мыслить не умеет. Что-то внутри нее зудит, раздражает, толкает на выплескивание желчных инсинуаций, создает воинственное настроение, отчего она взрывается на мелочах. Ее все время куда-то заносит. Мастерница морочить головы. Может, это чувство тайного превосходства? Та еще фифа. Если бы она ушла, я бы не

очень огорчилась. И каким ветром, какой волной ее прибило к нашей компании, тем более после прошлогоднего инцидента? А вдруг она сама страдает от своего характера? Выговорится и вернется в ровное расположение духа или явит «миру» веселое настроение», – на себя примерила Инины закидоны Аня и запретила себе реагировать на вспышки ее эмоций.

– Проблемы в жизни людей есть и всегда будут. Рита, когда подступилась к ним, тоже поразила их масштабности, вот и стала рассматривать и осмысливать только одну, точнее один ее узкий аспект. А сначала пыталась охватить тему со всех сторон, – сказала Аня. – Только дебютанты надеются быстро дать ответы на все вопросы.

– Что ей до чужих комплексов и терзаний? Так и кое-куда загреметь можно.

– А ты на себя оборотись, тогда поймешь, – кольнула Жанна Инну.

– Еще бы, кто я такая, чтобы судить? Писатель должен затрагивать всеобщие и самые глубокие проблемы, а не оттачивать и шлифовать бытовые события и копаться в чужом грязном белье. Рита надеется суметь банальное представить монументальным? Снова «запоет» на тему воспитания?

– Наверное, писать о том, есть ли жизнь на Марсе, интересней, тут мы далеко заглядываем. Только мне кажется, что стоит чаще задаваться вопросом: «Есть ли жизнь после свадьбы»? Я не вижу проблемы важнее, – сказала Аня. – Но

вот как далеко заходить в интимную сферу отношений, чтобы вскрыть причины того, что творится за дверями запертых квартир, и проработать весь материал до мелочей, – это вопрос внутренней цензуры автора. А вдруг именно это, казалось бы, глубоко личное и является основной, глобальной причиной проблем в семьях? Разве о нем надо молчать?

– Куда же нам без прописных истин? – хмыкнула Инна.

– О них труднее всего говорить. Но даже их не всем и не сразу удастся усваивать. Человек медленно меняется. Вот и приходится писателям, забыв о высоких материях, вдабливать элементарные понятия, потому что они являются основой бытия.

– Например, интересоваться степенью уязвимости человеческой души. Как живет человек, который не хочет соприкасаться с реальностью? За счет чего он выживает? Как самые обычные люди под влиянием обстоятельств превращаются в злодеев. Да?

– Если ты о немцах в войну, то они были частью той системы, в которой жили, и нечего их защищать. Простые солдаты тоже виноваты, он шли воевать, надеясь получить кусок советской земли в личное пользование, а русского человека сделать рабом, – жестко заметила Аня. – Немецкие женщины боготворили Гитлера и посылали сыновей воевать. Женщины!! Что в нем было такого, что они ему поверили? Как могла нация, взрастившая Гете и Баха идти на уничтожение других народов?

– И своего, – заметила Инна.

«Анина память застряла в военном детстве. Это ее самое главное тяжелое воспоминание. При малейшем намеке на прошлое оно всплывает из глубины сердца и тревожит, тревожит...» – подумала Жанна.

– Куда тебя повело? О семье речь вели, – удивилась Лена. – Оно, конечно, понятно... Та война – наша боль на всю жизнь. Ее невозможно изжить. История может чему-то научить, только если нам больно... Мой сынок Андрюша в шесть лет после просмотра фильма о войне задумчиво сказал: «Всех людей жалко». А я ответила с горькой усмешкой: «Жалость к фашисту, убившему твоего родного деда, и к твоему деду, погибшему, защищая Родину и нашу семью, наверное, должна быть разной. Или ты не признаешь оттенков? Черное-белое, да-нет». Задумался сынуля. Потом мы с ним говорили по душам, рассматривали старые фотографии. Я всплакнула. Сынок долго сидел, опустив голову. Попытался меня понять. Потом занялся конструктором, но продолжал думать о чем-то серьезном.

– Ты напрямую рассказывала маленькому сыну об ужасах войны? Я читала, что детям надо преподносить сложные вещи художественным языком и разными выразительными средствами. Дети – визуалисты. Для них надо ломать взрослый формат и создавать свою парадигму в искусстве воспитания. Фантасмагория им более понятна. Они проще уходят в метафизичность. У детей, например, насчет существова-

ния Бога до определенного времени нет сомнений, – сказала Инна.

– Все эти способы хороши для развития у ребенка воображения, – сказала Лена. – Но когда закладываешь в него базовые понятия, требуется говорить коротко, четко и доходчиво. Ребенок должен понять, что война – это плохо, но есть Родина и ее необходимо защищать от врагов. Он должен знать, что несет война и как можно ее предотвратить, чтобы избежать грозящей катастрофы. Он должен помнить, что из каждого нашего маленького выбора... вырастает история нашей страны, спасается Россия. Надо чаще с детьми заглядывать в зеркало нашего прошлого, чтобы в глубине его видеть то, что нельзя забывать.

И с подростками надо разговаривать. И лучше, если на равных. Почему Достоевский пишет о корневых, но неизменных человеческих качествах? Потому что эта тема рано или поздно все равно всплывает для любого подростка и очень его волнует. Все проходят через осознание зла, непонимание и обиды. Важно вовремя суметь ему помочь, подсказать, направить. И труднейшие вопросы нашего прошлого мы поднимаем для того, чтобы каждый заглянул внутрь себя и подумал, как он повел бы себя в данной ситуации, кем бы он стал: надсмотрщиком, рабом или борцом за справедливость? Мы обязаны воспитывать личную ответственность.

– Аня, ты не ищешь оправдания ненависти народов друг

к другу? – спросила Жанна.

– Нацизм и терроризм нельзя оправдывать. У таких преступлений нет срока давности, – категорично заявила та.

– А прощать? Немцы повинились перед нашим народом за Гитлера, даже отступные платят евреям, а мы за злодеяния Сталина перед своим – нет, – осторожно сказала Жанна.

– Так ведь перед своим... Но осудили, – сказала Инна.

Аня горячо возразила:

– Сталин – гений, но злой гений. Не могу я простить ему ни коллективизации, ни того как он после войны жестоко подавлял предполагаемый бунт побывавшей за границей армии-победительницы, отправляя героев на смерть, в Сибирь эшелонами... Ни медали, ни ордена их не спасали... Еще отсутствие праздника Победы великому народу...

– И в семьях извиняться не умеем, и на государственном уровне не хотим признавать своих ошибок, – тихо, словно только для себя пробормотала Жанна.

– Насчет того, что в семьях, ты права. Но для стран – это вопрос политики, а не здравого смысла. И он многократно всесторонне изучен, – заметила Аня. – Простите. Я начала разговор за здоровье, а окончила, как всегда... Вернемся к творчеству Риты. Она пишет о несправедливостях в человеческих судьбах, зависящих не столько от объективных обстоятельств, сколько от людей, живущих рядом. Еще о злодействах в быту, если они принимают массовый характер. Она затрагивает вопросы, которые, к сожалению, никогда не

устаревают. Читая, казалось бы, о простых, неприукрашенных событиях, я открывала в ее книгах и второй, и третий план, и мощный подтекст. Умеет об обыкновенных вещах рассказывать так, что за сердце берет, – с задушевной ноткой в голосе поделилась Аня.

– Писать о человеке всегда актуально – вот в чем фишка. А Лена в своих книгах разбавляет грустные моменты иронической интонацией, – заметила Инна и оглянулась на неподвижно лежащую подругу. – А о тупой, слепой силе судьбы не хочет писать.

– В наше сложное во всех отношениях время люди жаждут романтики, утешения, любви и праздника, чтобы отдохнуть душой. А писатели им... Но с другой стороны без трудных испытаний человек не может прийти к перерождению, поэтому в жизни больше бед, чем радости, – пасторским тоном сказала Жанна.

– Успокоила! Дорогие мои, я вас умоляю: переключите внимание на что-то другое. Зачем вы втравливаете друг друга в грустную полемику? Я спать хочу, – вяло пробурчала Лена, накрываясь подушкой.

«У девчонок одно не вытекает из другого, в каждой фразе множественность. И куда растекутся ее ручейки, если между ними столько пересечений? Я то прочно застреваю в непонимании, то утопаю в их многословии», – недовольно подумала она.

Но Инна не слышит ни Лену, ни Жанну, Ане отвечает:

– Ладно, твоя взяла! Я поняла Ритино предназначение. Она пытается сдерживать глупых людей и предостерегать нормальных от необдуманных поступков. Ее философия из разряда действенной доброты. И дарит она всем нам всю широкую палитру своего таланта. Так? Только дураки книг не читают. Понимаю, тоска по идеалу...

«Инка задает вроде бы невинные вопросы, а на самом деле ехидные. Чума сибирская! Тон, тон-то какой! А еще прикидывается ясочкой. Чего добивается? Слишком высокого о себе мнения? Верит в свою будто бы избранность и не допускает мысли, что кто-то, кроме нее, может выразиться лучше? Как о ней сказал Борька? «Она так существует. Афористично мыслит? Нет. Выдает глубоко продуманные импровизации, а реализует их как сиюминутные». В больших дозах Инна невыносима. И откуда она взялась на мою голову? И ведь не выгонишь, хотя в прошлый раз ей было решительно отказано от этого дома. Бесит она меня. Я мнительна?

А может, она таким образом из души свою боль выплескивает? Ее ведь тоже не отнесешь к числу счастливиц, хотя красивая и умная, – вернулась к своим прежним мыслям Аня. – Хотя, смотря что считать умом. Почему я не могу не думать о ней? Переклинивает меня?» – обеспокоилась она.

А успокоившись, опять о Рите заговорила:

– Рита не ошиблась в выборе темы. Она многих трогает. Ее взгляд на проблему собирает широкий круг почитателей. И будет собирать. Ей не приходится бояться, что ее читатель

умрет вместе с ней. Я верю, что хоть крохами, отдельными фразами, а может даже целыми рассказами, но останутся ее произведения в веках.

– Размечталась!

– Тебе, Инна, что-то иное открылось в этой связи?

– Прекрасный забытый Эдем.

– Данный нам еще с детства в ощущениях и в фантазиях... – ностальгически вздохнула Аня.

– Вы подогреваете мой интерес к Ритиным книгам? – спросила Жанна.

«Представляю, на каком уровне велась бы их беседа, не будь они усталыми и вялыми, как сонные весенние мухи, – усмехнулась Лена. – А мне бы сейчас что-либо для души... «Старомодную комедию» Арбузова, с Борисом Тениным и Лидией Сухаревской увидеть бы?.. Какая мощная харизма, какое обаяние! Без них этот спектакль сильно проигрывает. По мне так Сухаревская в нем – совершенство. Жаль, мало была востребована. Новые артисты прекрасные, но в их игре больше юмора, чем душевности. От них не бегут мурашки по телу. Нет, пожалуй, от Владимирова бегут...»

И словно почувствовав лирическое настроение подруги, Инна зашептала:

– Помнишь, как ты поймала огромную щуку? В ее раскрытую пасть мог поместиться мой кулак! Мы ее измерили, взвесили.

– И зубы пересчитали, – пошутила Лена.

Язвительная усмешка тронула губы Жанны:

– Когда завзятые рыбаки рассказывают о пойманной крупной рыбе, я всегда вспоминаю анекдот об огромном рыбьем глазе и уменьшаю все параметры их улова втрое.

– Так то – мужчины, – отвергла обвинение в хвастовстве Инна. – Волшебное воспоминание! Я тогда от радости на мостике, у всех рыбаков на виду отчаянно отплясывала чарльстон!

– А они на тебя чуть ли не с матом, мол, не шуми, – рассмеялась Лена.

– Эх, сейчас бы на рыбалку!

– В принципе мечта не запредельная, осуществимая. Всё в наших руках. Но повремени до весны. На зимнюю рыбалку я больше не хожу, ноги мерзнуть стали. Сахарок в крови и сужение сосудов дают о себе знать, – ответила обещанием на искреннее желание подруги Лена.

– ...Удача улыбнулась Рите. Она уже испытала радость широкого признания. Надо же, прямое попадание с первого раза, с первой книгой. (Чем можно унять и «обезвредить» педагога?) Ею она вошла в литературный фонд России. И все потому, что ее рассказы лишены всяких речевых клише. Она создала свой язык, связанный не только с ее воображением, но и с метафизикой окружающей действительности, – заявила Аня. (Да ну?) – Но главное, что она не давила на читателя фамилиями, авторитетами – я имею в виду рецензии знаме-

нитых писателей, – не преподносила о себе готового мнения, предоставляла им самим себя «открывать».

– Победа! Сумасшедший ажиотаж! – фыркнула Инна. – Обычно у победы много отцов. Это у проигрыша не находится виноватых. Неужели никто не примазывался?

– То, что блистательно удалось Рите, не получилось у других наших сокурсников. Их до сих пор манит недостижимое совершенство, требующее постоянной окрыленности духа. Порой пессимизм полностью побеждает в них оптимизм, но они не намерены сдаваться. (О ком это она?) Видно звезды на небе так расположились, что Рите повезло. Сколько же всего должно было сойтись!

– Я считаю, что Ритино везение в том, что начала она свою творческую деятельность еще до перестройки, – напомнила Инна, охладив этим мистический пыл Жанны. – С ее скромностью величие ей не грозит, но и проблем не снимает.

– Увы, если отношения с прессой и руководством строятся далеко не на любви, они чреваты осложнениями, – сказала общую ни к чему не привязанную фразу Жанна.

– Да, да, – сказала Аня так, что было понятно, что слова собеседницы не достигли ее слуха или понимания.

– Не нам раздавать «знаки качества» и выдавать пропуска и направления в вечность. А вот история с Ларисой, похоже, надолго зависла... и пока без последствий. Этот факт, наверное, тебя, Лена, с ней сближает. – Инна сделала паузу, чтобы оценить впечатление, произведенное её знаниям проблем

далекой подруги. Но реакция Ани была неожиданной. По-своему разгадав извилистый ход мыслей Инны, она заявила:

– Тебя обуюл бес зависти. Так сама сваргань что-то особенное, замысловатое, чтобы на тебя нацелились все фото и кинокамеры мира!

– Повторяешься. Давай на пару? – молниеносно отреагировала Инна с искусно наигранным простодушием хамоватой особы.

«Опять Аня получила свою долю «внимания». Сама напросилась», – про себя отметила Лена.

* * *

Тяготясь долгим молчанием, Аня произнесла слишком пафосно:

– Писатель обязан говорить не то, что от него хотят услышать, а то, чего не ожидают. Он не имеет права лгать, ему приходится идти до конца, потому что это его ответ времени. Биография писателя должна накладываться на канву исторического развития страны.

«Бросается высокими фразами. Должен, обязан... Какие мы тут все умные. Писатель никому ничего не должен. Если только себе...» – усмехнулась Лена.

– Божий дар подталкивает его, внутренний позыв ведет... – начала проповедовать Жанна.

– Куда? – судорожно расхохоталась Инна, сжимая лицо в

ладонях, и пряча голову под подушку.

– И заставляет «в каждом миге видеть вечность!» – в тон Жанне продолжила Аня.

– Срезала ты меня на взлете мысли... Ах, да! И на бред перестройки тоже должен откликаться? А я думала, писатель обязан абстрагироваться от грязи и пошлости, соблюдать с ними дистанцию, – оттянула на себя внимание Инна.

– А как же полное совпадение с эпохой? – официальным тоном, спросила Жанна, еще не поняв намерений Инны.

– Все зависит от расстановки акцентов, от того какую цель ставит перед собой писатель изначально. Рита не отступает от своих гражданских позиций, но ее интересы несколько иные. Экономика и политика – не ее сфера. И она в них не вникает. К слову сказать – не мной это подмечено. В своей жизни люди, как правило, ищут духовного и физического комфорта, а это часто приводит к душевной лени. Задача Риты перевести их из состояния самоуспокоенности в динамичное, действенное, – невозмутимо, с приветливой неторопливостью и с какой-то даже величавой снисходительностью в голосе, будто читая подросткам лекцию, подробно ответила Аня.

– Опять ты мне песню испортила. Людей встряхивает состояние экономики. Мне кажется, человеческое вероломство и коварство, бесчестье и предательство Рите понятней. Не в ее привычке избегать «сражений», – сказала Инна, чтобы подразнить Аню. – Тебя же эти качества тоже больше за-

девают?

– Оригинальная версия.

– Почему же? «Я, бабушка, Илико и Илларион» Нодара Думбадзе – книжка веселая, но и в ней ты нашла что-то с твоей точки зрения неправильное. Помнишь, тебя возмутило, что мальчишка, кое-как учившийся в школе, поступил в институт.

– А тебя не возмутило?

– Мелочи тебе заслоняют горизонт.

– Взятки, коррупция – мелочь? Да это самое главное, с чем надо бороться, если мы не хотим погубить нашу страну! Если бы удалось вернуть в страну все деньги, которые прячут за границей олигархи, наши люди жили бы несравненно лучше. Вложили бы их в родное производство, построили бы дороги и жилье в Сибири.

– А ты уже всё просчитала? Попробуй подходить к проблемам с разных сторон. Облегчу тебе задачу, напому школьную математику. Используй хотя бы метод от противного, позволяющий глубже раскрывать сущность предмета, явления и ситуации.

По мне так лучше бы Рита отыскивала в людях положительные качества, а не закапывалась в недостатках. Сколько в человеке всего прекрасного! Велик человек! Литература должна быть оптимистичной и пытаться создавать идеального человека. Как тебе такой вариант?

– Идея так себе. И много раз апробированная. Уже можно

проследить эволюцию ее развития.

– А кто из литературных героев для тебя сейчас ближе всех стоит к идеалу?

– Князь Мышкин, который демонстрирует идеальное состояние человека. Он счастлив даже не будучи влюбленным в женщину. Он как ребенок неосознанно любит жизнь, людей, природу, – сказала Аня и получила в ответ Иннину брезгливо-недоуменную мину.

«Опять подначивает, подбивает на спор? Не найти мне на нее управу», – рассердилась Аня и резко, с вызовом и отчаянной гримасой на лице ответила:

– Создай своего идеального. Инициатива наказуема исполнением.

– Наотрез отказываюсь. Слишком высокая честь для меня, госпожа учительница! Спасибо за доверие. У меня нет слов, чтобы выразить чувство благодарности, переполняющее мое сердце, – привычно принялась юродствовать Инна.

– Опять «стервозную муру» запустила?

– Только заметив недостатки, можно от них избавиться, – настырно продолжила игру Инна, не желая признавать себя побежденной.

– Вот тут ты права, – торопливо согласилась Аня, хотя понимала, что тон сказанного Инной не соответствовал его содержанию.

«Инна нарочно говорит заведомо противоречивые фразы. От скуки упражняется в злословии и пустословии, – вздыха-

ет Лена, осторожно переворачиваясь на бок. – Еще в студенческие годы я объясняла Ане, что если бы она не реагировала, Инне не было бы интереса ее дразнить. Получается, что сама подставляется под удар и оказывается в «бедственном» положении». Но плечо подруге Лена все-таки предупредительно сжала.

– Творение писателя – важный документ своего времени, – обращаясь только к Ане, продолжила разговор Жанна. (Подобные фразы уже стали общим местом.)

– А в Ритиных книгах иногда звучит простодушие начинающего писателя, – заявила Инна, вскинув высокие брови. «Теперь Жанну взялась изводить», – подумала Аня.

– Насколько я поняла из рассуждений Ани, Рита не лезет в «чернуху», ей претит транслирование и тиражирование отклонений в жизнедеятельности общества и отдельных людей. Но простодушия у нее не наблюдается, – сказала Жанна. – Я с большим скепсисом отношусь к произведениям, акцентирующим внимание на гадких и жестоких человеческих пороках. Есть этический предел открытости, искренности и откровению. Человеческая душа – слишком тонкая материя. Ее извивы, в конце концов, – это слишком личное. Надо помнить о чувстве ответственности за всех и каждого.

– Тем более, если эти произведения на потребу миллионной толпе? – спросила Инна.

– Толпе? Какая спесь! Ты говоришь о читателях без долж-

ного уважения, значит и о себе тоже? Справедлива... до глупости. Что, сама обмишулилась? – Жанна не упустила возможности мстительно подметить оплошность и «наградить» Инну ее же презрительным словечком.

Инна, как всегда, на неприятное заявление не обратила ни малейшего внимания.

– Чтобы иметь успех в творчестве, надо верить в то, что делаешь, реально оценивать себя и тех, кто вокруг.

При слове «вокруг» Лена отвлеклась от «школярского» высказывания Ани. Ей припомнилось недавнее собрание. «Я, скучая, разглядывала коллег. Стала сравнивать лица двух рядом сидящих мужчин. Оба приблизительно одного возраста, кареглазы, седы. У обоих веер морщинок у глаз. У одного они выдавали глубокую печаль много пережившего человека. Когда мужчина улыбнулся, эти морщинки излучили удивительно нежный, теплый свет. Они на самом деле светились! Я видела. И в тот момент почувствовала к этому малознакомому человеку неожиданно сильное расположение. Он притягивал. Мне еще раз захотелось увидеть его искреннюю, чуть усталую улыбку равнодушного человека. Мне даже на миг представилось, что она обращена ко мне. А вот у другого морщинки говорили о беззаботности легко живущего человека. И улыбка у него была горделивая, самовлюбленная и какая-то барская». Лена улыбнулась своим мыслям и «уплыла» в добрые моменты своего прошлого.

Инна задумчиво сказала:

– Почему бы Рите, как это бывало во все времена, не писать книги в иносказательной форме, сделав переброс во времени – во вчера или в будущее, и поместив своих героев в некоторое мифическое царство-государство? Там легче спрятать самые острые моменты современной жизни. У нее получались бы прекрасные грустные метафизические произведения. В них можно было бы открыто сообщать о том, как трудно живется в современном мире неглупому, но патологически честному человеку, желающему добиться успеха, анализировать не только его поведение, но и причины неудач. Разве ей не хочется иначе ярко состояться здесь и сейчас?

Без фантазии жить скучно, а без надежды на чудо трудно. Сказка притягивает, завораживает своей пещерной эстетикой, радует, раскрепощает. Реальность обыденна, тускла, однообразна и рутинна; изредка забавна или драматична. Каждому из нас дается шанс талантливо прожить в своем времени, как его ни назови: застой, перестройка. Главное, не упустить его. (А сколько их ты профукала?) Надо всегда быть готовым к моменту, к случаю, который может подарить тебе судьба. Лена с Ритой вправляют мозги девчонкам и мальчишкам, да и более взрослых направляют на путь ис-

тинный... чтобы «алые паруса» не закрывали от них реальный мир. Но этого мало.

– Разве Риту что-то не устраивает в ее собственном творчестве? – недоверчиво уточнила Жанна.

– Опять к многовековым сказкам? Я понимаю, мифы украшают жизнь, потому что в них не рациональные факты, а эмоции, но в современной литературе и без того предостаточно диких, подчас необузданных, почти шизофренических фантазий. К их «изыскам» приходится приноравливаться, привыкать. Кто-то должен интересно, просто и честно рассказывать о своем времени, – возразила Аня.

– Ну, если только по гамбургскому счету, – проехала Инна. – А ты все же вспомни предельно ядовитые, прекрасные бессмертные сказки Шварца – мастера иносказания, его «детское» умение обычные вещи трансформировать в сказочные, вызывающие цепную реакцию добра. И чудные притчи, аллегории и метафоры с мистическим оттенком мрачности – Гофмана. Или возьми современного комедиографа Григория Горина. У него парадоксальный философско-притчевый талант. Сказки многое позволяют и от многого освобождают. В них же не документальная или художественная фиксация событий, а метафора жизни, ее главный посыл. Будучи не привязанной к конкретному времени, Рита может вроде бы шутивно «разносить» своих врагов, невзирая на существующие авторитеты. И острые политические моменты представлять в виде злой сказки. И все пройдет на

ура, всё сойдет ей с рук. Никто не станет ей диктовать, как и о чем писать. Это так называемое ненасильственное сопротивление злу. К тому же сказки навевают неожиданные аллюзии. В них можно такое «напророчить»!

– А главное – зашифровать, – добавила Аня.

– Автор, используя ослепительный метафорический язык и яркий нажитой народный, – это когда сам язык становится героем произведения, – смело затрагивает и сиюминутные категории, и вечные. Как говорит наш любимый Святослав Белза, в произведении «должен присутствовать ингредиент волшебства». Для писателя правдивость вымысла существеннее верности факту. Совершаешь перескок в другую эпоху – и ты вольная птица. На «карнавале» сказочных персонажей легче быть честным, проще закладывать главную идею замысла.

Пусть Рита отпустит на волю свою фантазию и тогда оставит в литературе несравнимо больший след. А еще пусть делает вид, что шутит, и ей позволят шутить. Видишь, и я Рите поспособствовала. Мне иной раз кажется, что в придуманном мире больше правды, чем в реальном. Мы все где-то сбоку от правды. Человеку часто слишком тяжело ее выдерживать, тем более, что правд много, а истина одна... и труднодостижимая. В своей жизни мы все оценки прячем, а в сказке все открыто. Я серьезно, ей Богу. В реальности везде ставки и иногда они больше, чем жизнь. А тут... Лена, что скажешь, что посоветуешь? Взять Рите «на карандаш» мой

совет? Глядишь, обретет новое лицо, в «золотой фонд» войдет! Ой, я просто заболела этой мыслью. Вот где происходит встреча прекрасного материала с глубоко законспирированными идеями! Пусть расширяет и разнообразит не только экспозицию, но и фабулу. А если поставить вопрос шире?

– Я ей не советчица, – сухо ответила Лена подруге.

– «Играй, да не заигрывайся, шути, да не зашучивайся».

Не стреляешь ли мимо цели? А то потерпишь сокрушительное поражение, и что тогда? – неодобрительно покачала головой Аня. – Рита пишет о своем поколении открыто, она воздает ему должное, не отметая плохое, не захваливая хорошее.

– Трудно попробовать, что ли, – пожалала плечами Инна.

– Зачем теперь камуфлируют действительность? Боятся... как при Сталине? – недоуменно спросила Жанна.

– Направление называется фантастический реализм. Это смещение границ реальности...

– В мозгах, – прервала Лену Аня.

– Мужчинам неинтересно читать о том, что они видят вокруг. Им хочется доискиваться до истины, раскапывать ее, – лукаво, как ей самой показалось, заметила Инна.

– А и правда, – на удивление быстро согласилась Аня.

– Не в моих правилах что-то советовать. Не ровен час, кого обижу. Но я и не отговариваю. Сама я больше за то, чтобы от условности возвращаться к реальности. Потому что это мое, – улыбнулась Лена.

– Гоголь был фантастический, фантазмагорический реалист, хотя и сказочник.

– Ну и словосочетание ты придумала, Жанна! Ты имеешь в виду его «Нос»? По мне так это полная шизофрения... патология одаренности, особое строение воображения. Писательская психика часто бывает на грани. Может, он на самом деле так воспринимал реальность? Помнится, в детстве от его слова «бьяша...» меня мороз по коже пробирал и совсем нехорошо делалось во всем организме. И тогда мне казалось, что автор больной... и что у него отклонение, доведенное до гениальности, – осторожно пожаловалась Аня. – И, памятуя это, я...

– Как пронял!! До печенок? Талантище! И у кого это отклонения в мозгах?.. Ну, ты даешь! Это же художественный прием. Выдавливай из себя страхи сквозь трещины сознания. Не только «Сон разума рождает чудовищ», но и ужас. Шучу, не злись. Переживать подобные ощущения – большая роскошь. И это только подтверждает, что Гоголь прекрасный астральный мистический писатель. Он видел, чувствовал и умел передать то, что редко кому дано! – восхищенно сказала Инна. – Великому художнику слова иногда позволительно «сходить с ума».

– Этого я не отрицаю. Но некоторые – не стану называть их фамилии – за своей оригинальностью и ортодоксальностью скрывают абсурдную безвкусицу, утверждая, что норма в искусстве – это скучно. Иной фильм или выставку по-

смотришь и думаешь: не в психушке ли я? – выстрелила Аня в Инну крупнокалиберным снарядом.

– Ого! Пора выдвигать вперед бронетехнику. И это дело, не терпящее отлагательства, – азартно подхватила с матраса Инна.

– Есть мнение, что эти приемы отжили свой век, – сказала Лена, испугавшись, что возникнет диспут об абстракционистах или еще того хуже... – Когда в обществе происходят перемены, в писательстве тоже возникает что-то особенное. Жизнь сама диктует и выдвигает на первый план свежие идеи, иную эстетику, новых лидеров.

– Новая Россия, новая жизнь, иная литература, – поддакнула ей Жанна. – У каждого поколения свои герои.

– Мне кажется, людям, не знавшим подробностей нашей жизни, уже через пару поколений будет трудно понять, что зашифровали нынешние «оригинальничаящие» авторы в своих произведениях, тем более, что объяснениями они не балуют. Современникам и то иногда эта задача представляется ребусом. Такого понапридумывают, что не со всяким воображением дотянуться до понимания, – неуверенно заметила Аня.

Но Инна с восторгом продолжила развивать свое предложение:

– В сказке можно быть предельно занимательным. Главное – больше тайного, секретного, с первых шагов недоступного пониманию. Ведь тайна – способ удержания внима-

ния читателя. И как просто! А иначе Рита со своим реализмом-идеализмом может выглядеть на фоне фантастов примитивным нытиком.

«Инну можно принимать только в гомеопатических дозах», – подумала Жанна и рассмеялась:

– Даем советы писателям! В сказках кажущаяся простота. Поди, попробуй, напиши... умница ты наша «дорогая». Не каждому это дается. Идеи, сюжеты, методы носятся в воздухе, да мало кто их улавливает. И в головах у людей много чего витает, да наружу не просится.

– Мои встречи с детьми часто заканчивались тем, что они, восторженные и вдохновленные нашей беседой, обещали подробно написать о самых интересных историях из своей жизни, хотя я просила их анонимно сообщить о каких-либо особенных фактах лишь двумя строчками, остальное, мол, мое дело, писательское, – поведала Лена.

– И ты жила в предвкушении? – спросила Инна.

– Нет, я понимала проблемы детей, их способность переоценивать свои возможности, и догадывалась, что ничего от них не получу. Их желания часто не совпадают с навыками и способностями. Но я пытаюсь пробудить в них желание писать, – с выражением доброжелательной заинтересованности в разговоре ответила Лена.

– Мы в школе много тренировались, пописывая серьезные и юмористические статейки в еженедельную классную газету или в ежемесячную школьную. У нас здорово выходило! –

вспомнила Инна.

– А я в детстве часто в своем воображении рисовала прекрасные картины, но когда брала в руки карандаш – ничего не получалось. И с музыкой так же было. В голове возникало идеальное звучание, а голосом достичь его не удавалось. Это меня очень удивляло и огорчало, – призналась Аня. – Я восхищаюсь теми, кому доступно то, что я сама не умею делать.

– Мне принять твои слова как признание? Не давали покая лавры великих художников и певцов или хочешь испытать чувство причастности к какому-то великому свершению? Разница между желаниями и тем, что ты на самом деле могла, оказывалась слишком большой? Все предельно ясно...

Ане кислая ухмылка, перекосившая рот Инны, показалась садистской, и она печально пробормотала:

– Вот ты как повернула. Нагнетаешь. Не стану ни подтверждать, ни оспаривать. Изощрайся сколько душевненьке твоей угодно.

И обидчиво добавила сквозь зубы:

– Репутация важна. Она – все, что от человека остается после смерти. Но ты за меня и мою репутацию не волнуйся... Тебе эта насмешка не сойдет... когда-нибудь. Не от себя шалей, а от того, что несешь людям... Не вылепить хорошего человека, если он сам того не хочет.

А успокоившись, серьезно обосновала свой «провал» как художника:

– Разве ты в юности не проигрывала в голове оперные арии? Но когда пыталась пропеть их вслух, понимала, что нет таланта. Сошлюсь на свой опыт, хотя это может быть не корректно. Маленькой, я очень любила танцевать. Но когда я, необученная, «выделывала различные па», мир балета, наверное, содрогался. Я думаю, у всех людей существует интервал между желаниями и возможностями. У одних он сужается или вообще исчезает с помощью обучения, а для других некоторые их желания так и остаются неосуществленным по причине недостаточных способностей. В этом нет ничего зазорного. Не зря же люди ищут ту область знаний, где они в полной мере могут себя проявить?

– Любое творчество – бактерия заразная. Позволю себе небольшое допущение. Инна, а что тебе мешает взять в руки кисть? – поймав нужную тональность, с улыбкой Моны Лизы предложила Жанна. – А тебе, Аня, – перо. Лена посодествует. Кто из вас первой будет передо мной ответ держать? Кто «упадет, побежденный своею победой»?

– Крайне неудачная шутка. Чего ты добиваешься? Не созрела до понимания моих рассуждений или даже не вникала? – устало вздохнула Аня и демонстративно накрыла голову подушкой. Но обида все же выстрелила сердитой мыслью: «Ты же не Инна. Глупость и бестактность тоже заразны?»

И все же паузу опять нарушила Аня. Ее распирало желание высказаться.

– Я хочу начать с мысли о том, что взаимоотношения между людьми – это непрерывная череда задач с бесконечным числом переменных, – с искренним воодушевлением продекларировала она, – а писатели...

– Искусство тяготеет к вечным истинам. Но жизненные ситуации меняются и их надо разрешать, – иначе попыталась сформулировать ту же мысль Жанна.

– Не обязательно так уж подробно все разъяснять и до-сказывать читателю. Надо оставлять ему место для воображения. Своим чутьем и умом ему надо кое-что постигать, по-наитию, – сказала Инна.

– Я о детях, – возразила Аня. – Всё давно изучено и рассказано, но каждому следующему поколению надо заново объяснять, повторять и растолковывать всё, что было известно предыдущим. Только всякий раз как-то иначе будить его лучшие чувства. Например, книжки из нашего раннего детства современным малышам очень скоро становятся неинтересными, они быстро вырастают из них, а вот наши любимые книги школьного периода для современных подростков – большая интеллектуальная нагрузка. Им намного труднее читать многостраничные произведения, чем нам. Спешу за-

метить: мы-то жили в мире прекрасных литературных героев и книги проглатывали десятками, хотя сначала не понимали, что они – мощная платформа для душевного и духовного здоровья нации. Нам просто было интересно.

– Теперь мультфильмы заменяют детям книги и отучают их читать, – заметила Инна.

– Рита понимает ситуацию и пишет для детей сжато, в несколько строчек закладывая смысл. Ее книги – шедевры ясности и чистоты. А когда для взрослых что-то создает, то позволяет разгуляться своему воображению. И это правильно. Книга оживает в руках подготовленного читателя, – сказала Аня.

– У молодых есть любопытство и любознательность, и это стимулирует их к чтению, особенно если книга хорошо разрекламирована, – подметила Жанна.

– Интерес может и есть, времени нет, – возразила Инна. – Компьютер его съедает, Интернет. Так и вижу своего любимого племянника по линии младшей сестры: одна рука на клавиатуре, вторая с телефоном. Муж сестры как-то пожаловался: «Раньше я много работал и не имел возможности уделять внимание детям. Думал, внуками займусь. Но теперь они заняты. Дверь в свою комнату закроют и сидят целый день за компьютером, за уши их не оттащишь».

– Теперь трудно даже очень хорошую книгу неизвестного писателя сделать достоянием читателя, – вздохнула Лена.

– Рита свои прожитые годы может считать полезно проведенными. Чего ей и в дальнейшем желаю. Ведь когда богатство твоей души живет еще и вне тебя – это двойное счастье! – Жанна решила создать благоприятный фон для беседы.

«Настал черед Ане высказаться», – подумала Лена и услышала:

– Может, Рита и не найдет ответы на все острые вопросы, но в самой ее попытке есть серьезное геройство.

– Геройство? Превозносишь, говоришь ни к чему не обязывающие добрые слова «собрату по цеху»? – не пылая дружелюбием, спросила Инна. Она явно намекала на Анины рецензии.

– Больше ни в чем меня не заподозришь?

Аня еще что-то порывалась сказать, но Инна опередила ее брезгливо произнесенной фразой:

– Задания писателям расписали и по полочкам разложили, осталось расставить их самих по ранжиру, в порядке народного обожания.

Инна выжидающе посмотрела на Лену.

Но та промолчала и только подумала: «Заниматься этим, это как в деревне у колодца старушкам обсуждать уроки сольфеджио. С тобой, дорогая, невозможно предугадать, в какую сторону повернется дискуссия».

И у Жанны, перехватившей взгляд Инны, мелькнула мысль:

«Удивительный дар вызывать к себе неприязнь. И как это качество до сих пор не отвратило от нее Лену? Какая-то в этом есть неосознаваемая мной натяжка». Но вслух она сказала о другом:

– Меня сейчас больше интересует, что изменилось в человеке за последние семьдесят или хотя бы десять лет.

– Новая эпоха поменяла интересы. Время диктует вкусы. Раньше людям хотелось быть порядочными, а теперь богатыми, – вздохнула Аня. – Вот я и спрашиваю себя...

– Хотеть не вредно, – хмыкнула Инна. – Допустим, некоторым женщинам в жизни не хватает страсти, их привлекает невероятная чувственность. (Кому что.) А где они ее могут найти? Только в книгах.

Но Аня не повелась на Иннины рассуждения, она решила на своем настоять, свой «припев» повторить:

– Раньше в жизни было больше смысла, доброты, а значит и счастья. Выбор Ритой последней темы не случаен. Она подсказывает читателям, что никогда не поздно найти свою судьбу. Она пытается их ободрить, поддержать.

– Вот откуда к нам снова приходят уже набившие оскомину фразы: «И хотя нам платили до обидного мало..., но мы, не находили в том ни вины своей, ни беды». «А теперь вокруг лица с общим, одинаковым выражением давят нас пошлостью и примитивом. Где человек думающий, чувствующий? Где личности? Исчезла иерархия в культуре, канули в Лету авторитеты». Конец света! – Инна цинично рассмеялась. –

Может, еще вспомним о средневековом немом восторге и преклонении перед красотой женщины? Не марксизм-ленинизм, не атомная бомба, а развитие науки и особенно электроники изменило нашу цивилизацию. И теперь толпа обрела в интернете голос, сотни тысяч дураков позволяют себе на весь мир говорить не только глупости, но и гадости. Каждый считает себя экспертом по любым вопросам, включая управление государством. Им нечего сказать, но они говорят и пишут! Хор невоспитанных тупых голосов. Какая там этика? Вседозволенность! Улица и интернет предлагают одно, школа и семья – другое. Для меня многое в интернете чуждо и даже страшно. И я не хочу, чтобы оно победило наших детей. Еще Аристотель писал: «Кто движется вперед в науках, но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед». Что из них, из этих писак, вырастет? Качнется ли маятник в сторону духовных поисков? Я хочу и в Интернете читать умное и прекрасное.

– Качнется, – спокойно ответила Лена.

«Однако, как Инна о молодежи!.. А подруги? Однажды лебедь, рак и щука...» – Лена до боли стиснула «гудящие» виски ладонями.

– Инна, прогресс виноват в отсутствии совести у людей? Может, еще и сама природа? Так она самодостаточна и несет нравственный заряд. Миллионы глупцов... Ты слишком плохого мнения о качестве человеческого материала. Но вот что настораживает: заявитель всегда прав. Оправдывать-

ся трудней. Тема требует прокачки, поэтому сама подробнее расшифруй сказанное, – недовольным тоном предложила Жанна.

– Ой, не надо, – взвизгнула Аня.

– Что ты вопишь, как ненормальная? Киру разбудишь, – зашипела на нее Жанна.

– Грань нормальности и ненормальности так тонка! К тому же существует процесс двусторонней диффузии, – хихикнула Инна.

Лена посмотрела на нее с удивлением и явным неодобрением, но уже через несколько секунд выключилась из происходящего.

Аня обидчиво промолчала, но после паузы с новой темой все-таки повернулась именно к Инне:

– Мне кажется сумею предельно искренне, абсолютно естественно и интересно написать о великой любви двух обыкновенных людей – и есть самое трудное для писателя.

– Для тебя, – слегка ущипнула ее Инна.

– Уволь, это не ко мне.

– Теперь и в фильмах про любовь только богатых людей показывают, потому что про обыкновенных и бедных не получается создать увлекательный сюжет. Их жизнь монотонна и неинтересна. К тому же в кино выполняется принцип: снимаешь о простых людях, делай это не изошренно». А это скучно. Бедные смотрят современные сериалы и дума-

ют: «Нам бы ваши заботы», – вздохнула Жанна. – Там же у них все только вокруг денег крутится. «Одна, но пламенная страсть».

– Перечитай пьесы великих писателей древности или нашего Островского, может, успокоишься и развлечешься, – посоветовала ей Аня.

– Они про пейджеры и мобильники? – пошутила Инна.

– Глупо, но мило. И как тебе в голову пришла такая «неожиданная» мысль? – Жанна посмотрела на Инну долгим, пристальным и спокойным взглядом. И ей впервые со времени их встречи пришла догадка, что она и ее может за что-то недолюбливать.

– Умные и глупые мысли приходят в голову одинаково неожиданно, – беззаботно рассмеялась Инна.

«Мне не всегда доходит подтекст их разговоров. Я только-только начинаю вникать и осваиваться. И все потому, что мало знаю об их жизни», – предположила Аня, недоуменно поглядывая на подруг.

– Не понимаешь ты шуток, Аня. А они ведь жизнь украшают, – снова включилась в разговор Инна.

– Все зависит от того кто и под каким соусом их преподносит, – обидчиво огрызнулась «обвиняемая». – Я понимаю юмор, но не умею его воспроизводить так, чтобы было смешно. Не всем дано.

– Любишь потреблять? Не заметила, – покривила губы Инна.

Аню всегда выводили из себя открытые уверения в ее неспособности легко смотреть на жизненные проблемы. Она понимала, что в основном люди правы, но ей не хотелось этого признавать. И пресечь разговоры о себе не умела. «Я сама себя не устраиваю и всю жизнь воюю со своими патологическими недостатками, – оправдывала она себя. – Наивность не самооценочна только у маленьких детей. Они не понимают своей доверчивости, а у меня на первом месте доброта и жалостливость, вот и влипаю в истории.

На днях встретила дочку своей бывшей сослуживицы. Разговорились, конечно. Я об ее успехах спросила. Потом вспомнили общих с ее мамой знакомых. И вдруг она мне говорит: «А вы знаете, Иван Александрович умер. Ему только сорок пять лет было». Я разохалась, мол, какой хороший человек! Но когда мы разошлись в разные стороны, подумала: «А далеко ли яблочко от яблоньки упало? Ее мать-сплетница разные гадкие «фокусы» на мне много раз апробировала». Позвонила я Ивану Александровичу – он мой бывший ученик, – и мы с ним очень мило побеседовали.

На чем эта гадкая женщина хотела сыграть? На том, что я сама не делаю пакостей и от других не жду? Думала, что я, сочувствуя семье «почившего», не проверив информацию, дальше понесу горькую весть и окажусь в неприятной ситуации? А ведь по возрасту она мне в дочери годится. Ничем я не заслужила такого к себе отношения, даже напротив, когда она была маленькой, делала ей и ее классу приятное: снима-

ла все их школьные события и пачками бесплатно раздавала детям фотографии. Да вот поди ж ты... обидела меня. А за что? Ей нравится делать людям неприятности? Она считает себя умнее?» – Аня горько вздохнула. Ей вспомнилась шутка из мультфильма: «Мелкую пакость не придумывают, при взгляде на ближнего она приходит в голову сама по себе». Но на этот раз она ее не рассмешила.

– А ведь и правда, я часто не понимаю юмора. Недавно по телевизору расхваливали одного знаменитого артиста, захлеб приводили примеры его великолепных шуток. Этот человек страдал бессонницей и развлекался тем, что посреди ночи многократно через каждые пять минут будил своих знакомых, измененным голосом сообщая им, который час, чем доводил до бешенства, до изнеможения и истерик. Я была потрясена его «чувством юмора». Хоть убейте, не понимаю я и людей, на всю страну восторгающихся столь непорядочным поведением своего коллеги. – Аня нервно разломатила себе волосы на затылке.

– Тут какая-то каверза, – неуверенно пробормотала Жанна. – А со мной «вживую» недавно произошел «препотешный» случай. Пришла я в гости к подруге, а ее сын и муж вслух читают «Домоводство» советского года издания и до слез хохочут, ну просто катаются по дивану от смеха. Не вытерпели мы с подругой, подошли к ним. Я уж дословно всего не помню, но суть услышанного состояла в том, что автор советовал к приходу с работы усталого мужа умыть и нарядить

детей, красиво сервировать стол и ничем не беспокоить благоверного, пока он ни поест и ни отдохнет с газетой в руках.

«В каком веке живет этот автор? На какой планете? И это он советует нам, работающим женщинам? – удивилась и возмутилась моя подруга. – Это насмешка или злой умысел?»

Следующий совет был еще интересней. Что-то типа того, что жена должна быть благожелательной, когда муж подает ей гвозди или придерживает лестницу, пока она приколачивает к стене картину. И это написано всерьез, не в разделе «юмор». Автор всё с ног на голову перевернул. «А рожать мужу вместо жены он не советует попробовать?» – грустно воскликнули мы с подругой в один голос.

А дальше предлагалось еще более «смешное». «После совершения интимного акта с женой, вы должны позволить ей пойти в ванную, но следовать за ней не нужно, дайте ей побыть одной. Возможно, она захочет поплакать», – с искренним сочувствием пишет автор. «Почему женщина плачет после секса? Не удовлетворена? Муж вовремя не... остановился? И что смешного в том, что он, извините за выражение... козел?» – подумалось мне.

Мы долго стояли и смотрели на двух от души хохочущих мужчин в возрасте двадцати пяти и пятидесяти лет и пытались понять, что же их так рассмешило? «Да, конечно, смешно... и неприятно, что эти «шедевры» издавалась миллионными тиражами и попадала в каждый дом! За чью-то глупость приходилось платить... Смешно... и обидно то, что

подобные перлы преподносились как нечто умное и полезное. «Гениальный» автор! Женщина такое не написала бы. А куда смотрел редактор? Мужская солидарность? Над этими строками надо плакать, а не смеяться», – недоумевала я вслух.

«Так ведь не им горько, нам... Мужчины, читая, не углубляются в суть, скользят по поверхности, да еще в восторг приходят от самих себя? У них же есть чувство юмора!.. Какие же мы все-таки разные», – грустно усмехнулась моя подруга и побежала на кухню спасать котлеты. А мне от ее спича сделалось грустно-грустно... Что было, то было. От себя не скроешь, из памяти не вычеркнешь, – вздохнула Жанна.

– Наверное, женщин больше волнует внутренний мир человека, его переживания, а мужчин – внешние проявления жизни, – предположила Инна.

И Аня рассказала беспокоящую ее историю.

– А я как-то смотрела в гостях многосерийный импортный комедийный фильм про учителя, который, чтобы поправить бюджет своей семьи, стал делать и продавать наркотики. Все гости, включая меня, дружно хохотали, потому что артист, исполнявший главную роль, был неподражаемо талантлив. И вдруг я ужаснулась: «Учитель не думал о людях, которые погибнут от его наркотиков?!» Я, конечно, понимала, что это комедия, но смотреть ее и тем более смеяться мне расхотелось. «Мои друзья хорошие добрые люди, но когда их захлестывают эмоции, они не видят плохого? Я рассуждаю

как педагог? Позволить моим подопечным посмотреть этот фильм или нет? От всего плохого не оградишь. Разрешу, но объясню», – завертелось в моей голове. Но настроение все равно уже испортилось.

– И ты принялась совестить своих друзей? – спросила Инна.

– Отстань, – как от назойливого комара отмахнулась Аня.

– Как иногда сказанная человеком милая шутка сразу к нему располагает! Как-то по воле случая, я попала в качестве зрителя в зал, где должны были номинировать на премии наших писателей. Аня, ты тоже там присутствовала. Помнишь? – спросила Инна. – За столом вперемешку сидели писатели и члены комиссии. Я пошутила, мол, надо бы вас развести по разные стороны. И одна женщина из комиссии мне влет ответила: «Мы не на дуэли». А я ей: «И все же сегодня вам придется стрелять без промедления и, главное, без промаха». И так этот маленький диалог хорошо прозвучал, что мы обе улыбнулись, хотя до этого настороженно приглядывались друг к другу. Потом я у одного незнакомого мужчины спросила:

«Вы тоже писатель?»

«Нет, сочувствующий», – ответил он с приятной улыбкой. И я почему-то перестала волноваться, словно уже не ожидала от комиссии сокрушительной критики на произведения своих друзей и будто стопроцентно поверила в справедли-

вый исход мероприятия.

– Последние сомнения отпали? – насмешливым эхом откликнулась Жанна.

Инна не ответила. Ее взгляд был направлен внутрь себя. Мыслями и чувствами она была уже слишком далеко, чтобы услышать, кого бы то ни было.

Аня продолжила ее рассказ:

– Я тогда тоже обратилась к тому же доброжелательному человеку: «Попасть в номинанты тоже престижно?»

«Это, конечно, еще не награда, но уже событие, предполагающее в перспективе возможность восхождения на Олимп», – ответил он мне. Я заметила, что глаза у него были грустные, и подумала, что он тоже из пишущей братии.

– Хочу чего-нибудь веселого и радостного! Хочу простоты и естественности! – вдруг возопила Аня и автоматически оглянулась на дверь.

– Читай тома анекдотов. Очень освежает. Они, как сказал Карел Чапек, комедии, спрессованные в секунды. Их теперь горы на книжных прилавках. В свое время они меня из депрессии вытащили, – сказала Инна и попросила Лену:

– Не в службу, а в дружбу передай мне туесок с пряниками. Наша «милая» беседа возбудила во мне аппетит.

– Неожиданный ты, Инна, человек, – пробормотала Жанна.

А та в ответ только плечами пожала.

– Твой «роман» с мучными и сладкими продуктами так и

не сошел на нет? – удивилась Лена, передавая подружке плетеную вазу.

«Я уже жалею, что сама того не желая, подтолкнула девчат на разговор о литературе. Не стоит он того, чтобы ему посвящать полночи. Не надо было потакать Инессе», – устало подумала Лена, тяжело опускаясь на матрас.

* * *

Жанна заговорила тихо, вдохновенно и романтично:

– Я за высокое и глубокое отражение таких тем как жизнь-смерть, любовь-ненависть или как соотносятся реальное время и вечность; я за столкновение различных импульсов чувств, когда человек живет с неизбежным пониманием своей судьбы, если все его помыслы...

– И так далее, – обидно рассмеялась Инна. – Чтобы любой компании придавался ореол борьбы за человека, за веру, утверждающую, что свет плодотворен, тьма бесплодна, мысль безбрежна. И тому подобное. Наслышаны мы, под завязку этим накормлены. Это позавчерашний день литературы. Твоя гипердоверчивость и безоглядная вера в чудо – неиссякаемы. А я приветствую разнузданные фарсы. По мне насыщенные роковой страстью трагедии и сумасбродные комедии. Я могу рассчитывать на твою поддержку и понимание?

– Если только всё культурно и интеллигентно, – смущенно

и неуверенно пробормотала Жанна, застигнутая врасплох то ли на самом деле изощренной, то ли выдуманной откровенностью Инны.

– И без мата? – хихикнула в ладошку Инна.

– Не совестно тебе? – оскорбилась Аня – Плохое само легко и быстро внедряется, а хорошее приходится терпеливо и настойчиво прививать. И если принять во внимание, что доброе слово соединяет, а злое и грубое разъединяет, то...

«Не дай бог скатятся на проблемы воспитания», – буквально холодея, подумала Лена и плотнее завернулась с головой в одеяло.

– Меткое наблюдение, – съязвила Инна, прервав Анину пылкую речь. – Примазываешься к классикам типа Макаренко? Мозги еще не проели советские нравственные императивы? Что глаза пялишь? Дара речи лишилась? Ты посмотри на себя в зеркало – портрет кисти Никаса Сафронова или Шишова? Нет, Ван Гога или Пикассо. Сколько в нем экспрессии! Красота неизреченная!

– На себя обернись, – обидчиво отрезала Аня.

– Невероятно, непостижимо! Просто прелесть. Погляди-те, какая недотрога. Ты ли это? – воскликнула в полном восторге Инна. – Заводишься, куксишься как маленькая.

– Несет тебя... Опять все переиначила. Насмешничаешь, издеваешься, неистовствуешь. – Аня страдальчески скривилась. – Да, я слишком эмоциональная, даже нервная. Да, я говорю элементарные вещи, потому что о них часто забывают.

Вот ты, наверное, думаешь: какое право имеет Рита писать о грустном, если детдомовцев у нас меньше одного процента от общего числа населения, о пьяницах, если их не пятьдесят процентов или о сплетниках, портящих жизнь не одной сотне тысяч людей? Еще о безразличии, о безответственности... Мол, кому нужны непреложные, примитивные истины?

Ты настаиваешь на том, чтобы писали о великих личностях, гордились ими, подхлестывали самолюбие? Я не против, такие примеры нужны, но я хочу, чтобы создавали интересные позитивные фильмы о современных людях, живущих в коммунальных квартирах или съемных углах, о тех, которые, получая гроши, умудряются преданно и творчески служить отечеству, любить, растить прекрасных детей. Вот это были бы настоящие народные герои!

– Герои капиталистического труда?!

– Инна, перестань бессовестно изводить Аню, – сдержанно попросила Жанна. – Вцепилась мертвой хваткой. Зверей тоже любят, но воспитывают, в основном, методом... кнута и голода. Получила от меня «мастер-класс»? Ты такой же педагог, как я Папа Римский. Помолчи, иначе я выскажу всё, что о тебе думаю.

– Ой, напугала! Трясусь от страха!

– Анечка, успокойся. Выговорилась? Вот и хорошо. Ты, как всегда, права относительно того, что касается воспитания. Ты ас в этой области.

– Простите, нервы, – искренне и благодарно просияв, про-

шептала Аня в ответ на защиту коллеги.

– У нас мораторий на смертную казнь, – отшутилась Инна, предваряя и отменяя этим нещадную критику и возможные дальнейшие выпады и угрозы Жанны в свой адрес.

«Когда Инна заводится, проще с постным выражением лица не замечать ее шпилек или рассмеяться с ней за компанию. Но Ане с ее нервами это не по силам», – решила Лена и снова осторожно коснулась руки подруги.

– Я добросовестно старалась заснуть. Не вышло, – подала голос Жанна. – Аня, добавлю к твоему предыдущему заявлению: «Писателю надо бы еще отражать расклад мнений в обществе по разным вопросам. Допустим, писать про изживший себя комсомол, о его чиновниках, этих «откормленных бонз-пионеров лет сорока», про поиски чего-то на их замену. Или о том, что без героев, борющихся с коррупцией, России быстро не возродиться. И все это делать с сохранением интриги. Эпоха обозначается людьми, поэтому надо писать о тех, в которых отразилось новое время, и которые серьезно повлияли на положительное развитие страны.

– Ты об олигархах, которые обокрали наших сограждан и вывезли капитал за границу? – рассмеялась Инна.

«Прописалась в дискуссии организованной на пустом месте. И что нового сказала?» – педантично отметила про себя Аня и раздраженно заявила:

– Проснулась. Насколько я могу позволить себе судить о Ритиных книгах, они и есть квинтэссенция уже прожитого нами прошлого и результат осмысления нового времени.

Но Жанна продолжила:

– И в нас, женщинах, эпоха отразилась. И это мое заявление более значимо, чем то, о чем пишут некоторые недалёковидные писатели. Я верю в женщин. Они в большей степе-

ни истинно способны на поступки. Какие психологические глубины в простых сельских русских женщинах! Я восхищаюсь их реакцией на жизненные ситуации, их терпением и трудолюбием. Я – не из их числа. Это я поняла, безвыездно проработав двадцать лет в деревне. Не прикипела я к ней, не «климатило» мне там, как ни пыталась прижиться. Но я старалась. Деревня научила меня естественному, открытому, непосредственному, деловому взгляду на жизнь. У тамошних людей нет нашей городской рефлексии. Протекла крыша – починим, не уродил картофель – обойдемся другими продуктами. Все просто, ясно. Сами решают свои проблемы. А мы уже не можем без двусмысленности и демагогии. По любому поводу в уме перебираем варианты. Всё нам кто-то что-то обязан. Устаю я от этого... Жаль, что города высасывают деревню, она дряхлеет и разрушается. А казалось бы, не должны, это противоестественно. Ведь она – кормилица. Вот и едим Бог знает что, вместо натуральных продуктов. И это при наших-то просторах...

Недавно, впервые за последние десять лет в городе встретила человека, который помог мне без пользы для себя. И я разволновалась. Хочу радоваться, а сама не верю. Ищу причины, чего-то боюсь, что-то меня настораживает, мол, что ему от меня надо, что потребует взамен? А в деревне мне такое даже в голову не приходило. Там все друг другу помогали.

– И все же ты без оглядки покинула деревню. Временами

мысленно возвращаешься в нее? – спросила Аня.

– И не только мысленно, правда, не так часто как хотелось бы. Теперь деревня – дом души моей, дом мира и счастья. Когда случается там бывать – Матерь Божия! – такой откат в молодость, в прошлое происходит! Деревня, с ее теплыми и всё понимающими людьми, помогает мне приходить в себя после трагичных событий, восстанавливаться после болезней. Я обновляюсь в ней, становлюсь мягче, терпимее. Там я замечаю, как быстро природа отвечает добром на малейшую помощь человека. Как-то воткнула свежесрезанные черенки во влажную землю, а они росточки дали, веточками обросли! Я как ребенок радовалась. И у своих детей я поощряю желание приобщиться к природе. Мы с ними каждый год сажаем деревца на пустырях и поливаем их, пока не приживутся. Еще я иногда люблю побродить по дальним деревенским улочкам и проулкам. Поразительна аура этих старых уединенных заброшенных мест! Деревня мало меняется. Может, именно поэтому, возвращаясь в нее, я наиболее остро чувствую изменения происшедшие в себе за время отсутствия.

– Это по типу того, как перечитываешь Гека Финна через двадцать лет и обнаруживаешь, что не обращала внимания на социальные моменты, обозначенные автором в книге, потому что раньше волновали только приключения маленьких героев, – с легкой усмешкой заметила Инна. – Ты не хочешь насовсем вернуться в деревню? Природа, воздух! Россиян кто-то должен кормить.

– Если только отдыхать. Нет никакой материальной выгоды от огорода, – сказала Жанна.

– Работай на нем, чтобы вылечить свой радикулит. А экологически чистые продукты? – подсказала Аня.

– Ой, держите меня! Горожанка меня учит! Не вызывай огонь на себя. Тебе удавалось вырастить картошку и баклажаны без потравы колорадского жука? У меня не получалось, вот я и бросила огород, который с перепугу приобрела в начале перестройки.

– И я оставила это занятие из-за постоянной нехватки воды и воровства местных бомжей, – призналась Аня. – И лес скоро назад забрал выделенные нам садоводческим товариществом участки. Они сплошь покрылись молодыми соснами и березами. Теперь я там грибы собираю.

– Покупая овощи на рынке, я представляю, что продавцы этих продуктов умеют обходиться без вредных для нас химикатов. А какое молоко в магазинах? Я эксперимент провела: оставила бутылку на столе. Так оно за целый месяц так и не скисло! И с детским молоком то же самое произошло. А история с пальмовым маслом, черт его побери! Задумайтесь, что мы употребляем! – завелась Инна.

«Начали про Ерему, закончили про Фому», – занервничала Лена, неистово растирая онемевшие колени.

Инна посочувствовала ей:

– И твое тело – предатель. А в душе только тридцать пять?

– ...Было бы неправильным сказать, что твое мнение господствует и в среде мужчин, – услышала Лена замечание Инны.

– Я никого насильно за собой не тащу, – ответила ей Жанна.

– Ты намекаешь на их предвзятость? – уточнила Аня.

– Чтобы никого не обижать, я не стану отвечать, – кокетливо отозвалась Жанна.

– А я не стану требовать от тебя больше, чем ты могла бы сказать, – ядовито пресекла ее невинный каприз Инна.

– Напрасно. Ритины героини... – предприняла попытку что-то объяснить Аня.

– Знаю, Рита им передоверила защиту чести и достоинства. И производство тоже. Собственно, правильно сделала. У нас в России пятьдесят процентов начальников среднего звена – женщины.

– А во власти их почти нет. Ты не знаешь, почему? спросила Аня. – Квотируемый параметр?

– На мой взгляд, многие мужчины ленивы и безынициативны, но любят командовать, поэтому много сил тратят не на работу, а на завоевание кресел и удержания их под собой, – несправедливо распространила Инна качества встретившихся на ее жизненном пути далеко не идеальных руко-

водителей на всю армию начальников.

– Кажется, Никита Михалков говорил, что «прибраться надо в своем доме, в России», порядок навести во всем, – сказала Аня.

– Что надо делать, мы сами знаем! Прикроюсь парадоксальным для меня заявлением: «Этому народ еще Христос учил», – оцетинилась Инна. – Вопрос в том, как этого добиться?

– Воспитывать людей так, чтобы каждый человек к этому стремился вокруг себя, так сказать, в своем ареале, а руководство на всех уровнях способствовало, помогало. Это должно быть государственной программой, как при Союзе, когда воспитывали граждан, творцов, а не потребителей. С детсада надо начинать. Я своим ученикам говорю: «В войну перед молодежью стояла задача, оставаясь личностями, вписаться в общее дело – в борьбу с врагом, а теперь для вас такой участок войны – школа. Вы солдаты битвы за себя и обязаны побороть все трудности своего характера. И прежде всего лень. Каждый из вас должен стараться стать первым хотя бы в одной области знаний и умений. Быть прекрасным слесарем или поваром не менее престижно, чем врачом или ученым.

– Аня, ты хороший командир. А от балласта в руководстве надо решительно освобождаться, чтобы не мешали, – категорично потребовала Инна. – И от казнокрадов.

– Ой, как трудно! Все они там повязаны, – тяжело вздох-

нула Аня.

– А ты, Инна, что, сама уже того... сдулась? Когда-то могла и языком, и кулаком постоять за себя и других. Как теперь себя позиционируешь? – вставила свое пренебрежительное замечание Жанна.

«Не поддержала меня, а выскочила со своими шпильками, как прыщ на ровном месте», – раздраженно подумала о ней Аня.

– Я в рамках своих возможностей много чего хорошего в этом направлении сделала, – спокойно ответила Инна.

– Не переходи на личности, – тихо посоветовала Жанне Лена, не пытаясь вникнуть в причину спора подруг.

– ...У Риты широкая женская аудитория почитателей. На встречах она прекрасно держится и хорошо чувствует отдачу слушателей. Залы будто заполняются ее положительной энергией. Но любят ее за то, что ею желаемое принимают за действительное и неизбежное. Это наиболее живуче в нас и сегодня, – проехала в адрес читателей Инна, и тем вернула подруг к теме писательства.

– Для меня в этом смысле пример – Алла, – сказала Аня.

– Говорит с читателями с величием королевы на языке метафор и ассоциаций? Проясни обстановку.

– Да ни боже мой. Я об ее искренности и честности.

– Капитализм излечит нас и от этих «детских болезней» и научит конформизму.

– Конформизм не бывает дармовой. За каждую уступку в жизни приходится расплачиваться, – пробурчала Жанна.

– В этом плане ты у нас вне конкуренции, – изобразив серьезную мину, – быстро отреагировала Инна.

– Не выкручивай мне мозги.

– Я обязана уберечь тебя от заблуждений.

– Ну знаешь... – разозлилась Жанна, не найдя, чем ответить.

* * *

Аня с Жанной тихо беседуют.

– Для нас литература много значила, читать было нашей потребностью и привычкой, а на новое молодое поколение она утратила влияние. Мы в одном видели смысл жизни, а наши дети и внуки – в другом. Мы уже из разных миров. После свистопляски девяностых молодежь уже во многом не считает для себя образцом тех, кто «родом» из шестидесятых.

– Ну и что из того, что у них иные идеалы и мечты? – удивилась Жанна. – Молодежь у нас разная, но хорошей больше. Просто плохие качества заметнее. Зло более агрессивно. Моя подруга часто ходит в походы, судит спортивные соревнования. Так она рассказывала, что ребята не курят, не пьют, доброжелательные, какие-то все чистые, светлые. Ей не раз приходилось уводить их от кучек сорока и пятидесятилет-

них, которые приезжали на тусовки, чтобы водкой заливать свои жизненные неудачи. И плачут они от горя, и радуются, так же как и мы. Я не большая поклонница их музыки, потому что у нее ритм, которым они живут. Я не успеваю в него вникнуть. Но не стоит тревожиться за их будущее. Мы продолжимся в наших детях. Базовые нормы у нас общие, только способы реализации и подачи изменились.

– Я не разделяю твоей уверенности. Мне кажется, молодежь теперь менее эмоционально развитая, безразличная, пассивная: не чувствует боли ближнего, радоваться не умеет. Наше военное и послевоенное поколение более жизнерадостное. Почему? Рады были, что выжили, – сама ответила на свой вопрос Аня. – У современных молодых мужчин любовь ассоциируется только с личным комфортом. Они не верят в высокие чувства. В них осталась только собственническая ревность, а это жутко препакостная штука. В ней нет ничего логичного.

Инна ей возразила:

– Моя племянница тоже так посчитала и в восемнадцать лет вышла замуж за мужчину на двадцать лет старше себя, чтобы не ревновать. Он говорил ей, что по большому счету за нас все решают небеса, и что Бог его любит, раз дал встретить такую прекрасную девушку. Она и поймалась на красивые слова. Решила, что лучше взрослеть рядом с мудрым мужем, чем рвать себе сердце из-за какого-нибудь эгоистичного инфантильного мальчишки. Родился ребенок, а муж ни-

чего не хотел менять в своей жизни. Не помогал, увлекался другими женщинами. А племяшка удивлялась: «Почему я должна всем жертвовать, а ты ничем? Ты же мужчина! Где же твоё надежное плечо? Раз идем вместе по жизни, так участвуй в ней, а не будь попутчиком». Поняла она, что общего кровообращения у них не получится, и ушла от него. Одна растит сына и замуж больше не желает идти. Говорит, что наелась до отвала и что если даже найдет достойного, то так пестовать его как своего первого не станет.

– Эгоизм страшнее ревности, – заметила Аня.

– Какая же ревность без эгоизма? – удивилась Жанна.

– Ты об этом с Галей поговори, – посоветовала ей Инна.

* * *

Аня с Жанной тихо разговаривают. И Лена с Инной обсуждают свою серьезную тему и одновременно успевают прислушиваться к беседе своих подруг.

– ...А мне кажется, молодежь читает книги из нашей юности. Просто новый контекст жизни задает им другие границы восприятия, поэтому наши любимые произведения в их сознании подвергаются некоторой трансформации. Это естественно и неизбежно. Жюль Верн уже не идет в сравнении с крутой детективной фантастикой типа Гарри Поттера, но базовые понятия остаются. Дружба, любовь, одиночество. И в этом – правда отчасти – заключается жизнестойкость старых

произведений. Но подача современного материала – это уж точно – теперь требуется совсем иная, – сказала Аня. Жанна ей что-то тихо ответила. И Аня добавила:

– Может, даже появится совершенно иная генерация писателей.

– ...Язык передает наш внутренний мир. Один ученый сказал: «Границы моего мира определяются границами моего языка». Вот так-то. А другой написал, что слово – самое точное и самое острое оружие, какое когда-либо было у человека.

– Есть великие писатели, которые могут свои гениальные мысли, сделать достоянием других.

– И есть великие читатели. «Пусть другой гениально играет на флейте... Но еще гениальнее слушали вы», – написал поэт Андрей Дементьев.

– ...Ты о беспрецедентной ситуации с русским языком, о мощной агрессивной интервенции иноязычных и компьютерных слов в русский язык и о необдуманных заимствованиях, которые могут затоптать веками выверенные истины, или о просторечье? Голова пухнет от новых терминов? Не волнуйся. Язык обновляется, это неизбежно. А истины проложат себе дорогу. Эпохи приходят, и уходят, а язык, в основе своей, остается и даже положительно совершенствуется. Так было всегда, – сказала Инна.

– Я смотрю на проблему шире. Сохранение языка – вопрос политический. «Укрепление позиций языка являет-

ся стратегическим национальным приоритетом». Сейчас эта проблема стоит много острее, чем когда-либо. «Укрепляя, сберегая и защищая русский язык, мы крепим прочность государства. Язык закладывает сущность мировоззрения, и тем оказывает сильнейшее влияние на его носителей, на народ... Искажение языка, его подмена может деформировать, а то и переформатировать личность и целый народ», – четко произнесла Лена.

– Пугаешь? – удивилась Инна.

– «Сохранение русского языка, – это сохранение национальной идентичности. Речь идет о том, чтобы быть и оставаться русским народом со своим характером, со своими традициями и самобытностью, чтобы не утратить историческую преемственность и связь поколений. Для нас, русских, это означает быть и оставаться русскими. И это вовсе не повод обвинять нас в шовинизме или национализме», – строго, как на научной конференции разъяснила Лена свою позицию Инне. И та подумала, что ее подруга ни за что не станет цитировать автора, с которым не согласна.

– Вот ты говорила, что современные дети не умеют читать. Что ты под этим понимаешь? – вмешалась в их разговор Аня.

– Ну не складывать же из букв слова. Уметь читать, значит, понимать, чувствовать и оценивать текст, – ответила Лена.

– А почему не умеют?

– Не учим думать, не прививаем подлинный вкус к слову.

А нас учили. Если человек не умеет правильно читать, естественно, у него нет желания этим заниматься. Если меня не научили играть на скрипке, ты же не удивляешься тому, что я не рвусь на сцену? – сказала Инна.

– Вот так и упускаем детей, – вздохнула Аня.

А Лена продолжила важный разговор:

– «Язык – основа основ человека как такового. Вспомни из библии: «Вначале было Слово...». Вне слова, которое передает от поколения к поколению культуру, историю народа, его опыт и традиции, человек представляет из себя животное. Нет языка, нет человека, нет народа. Язык – это главная, даже, пожалуй, единственная основа для укрепления и сохранения России».

– А я думала, атомное вооружение, – пошутила Инна. – Круто берешь! – удивилась она и впервые подумала о подруге, как о серьезном преподавателе и воспитателе. – Но я понимаю, что любой язык отражает культуру той страны, которую он представляет. Англичане говорят, что когда ты изучаешь язык, ты карабкаешься на гору, не достигая вершины. Этими словами они подчеркивали, как труден их язык.

– «Перед нами стоит сложнейшая задача спасения и сохранения русского языка, русского человека, русской цивилизации».

– Перед кем это «перед нами»? Конкретно перед писателями, создателями художественной литературы, которая несет и хранит в себе слово, а значит и язык? – уточнила Аня.

– Мелко копаешь. «Необходимо вернуть русскому языку народообразующий статус силами педагогов, родителей, общественных деятелей». Естественно, при непосредственной поддержке на самом высоком уровне. Это задача для всей нации. Только знание языка, истории и культуры своего народа и сопричастность судьбе Отчизны объединяет людей в нацию». В годы нашей юности руководство страны это понимало и проводило соответствующую воспитательную политику, – ответила Лена.

– А еще понимало, что добро должно объединять людей, а не злонамеренность, – сказала Аня.

– Осмыслим и внедрим всеобщую благотворительность как национальную идею? – усмехнулась Инна. – Хотя... она у нас всегда присутствовала в духовном коде нашей нации.

– Мы привыкли, что власть за нас решала все наши проблемы, а теперь приходится учиться и своей головой соображать, – добавила Жанна.

Но Лена продолжила:

– Знание классической и современной литературы, умение говорить, во многом определяют культурного человека, его нравственный и идеологический фундамент. «Мы должны гордиться своим языком – нашим национальным достоянием, бороться за его чистоту, чтобы он не растворился в других языках. Иноязычный мусор нахраписто внедряется в нашу речь, в мозги, и что очень опасно, подменяет смыслы и понятия. В атмосфере чужой и чуждой языковой агрессии

теряется адекватность восприятия мира».

Она теперь говорила в обычной тихой задумчивой манере, а не строго, как на лекциях перед студентами. И от этого ее слова казались более прочувствованными.

– Книги – сильнейшее идеологическое оружие. Я голосую за сохранение родного литературного языка и не могу не напомнить, что «с Творцом, мы русские, можем общаться только на данном Им слове, на русском языке. Иначе он не услышит нас», – сказала Жанна и вспомнила о младшей внучке. «О чем ее ни спросишь, у нее на все один ответ: нормально». Усеченным, упрощенным языком разговаривает и не видит в том беды, а меня это выбивает «из зоны комфорта», раздражает. Мое упущение? Школы, родителей? С себя надо начинать. Не упустить бы малышку».

– Насчет языка общения с Богом... Мысль очень интересная, но весьма спорная. Что-то в ней для меня не складывается... «Надо будет сходить в библиотеку и покопаться в истории религии, если Всевышний даст мне на то время», – подумала Инна и принялась рыться в своей памяти, систематизируя всё когда-то прочитанное ею на тему православия.

– А мне импонирует фраза великого историка Карамзина: «Богатство языка есть богатство мыслей... являя степень его образования». «Любовь к Родине выражается прежде всего в языке и лишь затем – в материальных проявлениях», – писал Липецкий журналист Владимир Петров. У него острое и меткое перо, – отметилась в теме Аня.

«Наверное, совсем недавно посетила Ларису», – ревниво решила Инна.

– Сколько ярких емких, бесценных слов ежегодно исчезает из языка! Это естественно? – спросила Жанна.

– К сожалению. Одни слова отмирают, другие нарождаются, – ответила Лена.

– Если исчезают устаревшие, вышедшие из употребления слова, демонстрирующие старые патриархальные ценности, то еще куда ни шло. Их, наверное, не жалко, – предположила Жанна.

– Теряется своеобразный богатейший язык простонародья. Он бесценный кладезь мудрости. Это такой мощный «объект» для изучения, – вздохнула Аня.

– Глубинный яркий народный язык непобедим. У него нет противоречий с литературным. Вспомни рассказы Шукшина. Вот и пусть его хранят и изучают специалисты. Это их головная боль, – спокойно отреагировала на Анины вздохи Инна.

8

– Мы отвлеклись, чуть не позабыв о цели нашего разговора. Вернемся на исходную позицию, – сказала Аня. – Ритины книги может и не станут классикой, но они нужны нашим детям и внукам, потому что их чтение, затрагивая глубины мозга, напрямую связано с формированием личности читающего, его вкусов, видения, внутренней атмосферы. Наш позитивный жизненный опыт тоже накапливался параллельно с чтением и благодаря ему. Я это прочувствовала на себе. «Человек есть то, что он читает». В нем многое может не проснуться, если он в детстве не прочитает прекрасные добрые книги. Приятным необременительным способом воспитания снабдили нас в детстве! И мы должны передать его следующим поколениям. Правильные книги, если они отвечают запросам общества, создают у детей образ будущего, подсказывают их место в нем, учат общаться.

– Вот тебе и мотивация, – удовлетворенно заметила Жанна. И в подтверждении своих слов привела пример. – Моей дочке Наде было четыре года, когда для проверки зрения ей в детском саду лекарством расширили зрачки, и она не могла читать. Придя домой, она сказала мне грустно: «Без чтения я умру». А спустя годы создалась, что мучилась, но через силу, через пелену и нерезкость в глазах все равно читала, нарушая мой запрет. Не могла преодолеть тягу. И до сих пор

не расстается с книгами, защитила диссертацию, преподает.

Аня сказала:

– Для меня чтение – как потребность в общении с теми, кто жил сто и даже тысячу лет назад. А авторы – мои прекрасные собеседники.

– В Ритиных книгах для взрослых меня привлекают поиски скрытых пружин поведения человека, его психология, – сказала Инна.

– Я как-то читала детям книжку Харриса «Сказки дядюшки Римуса» про братца Лиса и удивлялась, как все-таки отличается наше воспитание от воспитания детей на Западе. Их учат ловчить, хитрить, обманывать, – возмутилась Аня.

– По нынешней жизни книжки должны учить наших внуков защищаться от таких вот как братец Лис, не быть слишком наивными, простачками, – вплела свое мнение в ткань разговора Жанна.

– Иногда литература вытаскивает из человека то, чего он сам не хотел бы о себе знать, – усмехнулась Инна.

– Рита пишет такие книги, какие ей хотелось бы читать самой или те, которые, по ее мнению, нужны детям? – уточнила Аня.

«Спелись педагоги. (Инна сказала бы «промокашки».) Вот бы заснуть под тихую, простенькую музыку их слов», – подумала Лена.

– Подружки, вы диспут по идеологии и по теории литературы закончили и снова взялись за проблемы воспитания? –

недовольно спросила Инна.

– Ты же не станешь отрицать, что врачи на своих встречах только о болезнях и говорят? – удивленно спросила Жанна.

– Обескураживающее заявление, – рассмеялась Инна, – но верное. Мой огромный опыт общения с докторами в неформальной обстановке дает мне право подтвердить, что какую бы тему они не начинали, все равно сползали на медицинскую.

«Любительница громких фраз. Неловко за нее», – вздохнула Жанна.

Она не знала о тяжелой многолетней, мучительной болезни Инны и воспринимала ее высказывания, как пустозвонство, как желание «выставляться» перед подругами.

* * *

– Лена, а как ты определяешь качество книги, которая произвела на тебя сильное впечатление? – Это Инна спросила.

«Раскручивает нас на очередной бестолковый диспут», – молча, надменно повела плечами Жанна.

– Через некоторое время я еще раз должна ее перечитать. Если уровень впечатления не снизился, значит, с моей точки зрения, – это шедевр. И с произведениями музыкантов и художников я так же поступаю. Это для меня важно, потому что иногда умный оригинальный сюжет оказывает на меня

столь сильное впечатление, что мои эмоции от него начинают преобладать над впечатлением от качества мелодии или изображения, и я могу быть необъективной. В моей голове часто выстраивается собственное видение сюжета, которое накладывается на авторское, и частично или полностью его перекрывает, а то и отрицает. И тогда я воспринимаю свое воображаемое, как истинное, полученное от изучаемого объекта. А специалисты и опытные редакторы, прочитав одну-две страницы прозы, сразу могут сказать, чего стоит то или иное произведение, живой текст или мертвый. Они, как хорошие музыканты с первой ноты чувствуют фальшь.

– А как ты узнаешь, что...

– Ты не находишь, что слишком поздно для дебатов? Конечно, в праздник мы не обязаны выполнять установленный в Кириной семье распорядок, но завтра нам всем предстоит радостный, но, тем не менее, нелегкий день, – шепнула Лена на ухо подруге, которая, как ей показалась, снова готова была «броситься в бой». – Смотри, девчонки уже лежат спокойно, как легкие морские волны в тихую погоду.

Обе женщины как по команде прикрыли глаза.

Но недолго они притворялись спящими. Грохот в квартире над ними заставил всех вздрогнуть и подскочить. Кира приоткрыла дверь в зал и спросила:

– Вас разбудили мои беспокойные соседи или вы еще не укладывались?

– Спокойной ночи нам никто не пожелал, – пошутила Ин-

на.

– Соседи только что пожелали, – поддержала шутку Ки-ра. – Не пугайтесь. Это их обычное поведение. Спите.

Она тихо прикрыла дверь и на цыпочках – видно по привычке – прошла к себе в спальню.

Конечно же, никто сразу не уснул. И тихая беседа возобновилась.

– Писательское сообщество не заповедник единомышленников. Каждый волен по-своему выражать свою позицию и взгляды. А если все в одну дуду, то это как-то сомнительно, – тихим шепотом нарушила тишину Жанна. Свои слова она предназначала Ане.

– Ты права. Можно и нужно писать о чем угодно и как угодно, главное – делать это убедительно и никому не подражая, – поддержала ее Аня. – В Ритиной прозе не чувствуется заданности, умозрительности, она в ней проста и естественна. У Риты абсолютный слух на правду. Для нее она – основа, база мастерства писателя.

– Можно подумать, что мы сами не знаем, с какого боку нам подходить к проблемам своей жизни. Только у писателей особая ясность и точность мыслей и оригинальное звучание слова? – недовольно забурчала Инна. – Вот зачем Рита пишет? Писательство – способ ее существования? Она живет в двух реалиях: в своей жизни и в жизни своих героев? Если не пишет, то на нее накатывает ужас? Она отравлена ядом

сочинительства и без этого уже не способна жить?

– Последняя твоя фраза явно пришлись бы Рите по душе. Она хочет, чтобы все хорошее, что было в жизни нашего поколения, продолжилось в наших внуках и правнуках. Рита рассказывала, что первоначальным импульсом к написанию следующей книги для нее является выбранный прототип главного героя. От него она всё ведет, – объяснила Аня. – А вот одну мою знакомую почему-то не впечатлила Ритина предпоследняя книга. Я ей пыталась растолковать...

– Художник всегда обречен на непонимание! – рассмеялась Инна. – Удовлетворить в одном произведении и элитного, и массового читателя невозможно.

– Нравиться и царю и пономарю? Дудки. Литература не тот вид деятельности, где всё решают вкусы большинства. Кажется, Бунин заявлял, что он «не червонец, чтобы всем нравиться», – напомнила Жанна. – И о Моне Лизе говорят, что она сама вправе выбирать, на кого производить впечатление, а на кого нет.

– И у меня нет такой задачи. О Ритиных произведениях можно сказать то же самое. И это мое глубокое убеждение. Очередной своей книгой она еще раз подтвердила свое писательское реноме. «Надо иметь умных товарищей». Когда-то эту реплику в зрительный зал Маяковский вбросил. Правда, в детстве я считала эти его слова грубыми и нетактичными, – тихо сказала Аня.

Но Инна отчитала ее хлесткой фразой того же автора:

– «Гении не боятся капризов толпы. Что им недалекость отдельных особей!»

Аня не рискнула ей возразить.

«Не может отказаться от соблазна блеснуть своей эрудицией. Нарочно подавляет меня своей начитанностью», – очень тихо, но сердито пробурчала Аня, прекрасно сознавая свою неправоту. Усталость и раздражение слишком давили на ее слабые нервы, и она таким образом пыталась расслабиться.

«О Боже, дай мне терпения! Может вино из них никак не выветрится? Слабы стали по этой части? Завтра мы будем представлять собой вяленую рыбу, висящую на сквозняке», – с грустной вымученной усмешкой подумала о себе и об остальных присутствующих Лена.

Нельзя сказать, что ей полностью не нравилось происходящее в комнате, – оно развлекало, – но ей очень хотелось полноценно отдохнуть.

И все же Лена, похоже, минут десять вздремнула между высказываниями подруг и поэтому немного приободрилась.

– Мне импонирует, что Рита, как теперь принято говорить, сама себя сделала: ни протезирования, ни малейшей материальной поддержки со стороны, – сказала Аня.

– Как, впрочем, и все «служители» искусства, вышедшие из нашего курса, – нехотя допустила Инна.

– А у Риты не возникает судорожно-пугливых мыслей,

что вдруг больше не получится, что уже растратилась? – Это Жанна заговорила.

– Ей неведом творческий простой. «В кричащей тишине я заново рождаюсь», – строчкой из Валентина Гафта ответила Лена. (И у нее он на слуху?)

– Как приятно, что мы можем перекликаться фразами из великих и любимых авторов! – мгновенно отреагировала Инна.

– Для последней книги Кира подкинула Рите идею, – сообщила Аня.

– Молодец. Идея часто стоит дороже воплощения.

– Рита загорелась ею, привела в действие пружины вдохновения, и всё закрутилось-завертелось. Туда же вплелись несколько видоизмененные судьбы наших подруг и знакомых. Есть среди ее героев и редкий благородный тип интеллектуала, и современные подонки. Куда же теперь без них? У кого-то из персонажей голова замутнена пропагандой и рекламами, кто-то живет своим осторожным умом. Там этика и поэтика жизни, трагичная ирония и затейливые детали характеров... Все как в жизни, – поведала Аня.

– Сама себе задает вопросы, сама на них пытается ответить, вслушиваясь в себя и в окружающий мир, – сказала Инна вполне серьезно.

«Дает недвусмысленно понять, что отводит себе в нашем разговоре далеко не последнюю роль», – ревниво подумала Жанна и намеренно обратилась только к Ане:

– Какова, с твоей точки зрения, философия Ритиных произведений? Какова главная метафора последней книги?

– Не возьмусь сформулировать. Я не по этой части, – начала та извиняющимся тоном, но потом разошлась без меры:

– Я понимаю, что главный критерий ценности современного произведения – новизна формы и содержания, но для меня важнее: нравится – не нравится. Я понимаю качество произведения на уровне моего вкуса. Но не всё так просто. Ты же знаешь, мы в диалоге со своим временем через свои ощущения, и в этом процессе есть определенный компонент бессознательного, потому-то в Ритиных книгах мне важны не сами события, а их обсуждение героями. Я эти оценки со своим мнением сравниваю. В какой-то момент мне стали неинтересны сюжеты книг. Может, поэтому у меня сложилось мнение о Рите, как о серьезном, вдумчивом, интеллектуальном писателе. Для меня до сих пор существуют неразгаданные зоны в ее творчестве. Я под сильным впечатлением от ее произведений. Ни ужасов, ни кровищи в них, а вот поди ж ты – бьют в цель. Когда я читаю их, иногда так грустно делается! Мы же люди, отчего же живем так неразумно! Мы же россияне, великая нация, а не то, что думают о нас американцы: медведи, балалайки и водка. Мы – великая страна! – с болью и обидой в голосе сказала Аня. – Ритины корни в СССР. Оттуда тянется шлейф ее высоколобой интеллектуальности. (Она о книгах для взрослых?) Оттуда же предисловия и послесловия к ее книгам, соответствующие рангу

толстых журналов. Ее писательству предшествовал опыт вузовского преподавания и наставничества, что бесспорно не могло не сказаться на произведениях. И это же определило узкий социальный круг ее персонажей.

– Ансамбль, – рассмеялась Инна.

– Небезосновательно, – согласилась Жанна.

– И все же от ее последней книги я в некоторой растерянности. По языку это интеллектуальный роман, а по содержанию – грустно-бытовой. Он впечатляет, но не обнадеживает. Она недооценивает в триаде добродетелей надежду. Любовь и вера могут уйти из жизни человека, угаснуть, но надежда должна оставаться и сохранять душу. Таких как Рита «грустных» писателей должно быть мало, чтобы не сеять пессимизм, который чреват непредсказуемыми последствиями.

– Трагический пессимизм, – уточнила Инна слова Ани. – Ее персонажи борются, пытаются что-то улучшить. Разве они утратили надежду и веру? По крайней мере, в себя. Ты считаешь ее героев слабыми и далеко не безупречными, не соответствующими кодексу строителей коммунизма?

– У них много просчетов, проколов.

– Ты хотела бы увидеть образы безгрешных людей, быть похожими на которых мы искренне стремились в свои молодые годы с воззванием: «сильные воспринимают препятствие как возможность»? Слова, слова, старые лозунги... А Ритины героини живые, обыкновенные.

– Что будет, если мы начнем больше поддерживать слабых, но добрых? Куда покатится история? – спросила Жанна.

– В исторический пессимизм, – рассмеялась Инна.

– Не все люди титаны... Да ну, тебя! – в сердцах воскликнула Аня, больше не желая спорить.

– Ха! Разве ты у нас выступаешь не за союз ума, роскошной красоты и воли? Не льстя тебе, скажу уверенно: много найдется согласных с тобой читательниц-идеалисток из нашего поколения, с сердечным простодушием радующихся сказочным концовкам женских романов. Возьми, к примеру, Жанну. И я – от скуки – не выпадаю из общего ряда, хотя и не признаю их слащавого наполнения, максимально нереалистично представляющего мир вокруг нас.

– Ты в кучу сваливаешь личное и общественное, частное и общее. Перестань запутывать Аню, – попросила Жанна.

– Инна, Ритины книги нельзя назвать женскими романами. Они жизненные, без слюней до полу. К твоему сведению: человек сам интуитивно выбирает, что ему читать. Моя душа, допустим, не принимает Платонова. Я его книги еле одолела и зареклась к ним возвращаться, чтобы не погибнуть от депрессии. Надоело с ней сражаться. Да и уставала я от его «слишком своеобразного, причудливого» языка. А ты говоришь, Рита о грустном пишет! Она хочет в наше сложное перестроечное время вернуть человеку душу, вот и показывает хорошего человека в плохой среде и наоборот. Она поднимает этические проблемы в обществе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.